АРИ ФОЛЬМАН ДЭВИД ПОЛОНСКИ

ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК

ГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

АРИ ФОЛЬМАН
ДЭВИД ПОЛОНСКИ

ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК

ГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2018

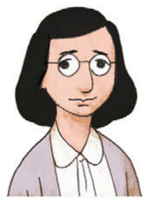
СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Герои дневника и их настоящие имена

Семья Франк

Анна Франк

Марго Франк – сестра Анны (старше на три года)

Отто Франк («Пим») – отец Анны

Эдит Франк – мать Анны

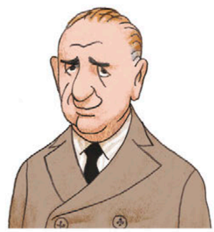
Остальные жильцы

Петер Ван Даан = Петер Ван Пелс

Августа Ван Даан («мефрау») = Августа Ван Пелс – мама Петера

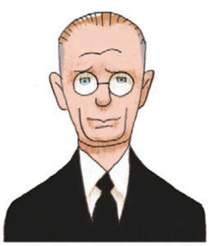

Герман Ван Даан = Герман Ван Пелс – отец Петера

Альберт Дюссел (дантист) = Фриц Пфеффер

Помощники

Йоханнес Клейман – бухгалтер в «Опекта и Пектакон», компаньон Отто Франка

Виктор Кюглер – сотрудник «Опекта»

Беп Фоскёйл – секретарь в «Опекта», дочь сотрудника Йохана Фоскёйла

Мип Хис – секретарь Отто Франка

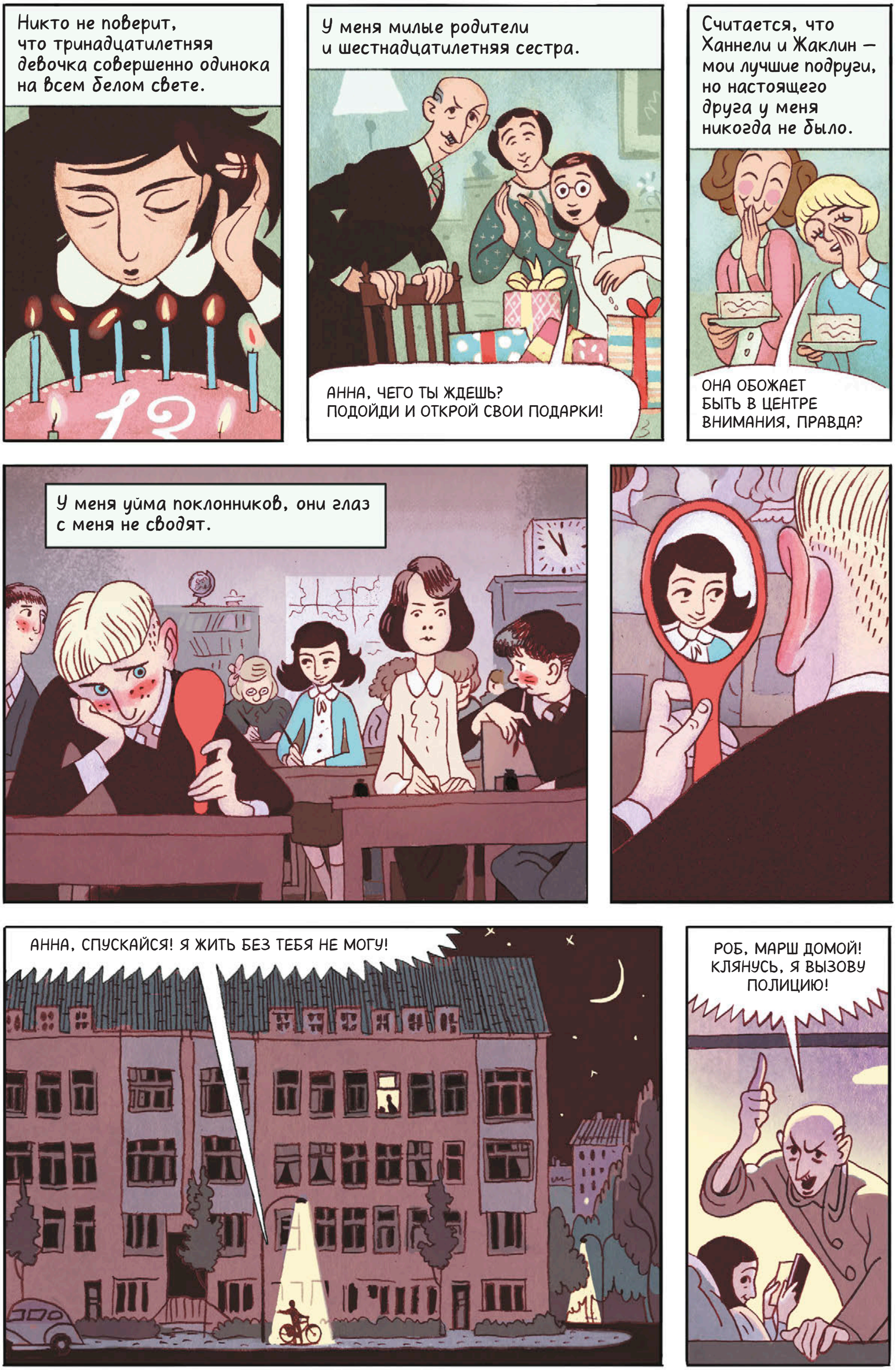
Ян Хис – супруг Мип

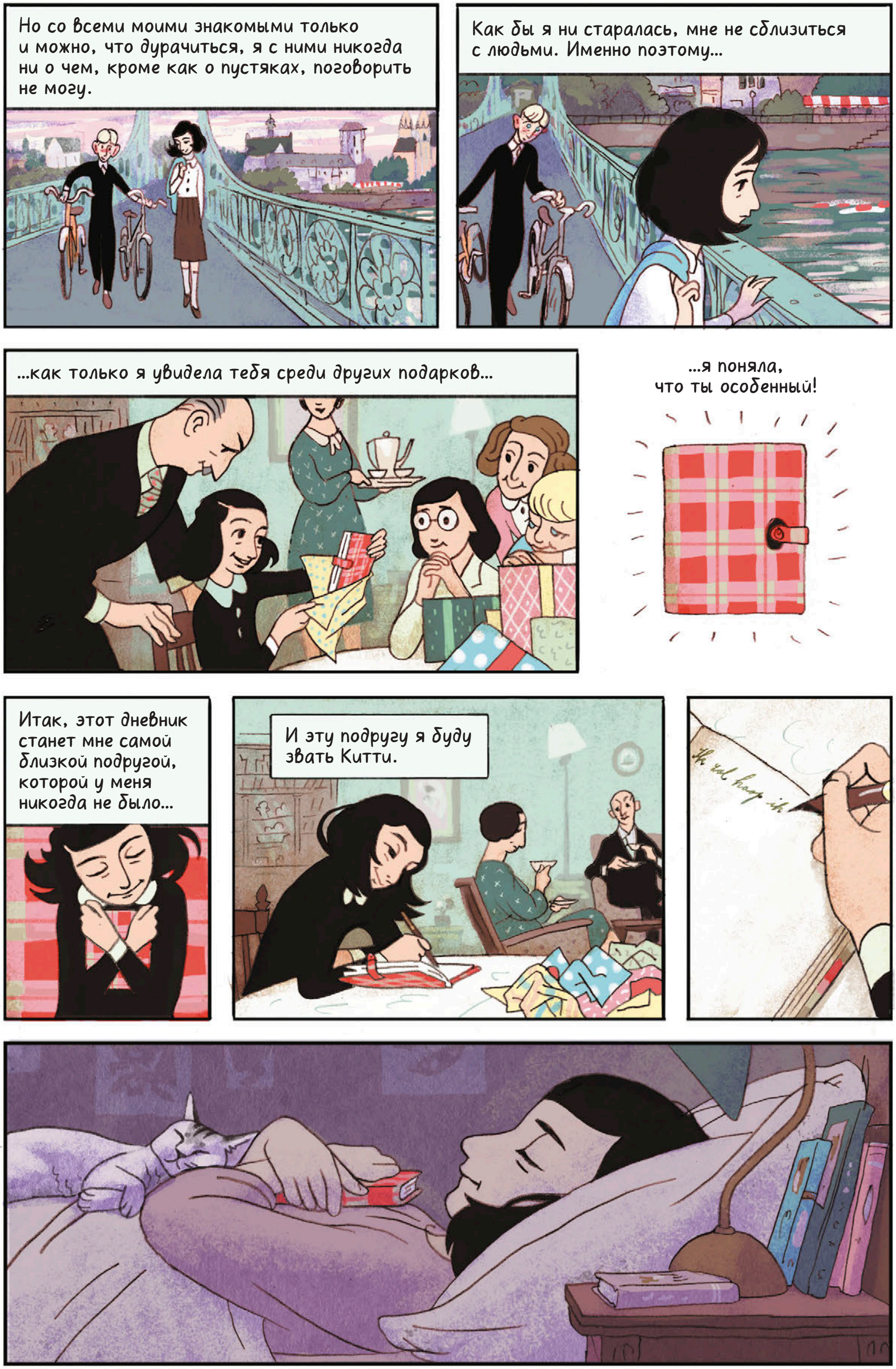

Йохан Фоскёйл – отец Беп, заведующий складом в «Опекта»

Пятница, 12 июня – суббота, 20 июня 1942 г.

Никто не поверит, что тринадцатилетняя девочка совершенно одинока на всем белом свете.
У меня милые родители и шестнадцатилетняя сестра.
АННА, ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ? ПОДОЙДИ И ОТКРОЙ СВОИ ПОДАРКИ!
Считается, что Ханнели и Жаклин — мои лучшие подруги, но настоящего друга у меня никогда не было.
ОНА ОБОЖАЕТ БЫТЬ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ, ПРАВДА?
У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят.
АННА, СПУСКАЙСЯ! Я ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ НЕ МОГУ!
РОБ, МАРШ ДОМОЙ! КЛЯНУСЬ, Я ВЫЗОВУ ПОЛИЦИЮ!

Но со всеми моими знакомыми только и можно, что дурачиться, я с ними никогда ни о чем, кроме как о пустяках, поговорить не могу.
Как бы я ни старалась, мне не сблизиться с людьми. Именно поэтому...
...как только я увидела тебя среди других подарков...
...я поняла, что ты особенный!
Итак, этот дневник станет мне самой близкой подругой, которой у меня никогда не было...
И эту подругу я буду звать Китти.

Дорогая Китти!

Надеюсь, я смогу тебе все доверить, как не доверяла
еще никому, и надеюсь, что ты будешь
для меня большой поддержкой.

Расскажу вкратце свою биографию. Мои папа с мамой поженились в Германии в 1925-м, и это не было любовью с первого взгляда...

Моя сестра Марго родилась в 1926-м.

Спустя три года на свет появилась я: Аннелиз Мария Франк.

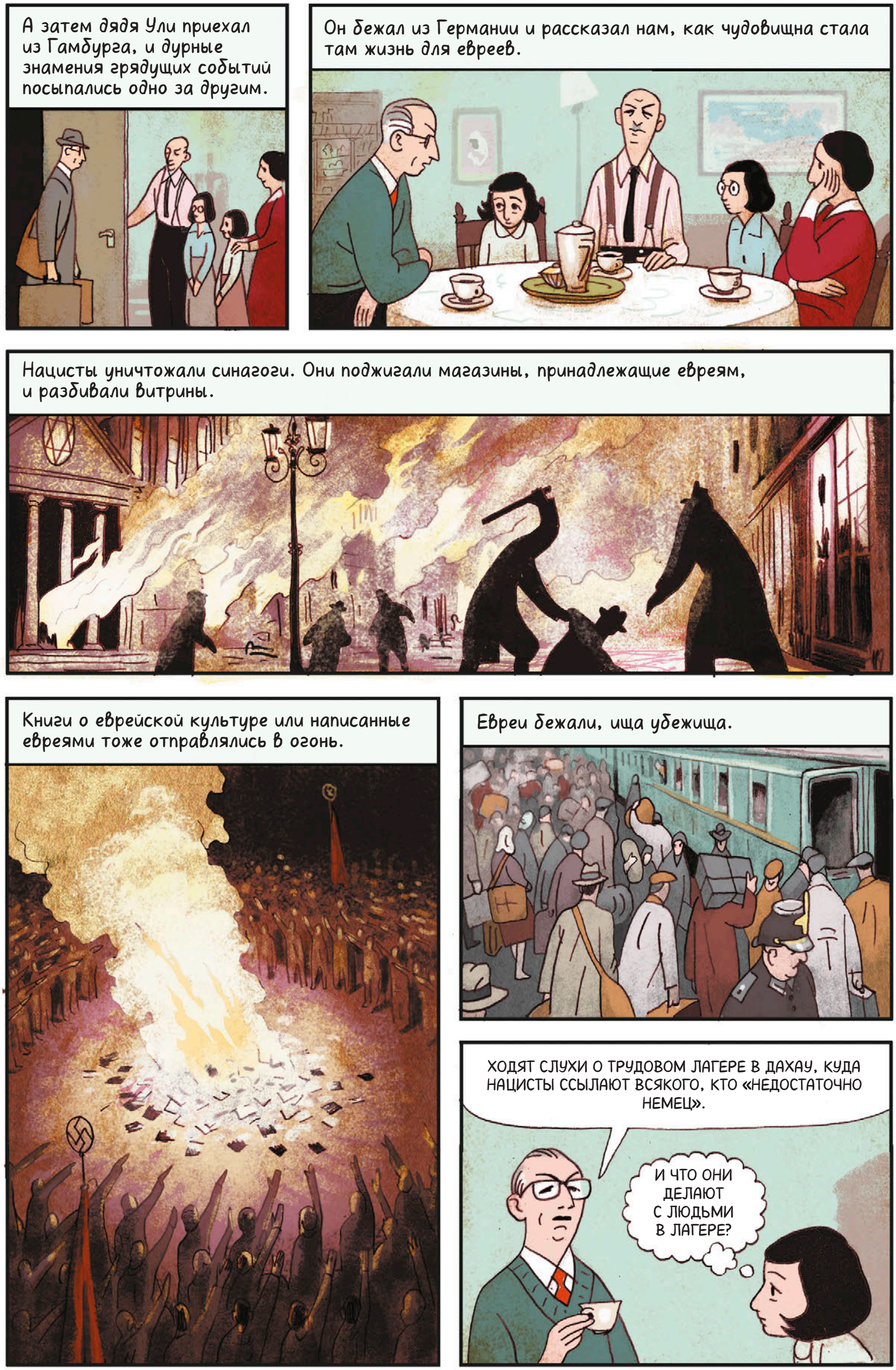

Но затем к власти пришли нацисты и стали внушать, что евреи отличаются от остальных.
ЭТОТ ВЕТЕРИНАР ЛЕЧИТ ТОЛЬКО ЕВРЕЙСКИХ ЖИВОТНЫХ?
НЕТ, НО С НИМ ОБРАЩАЮТСЯ КАК С ЖИВОТНЫМ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОН ЕВРЕЙ.
ВЕТЕРИ
Нацисты стремились исключить евреев из немецкого общества. И хотя евреи составляли меньше одного процента населения, нацисты верили, что именно мы были источником всех бед.
БОЛЬШИНСТВО МОИХ ДРУЗЕЙ-ЕВРЕЕВ УВОЛИЛИ С ГОССЛУЖБЫ. НАДО УЕЗЖАТЬ, ВСЕ СТАНЕТ ТОЛЬКО ХУЖЕ.

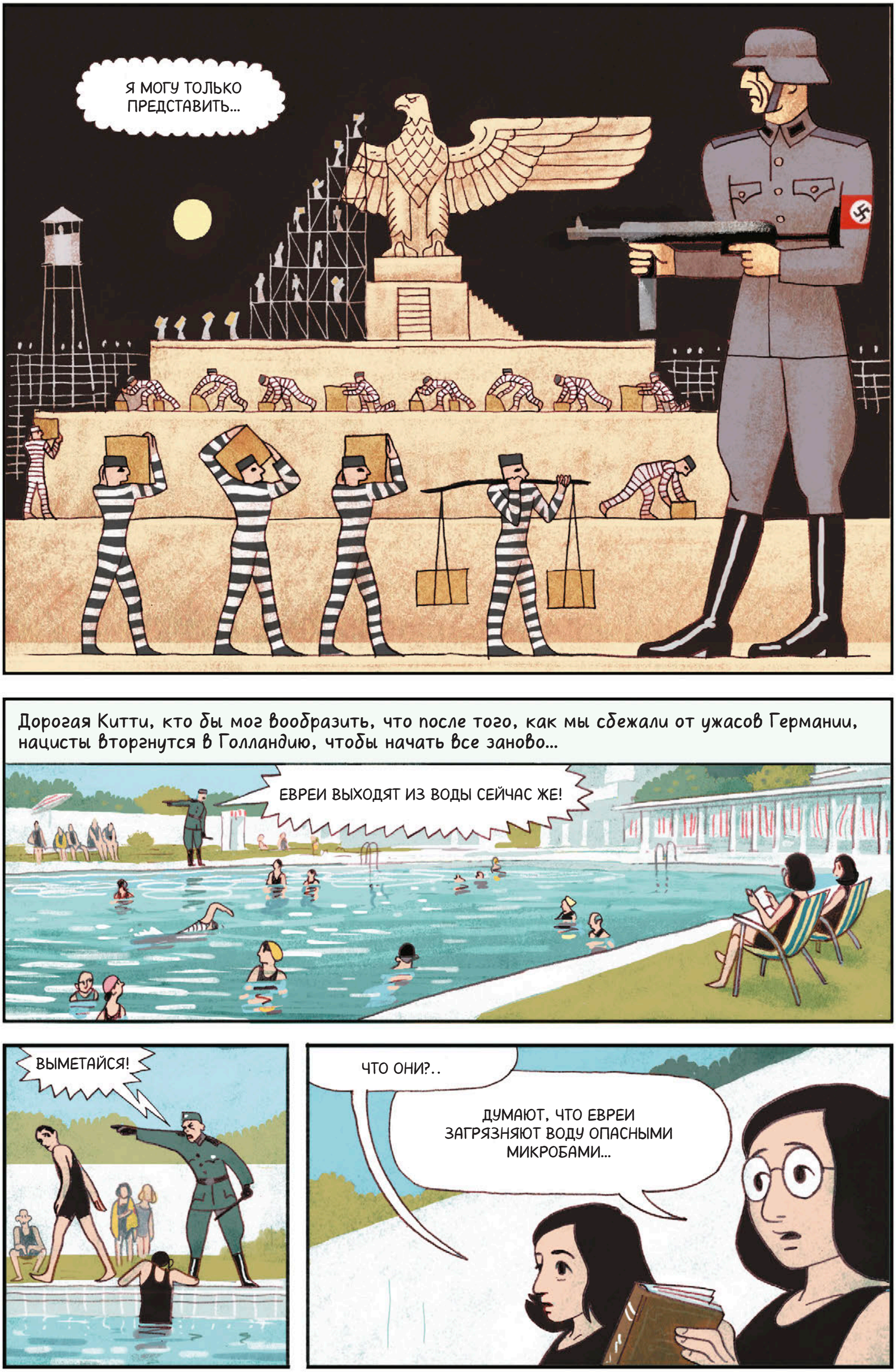

Веря, что Голландия более безопасна для евреев, отец в 1933 году переехал в Амстердам и открыл там «Опекта» — компанию, производящую секретный загуститель для джемов.
10 Minuten
Opekta

Чуть позже к нему переехали мама с Марго, а я в это время оставалась в Германии с бабушкой.

Когда Марго исполнилось восемь, меня привезли из Германии, будто подарок, и наконец-то наша семья воссоединилась.

Жизнь в Голландии была прекрасна, чувствовалась такая свобода! Мы часто ходили на каток и даже ездили на каникулах в Швейцарские Альпы кататься на лыжах.

А затем дядя Ули приехал из Гамбурга, и дурные знамения грядущих событий посыпались одно за другим.
Он бежал из Германии и рассказал нам, как чудовищна стала там жизнь для евреев.
Нацисты уничтожали синагоги. Они поджигали магазины, принадлежащие евреям, и разбивали витрины.
Книги о еврейской культуре или написанные евреями тоже отправлялись в огонь.
Евреи бежали, ища убежища.
ХОДЯТ СЛУХИ О ТРУДОВОМ ЛАГЕРЕ В ДАХАУ, КУДА НАЦИСТЫ ССЫЛАЮТ ВСЯКОГО, КТО «НЕДОСТАТОЧНО НЕМЕЦ».
И ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ С ЛЮДЬМИ В ЛАГЕРЕ?

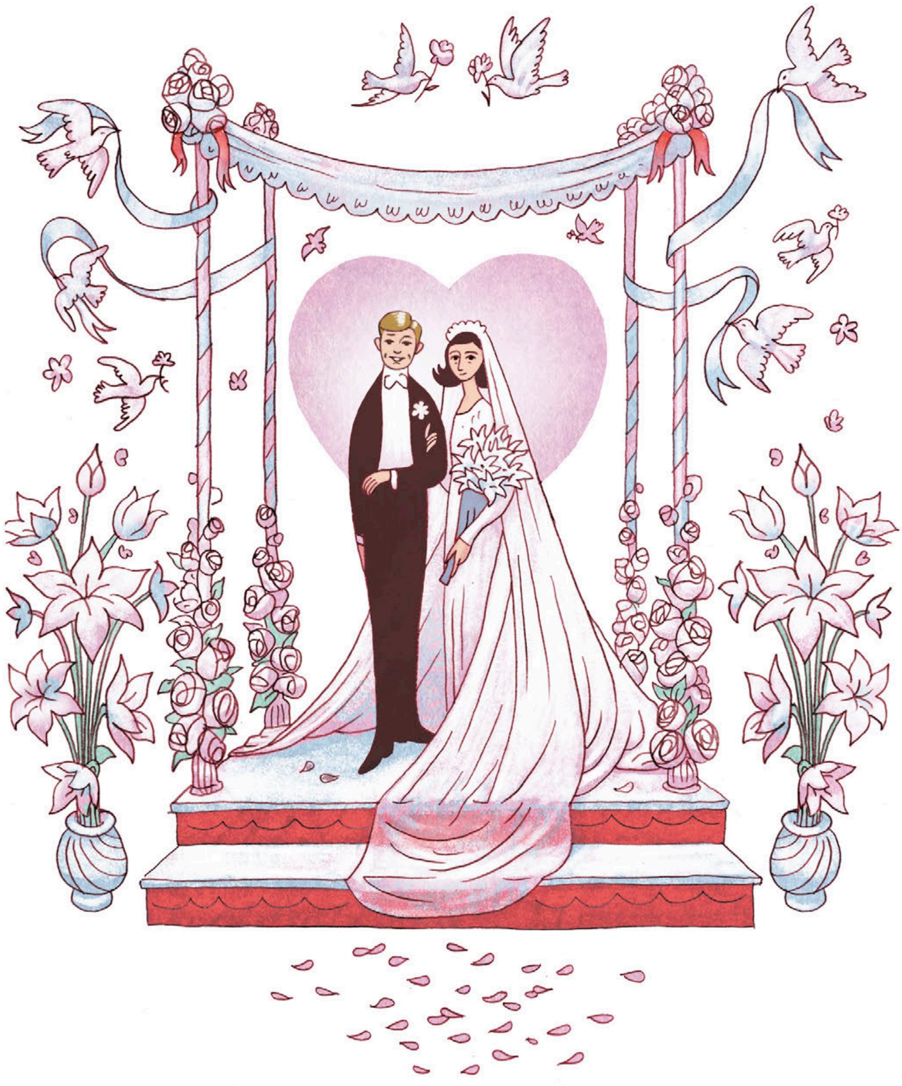

Я МОГУ ТОЛЬКО ПРЕДСТАВИТЬ...
Дорогая Китти, кто бы мог вообразить, что после того, как мы сбежали от ужасов Германии, нацисты вторгнутся в Голландию, чтобы начать все заново...
ЕВРЕИ ВЫХОДЯТ ИЗ ВОДЫ СЕЙЧАС ЖЕ!
ВЫМЕТАЙСЯ!
ЧТО ОНИ?..
ДУМАЮТ, ЧТО ЕВРЕИ ЗАГРЯЗНЯЮТ ВОДУ ОПАСНЫМИ МИКРОБАМИ...

Видишь ли, Китти, теперь никаких трамваев для евреев. Не говоря уже о машинах.
ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, МЫ ВСЕ ЕЩЕ МОЖЕМ ЕЗДИТЬ НА ВЕЛОСИПЕДАХ.
Спустя две недели... никаких велосипедов.
ИТАК, НАМ НЕЛЬЗЯ ГУЛЯТЬ В ПАРКАХ И ДАЖЕ ВЫХОДИТЬ НА УЛИЦУ С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ.
А ЕЩЕ НЕЛЬЗЯ НАВЕЩАТЬ ДРУЗЕЙ-ХРИСТИАН...
ХОРОШО ХОТЬ У ЛУНЫ НЕТ РЕЛИГИИ.
Я ХОЧУ В ТУАЛЕТ.
Я ТОЖЕ. НО В СЛОЖИВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ УВЕРЕНА, ЧТО НАМ МОЖНО...

Среда, 24 июня — среда, 1 июля 1942 г.

Милая Китти!

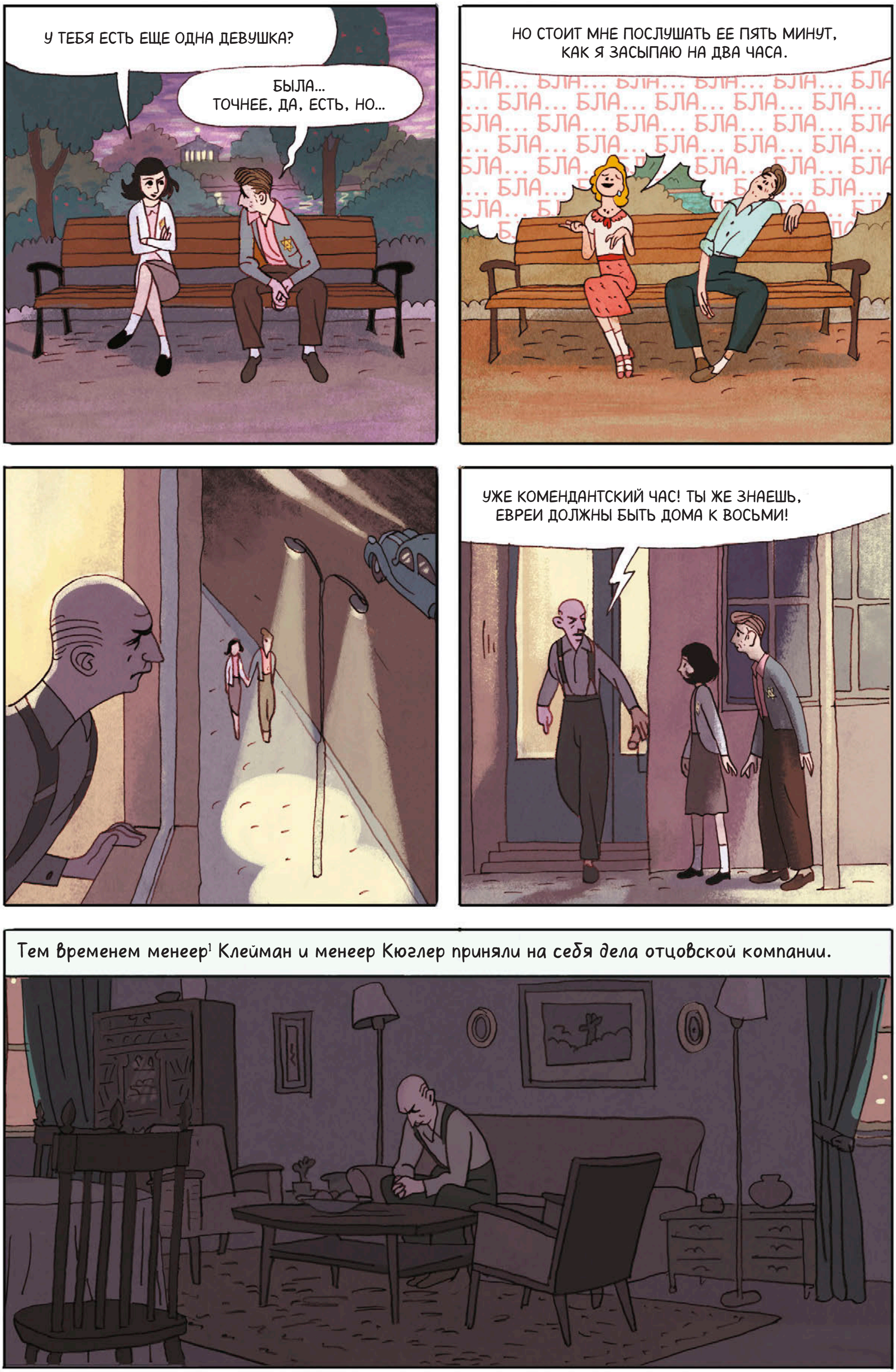
Мама все еще спрашивает, за кого бы я в будущем хотела выйти замуж, но, я думаю, она бы ни за что не отгадала, что за Петера Схиффа, потому что, когда речь заходит о нем, я не подаю вида. Я люблю Петера (которого я называю Петель) так, как еще никогда и никого не любила, и постоянно внушаю сама себе, что Петер гуляет с другими девочками, только чтобы скрыть свои чувства.

Милая Китти!
Невыносимо жарко, все отдуваются, пыхтят, и в этом пекле мне надо всюду успеть пешком. Только теперь я оценила, какая все же хорошая штука трамвай, но это теперь запретный плод для нас, евреев, нам только и остается, что бегать на своих двоих. Впрочем, мир не без добрых людей: паромщик на Йозеф-Израэльскаде сразу взял нас, как только мы попросили нас переправить. Голландцы, безусловно, не виноваты, что нам, евреям, так скверно.

Дорогая Китти! Прошло всего несколько дней с нашего последнего разговора, но столько всего поменялось!
АННА! АННА!
Когда я вчера проходила мимо велосипедной стоянки, случилось кое-что неожиданное.
Я ХЕЛЛО, ПОМНИШЬ МЕНЯ? ТРОЮРОДНЫЙ БРАТ ВИЛМЫ.
О, ДА.
МОГУ Я ПРОВОДИТЬ ТЕБЯ ДО ШКОЛЫ?
Выглядело так, будто он ждал у двери всю ночь.
С того дня Хелло провожал меня каждое утро.
Было очевидно, что он отчаянно в меня влюблен, и все об этом говорили.
ОН ЕЙ В ДЯДИ ГОДИТСЯ!
РАЗВЕ У НЕГО НЕТ ДЕВУШКИ?
ОН ТАКОЙ ПРОСТОЙ! КАК ТЫ ЕГО ВЫНОСИШЬ?
АННА, ОПЯТЬ БОЛТАЕШЬ О МАЛЬЧИКАХ?
Я ПОЛАГАЮ, ОН ДОВОЛЬНО МИЛЫЙ. УМНЫЙ, ВЕЖЛИВЫЙ И ПРИЯТНЫЙ.
ЭТО НЕВАЖНО. Я ВСЕ РАВНО НИКОГДА В НЕГО НЕ ВЛЮБЛЮСЬ.
ЧТО Ж, МНЕ ОН НРАВИТСЯ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, КОГДА ОН РЯДОМ, Я МОГУ НЕ ВОЛНОВАТЬСЯ, ЧТО ТЫ ГУЛЯЕШЬ ПО УЛИЦАМ В ОДИНОЧКУ.

[1] Менеер и мефрау — традиционные голландские обращения к мужчине и женщине. — *Прим. ред.*

Воскресенье, 5 июля — суббота, 11 июля 1942 г.

Милая Китти!
Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось. В воскресенье днем я ждала на балконе Хелло, но тут увидела маму и Марго, бегущих по улице. Марго плакала, а мама ее обнимала. Мама ее никогда не обнимает.
Я ПОЛУЧИЛА ПОВЕСТКУ ИЗ СС.
Мы все знали, что означает повестка из СС...
Но я также знала, что папа никогда этого не допустит.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в школьную сумку. Но как решить, что взять с собой для жизни в бегах? Это было почти невозможно!
Я совала в сумку всякую ерунду, но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.
ТЕБЕ НЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТОИТ ВЗЯТЬ ЧТО-ТО ПОЛЕЗНОЕ?
ПОЛЕЗНОЕ? С КАКИХ ЭТО ПОР ПОЛЕЗНОЕ ДЕЛАЕТ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ?
В полночь пришли Мип и Ян Хисы с папиной работы. В сумке Мип и в глубоких карманах Яна стали исчезать ботинки, чулки, книги и белье; в половине двенадцатого и сами они исчезли.
ДОРОГАЯ МООРТЬЕ, НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ОБНИМАЮ ТЕБЯ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

На следующее утро мама разбудила нас в 5:30. Мы надели на себя столько теплого, будто собирались несколько ночей провести в холодильнике.

ЗНАЕШЬ, АННА, ВОЗМОЖНО, ТЫ БЫЛА ПРАВА НАСЧЕТ ВОСПОМИНАНИЙ.

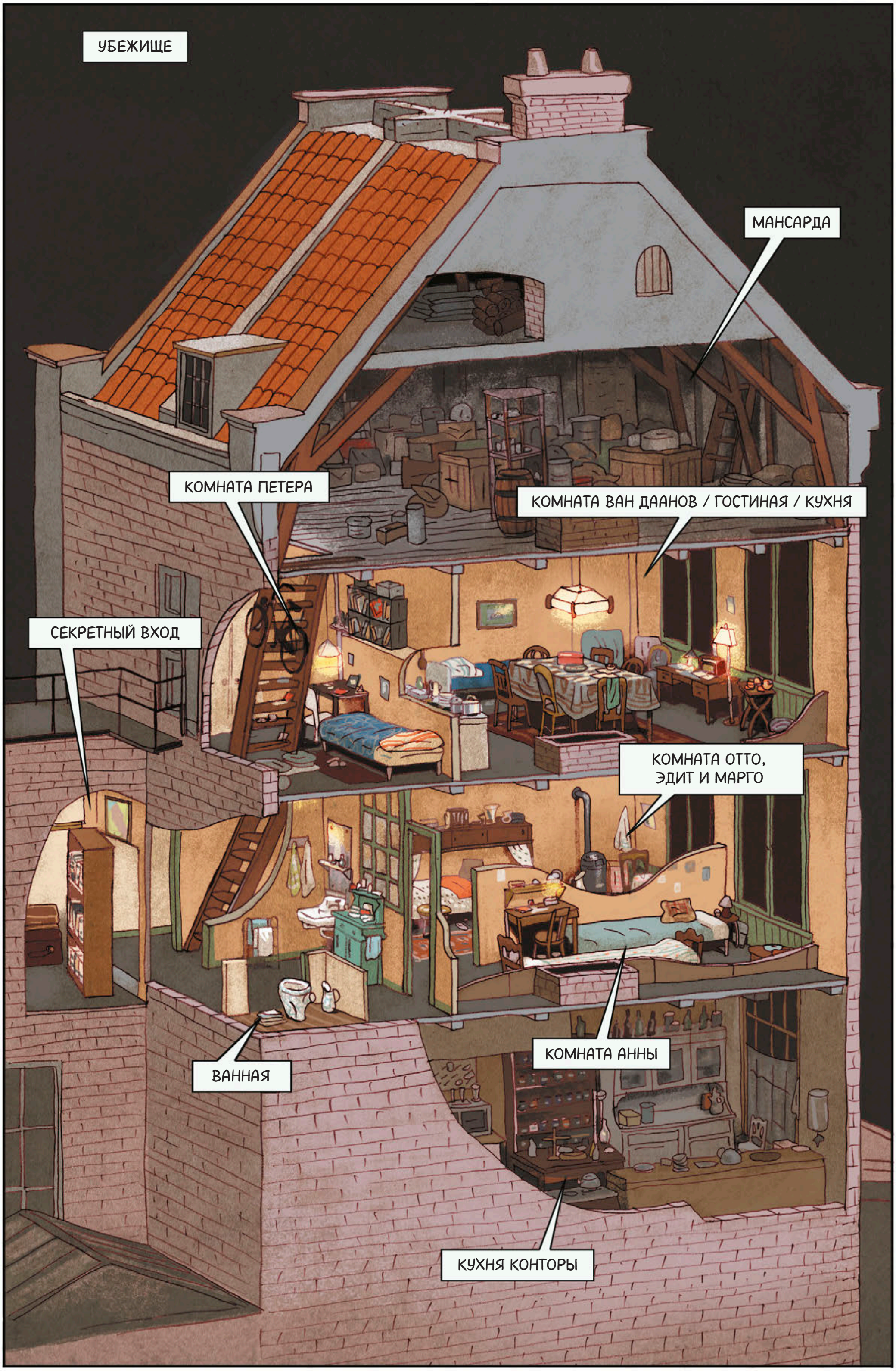

По плану все должно было выглядеть так, словно мы убегали в спешке.

Я была напугана. Проходящие мимо люди смотрели на нас с сочувствием.

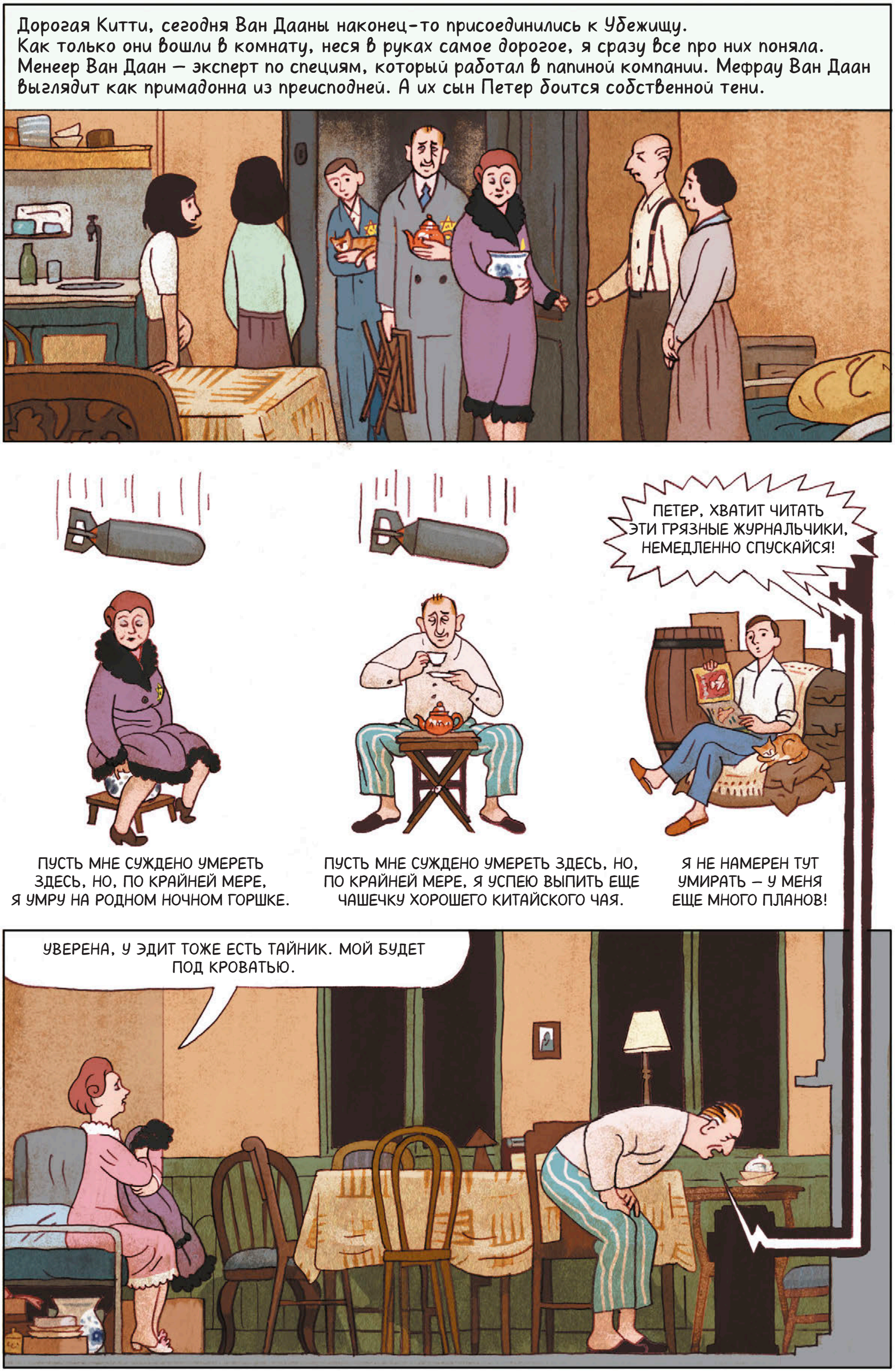

На каждом шагу таилась опасность.
ОХ УЖ ЭТИ ЕВРЕИ... ВЕЧНО ИМ ХОЛОДНО...
После долгой прогулки мы пришли в папину контору. Вот так сюрприз!
Сотрудники знали о нашем приходе и тепло нас поприветствовали.
263

Потом я поняла, до чего находчиво было использовать здание папиной компании. В передней части находятся сама контора и склады…
Opekta
Зато в задней спрятана настоящая квартира.
Очень крутая лестница, затем ловко сдвигающийся книжный шкаф, и ты оказываешься… в «Заднем доме»!
НАША КОМНАТА ТАКАЯ КРОШЕЧНАЯ!
А ТЫ ПОДУМАЙ О ПОЕЗДАХ, ИДУЩИХ НА ВОСТОК, – МЕСТА СРАЗУ СТАНЕТ БОЛЬШЕ.

ПОПРОЩАЙСЯ С ДНЕВНЫМ СВЕТОМ.
После того как мы перебрались в Задний дом, я узнала, что минеер и мефрау Ван Даан, а также их сын Петер будут прятаться с нами.
НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ПАПА ОТДАЛ ВАН ДААНАМ САМУЮ БОЛЬШУЮ И УДОБНУЮ КОМНАТУ!
ПОЧЕМУ? ЭТО ЖЕ СОВЕРШЕННО В ПАПИНОМ ДУХЕ.
Потребовалось время, прежде чем я смогла снова тебе написать...
Я уже испугалась было, что у меня писательский ступор, но теперь мне так хочется тебе все рассказать...
Наверно, тебе очень хочется узнать, нравится ли мне в нашем Убежище. Честно говоря, сама еще не знаю. Мне кажется, я никогда не буду чувствовать себя тут как дома, но этим я вовсе не хочу сказать, что мне здесь жутко, скорее мне кажется, что я попала в какой-то очень своеобразный пансион на каникулы.
В первый наш день в Убежище мы все собрались в комнате Ван Даанов, которая по совместительству является нашей гостиной, чтобы послушать Би-би-си из Лондона.

УБЕЖИЩЕ
МАНСАРДА
КОМНАТА ПЕТЕРА
КОМНАТА ВАН ДААНОВ / ГОСТИНАЯ / КУХНЯ
СЕКРЕТНЫЙ ВХОД
КОМНАТА ОТТО, ЭДИТ И МАРГО
ВАННАЯ
КОМНАТА АННЫ
КУХНЯ КОНТОРЫ

Воскресенье, 12 июля — среда, 2 сентября 1942 г.

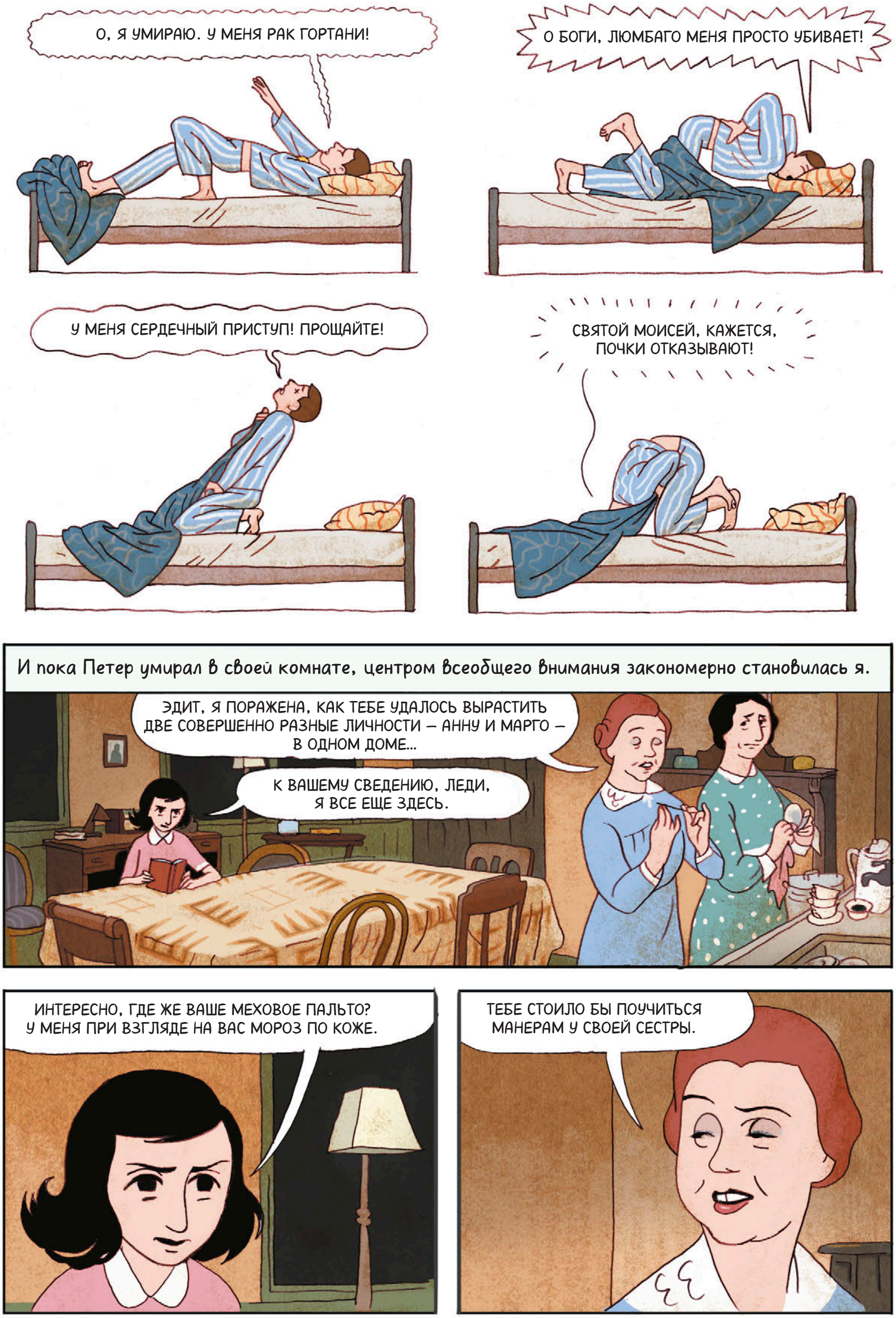

Ночной горшок — не единственное, что припрятала мефрау Ван Даан. Строго говоря, все, что касается «жизни леди», нуждалось в укрытии.
Я БЫЛА ЛЕДИ ВСЕГДА И НАМЕРЕНА ОСТАВАТЬСЯ ЛЕДИ, ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ.

ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ, ЧТО ЗА СЛУХИ ХОДЯТ ВОКРУГ ТВОЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ!
ПЕТЕР, СПУСКАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО!

Слух первый: офицер СС, с которым Отто служил в Первую мировую, помог вам перебраться через швейцарскую границу.
ДОБРЫЙ ДЕНЬ, БАНК СКОРО ОТКРОЕТСЯ. ПОЛАГАЮ, ВЫ ПРИШЛИ ВЛОЖИТЬ НЕМНОЖКО ЕВРЕЙСКИХ ДЕНЕГ?

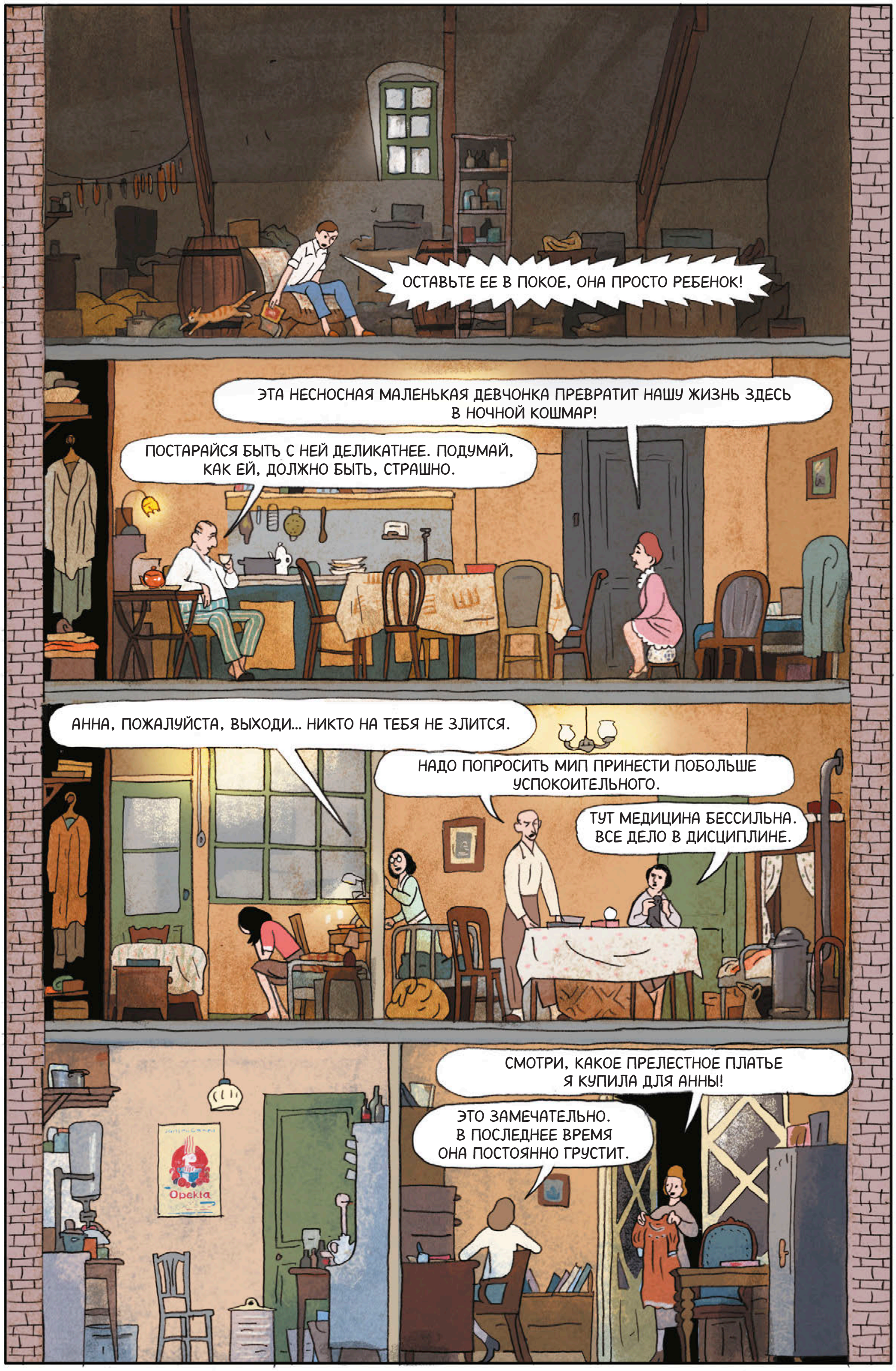

Слух второй: Франки отправились в долгое путешествие по Нидерландам.
Слух третий: одна соседка клянется, что сама видела, как вас глубокой ночью увозила военная машина.
ЖЕСТОКИЙ ВЫ ЧЕЛОВЕК, ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ О ТАКОМ?
ЭЙ, АННА, НЕ ЗАВОДИСЬ, ЭТО ЖЕ ПРОСТО ШУТКА.
ШУТКА? ЧТО ЭТО ЗА ШУТКИ ТАКИЕ?!
ПЕТЕР, НЕМЕДЛЕННО СПУСКАЙСЯ К УЖИНУ!

Но Петер никогда не спускался. Он вечно страдал от каких-то ужасных болезней.

Всегда одно и то же: я и моя сестра.

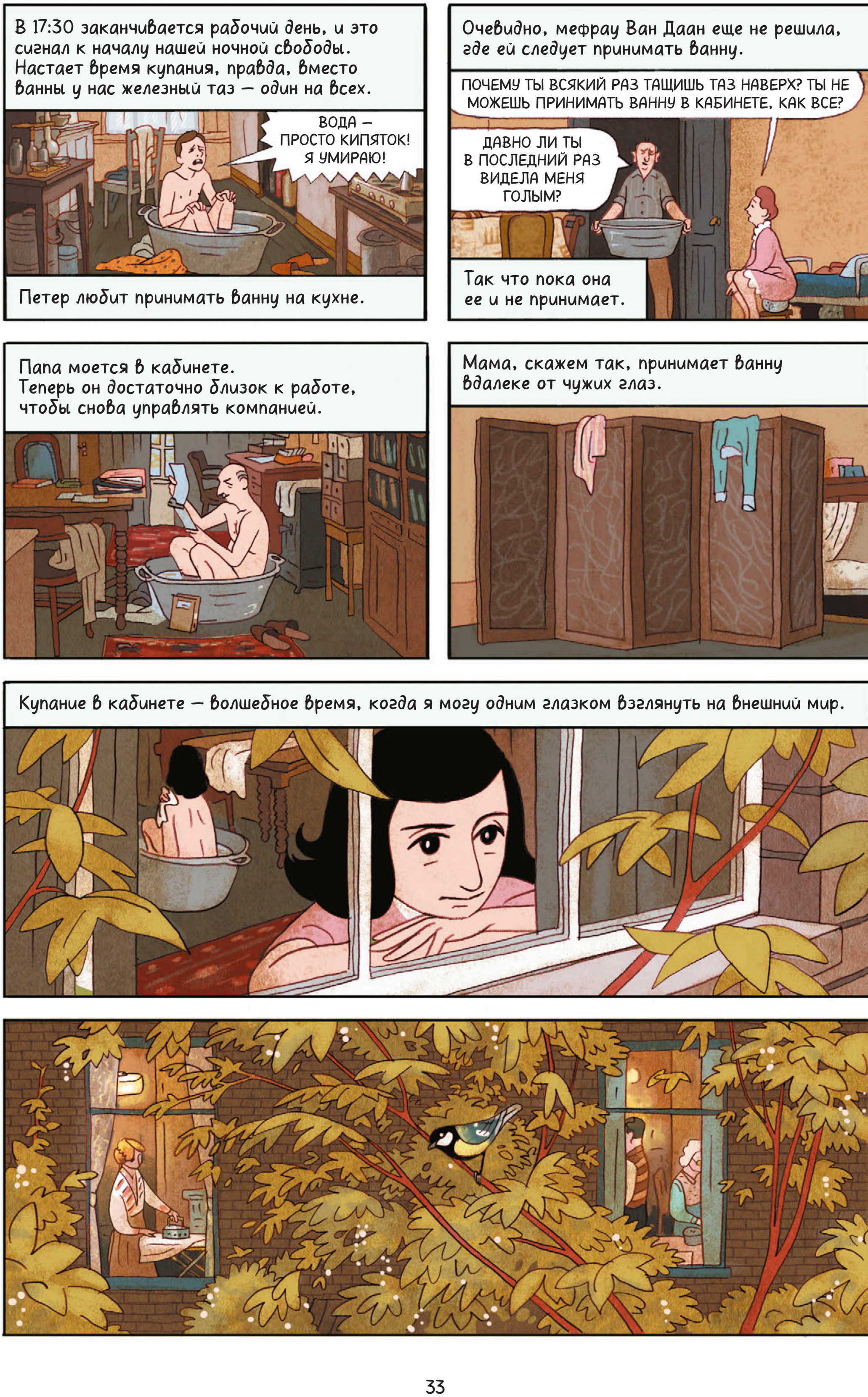

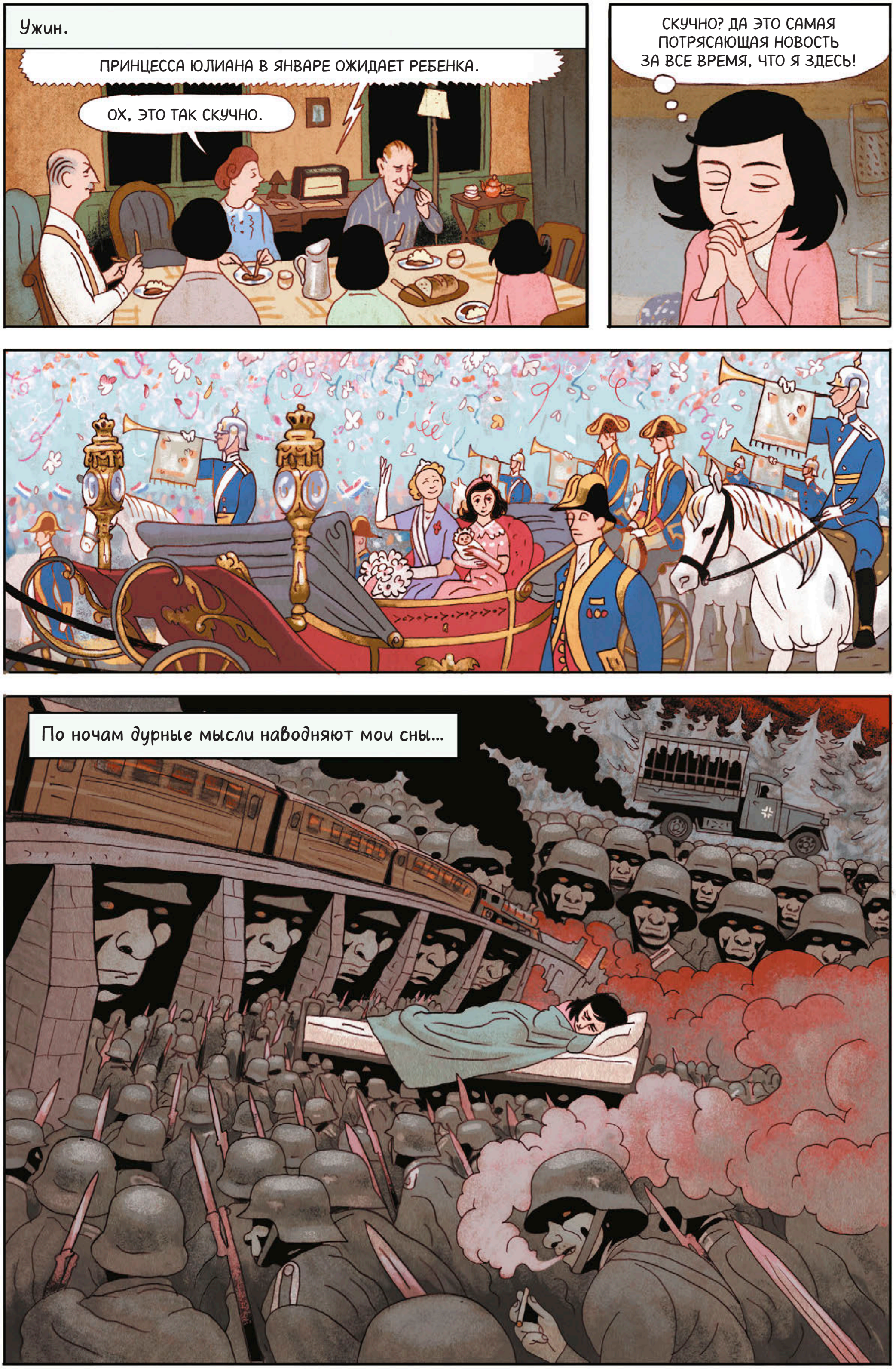

ОСТАВЬТЕ ЕЕ В ПОКОЕ, ОНА ПРОСТО РЕБЕНОК!
ЭТА НЕСНОСНАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВЧОНКА ПРЕВРАТИТ НАШУ ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ В НОЧНОЙ КОШМАР!
ПОСТАРАЙСЯ БЫТЬ С НЕЙ ДЕЛИКАТНЕЕ. ПОДУМАЙ, КАК ЕЙ, ДОЛЖНО БЫТЬ, СТРАШНО.
АННА, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫХОДИ... НИКТО НА ТЕБЯ НЕ ЗЛИТСЯ.
НАДО ПОПРОСИТЬ МИП ПРИНЕСТИ ПОБОЛЬШЕ УСПОКОИТЕЛЬНОГО.
ТУТ МЕДИЦИНА БЕССИЛЬНА. ВСЕ ДЕЛО В ДИСЦИПЛИНЕ.
Opekta
СМОТРИ, КАКОЕ ПРЕЛЕСТНОЕ ПЛАТЬЕ Я КУПИЛА ДЛЯ АННЫ!
ЭТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ОНА ПОСТОЯННО ГРУСТИТ.

Понедельник, 21 сентября 1942 г.

[1] Я голодна, ты голоден, он голоден, она голодна, мы голодны, вы голодны, они голодны (*фр.*). [2] Я идеальна, ты идеален, он идеален, она идеальна (*ит.*). [3] Я красива, я красива, я красива, я красива (*фр.*). [4] Исмена: Всегда бессмертных чтила я, но все же // Я против воли граждан не пойду. Антигона: Что ж, и не надо, я пойду одна // Земли насыпать над любимым братом (*гр.*).

В 17:30 заканчивается рабочий день, и это сигнал к началу нашей ночной свободы. Настает время купания, правда, вместо ванны у нас железный таз — один на всех.
ВОДА — ПРОСТО КИПЯТОК! Я УМИРАЮ!
Петер любит принимать ванну на кухне.
Очевидно, мефрау Ван Даан еще не решила, где ей следует принимать ванну.
ПОЧЕМУ ТЫ ВСЯКИЙ РАЗ ТАЩИШЬ ТАЗ НАВЕРХ? ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРИНИМАТЬ ВАННУ В КАБИНЕТЕ, КАК ВСЕ?
ДАВНО ЛИ ТЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛА МЕНЯ ГОЛЫМ?
Так что пока она ее и не принимает.
Папа моется в кабинете. Теперь он достаточно близок к работе, чтобы снова управлять компанией.
Мама, скажем так, принимает ванну вдалеке от чужих глаз.
Купание в кабинете — волшебное время, когда я могу одним глазком взглянуть на внешний мир.

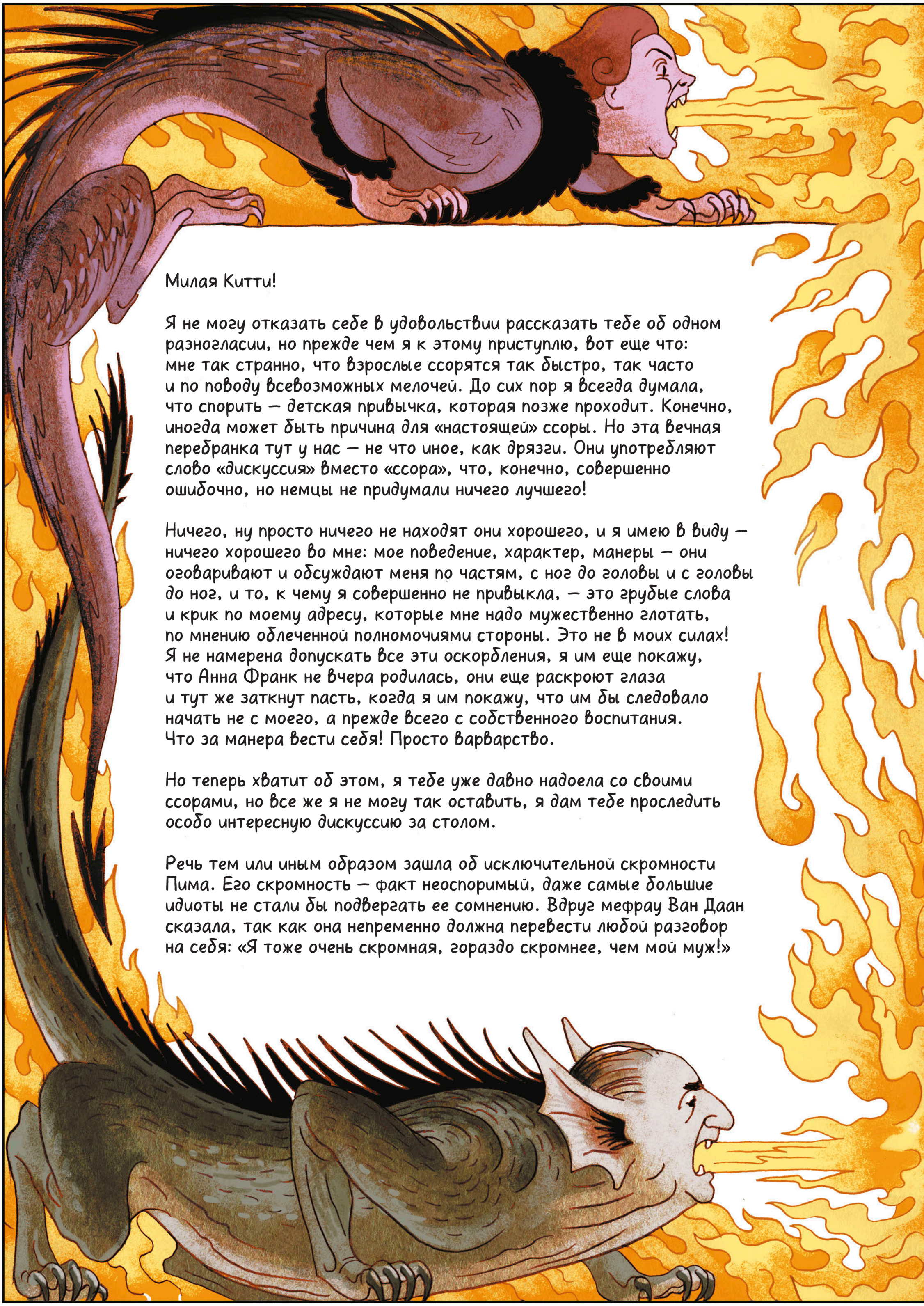

Ужин.
ПРИНЦЕССА ЮЛИАНА В ЯНВАРЕ ОЖИДАЕТ РЕБЕНКА.
ОХ, ЭТО ТАК СКУЧНО.
СКУЧНО? ДА ЭТО САМАЯ ПОТРЯСАЮЩАЯ НОВОСТЬ ЗА ВСЕ ВРЕМЯ, ЧТО Я ЗДЕСЬ!
По ночам дурные мысли наводняют мои сны...

СЪЕШЬ. ЭТО ПОМОЖЕТ ТЕБЕ ЗАСНУТЬ.

ПАП, Я ТАК ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. ХОТЕЛА БЫ Я И МАМУ ЛЮБИТЬ ТАК ЖЕ.

Мне все равно, если мама умрет.
#*%&@ #{@%**#^&}*!!!!!
ЭДИТ ФРАНК

Понедельник, 28 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Я не могу отказать себе в удовольствии рассказать тебе об одном разногласии, но прежде чем я к этому приступлю, вот еще что: мне так странно, что взрослые ссорятся так быстро, так часто и по поводу всевозможных мелочей. До сих пор я всегда думала, что спорить — детская привычка, которая позже проходит. Конечно, иногда может быть причина для «настоящей» ссоры. Но эта вечная перебранка тут у нас — не что иное, как дрязги. Они употребляют слово «дискуссия» вместо «ссора», что, конечно, совершенно ошибочно, но немцы не придумали ничего лучшего!

Ничего, ну просто ничего не находят они хорошего, и я имею в виду — ничего хорошего во мне: мое поведение, характер, манеры — они оговаривают и обсуждают меня по частям, с ног до головы и с головы до ног, и то, к чему я совершенно не привыкла, — это грубые слова и крик по моему адресу, которые мне надо мужественно глотать, по мнению облеченной полномочиями стороны. Это не в моих силах! Я не намерена допускать все эти оскорбления, я им еще покажу, что Анна Франк не вчера родилась, они еще раскроют глаза и тут же заткнут пасть, когда я им покажу, что им бы следовало начать не с моего, а прежде всего с собственного воспитания. Что за манера вести себя! Просто варварство.

Но теперь хватит об этом, я тебе уже давно надоела со своими ссорами, но все же я не могу так оставить, я дам тебе проследить особо интересную дискуссию за столом.

Речь тем или иным образом зашла об исключительной скромности Пима. Его скромность — факт неоспоримый, даже самые большие идиоты не стали бы подвергать ее сомнению. Вдруг мефрау Ван Даан сказала, так как она непременно должна перевести любой разговор на себя: «Я тоже очень скромная, гораздо скромнее, чем мой муж!»

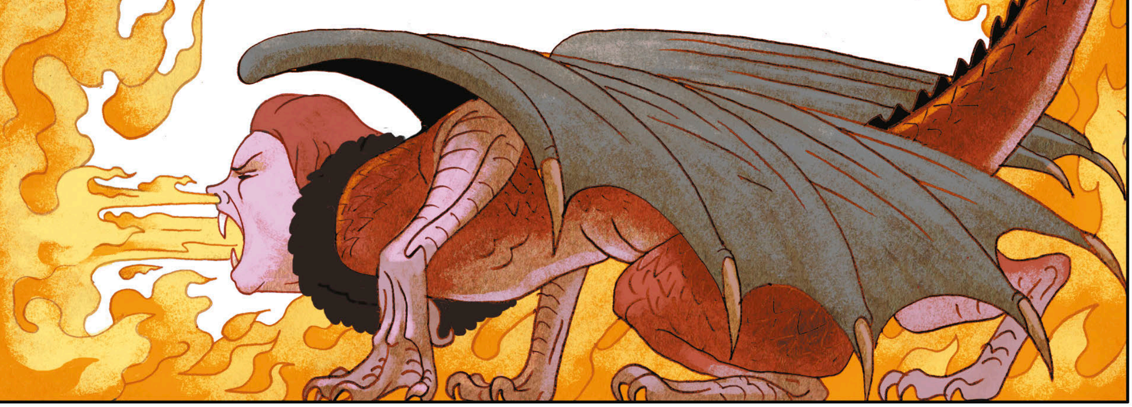

Представляешь? Ведь уже эта фраза ясно показывает ее «скромность»!

Менеер Ван Даан, который счел нужным поподробнее объяснить это «чем мой муж», ответил очень хладнокровно:
— Я и не хочу быть скромным. Опыт моей жизни показывает, что нескромные люди достигают гораздо большего, чем скромные, — и затем, обращаясь ко мне: — Лучше не будь скромницей, Анна, этим уж точно многого не добьешься.
С этой точкой зрения мама была совершенно согласна.
Но мефрау Ван Даан, как обычно, должна была вставить свое словечко на воспитательную тему. Но на этот раз она обратилась не прямо ко мне, а к моим родителям:
— Надо иметь своеобразный взгляд на жизнь, чтобы подобное говорить Анне. Во времена моей юности все было по-другому, хотя что там говорить, несомненно, это и сейчас по-другому везде, кроме как в вашем современном семействе!
Это последнее относилось к тому, что мама неоднократно защищала современное воспитание. Мефрау Ван Даан была красная как рак от возбуждения. У людей, которые краснеют, поднимается температура, а от этого они еще больше взвинчиваются и быстрее проигрывают противнику.

Если бы я умела рисовать, я бы лучше всего изобразила ее именно в этой позе, так смешна была эта маленькая, дурная, глупая женщина! Но я знаю теперь одну вещь, и это вот что: только тогда хорошо узнаешь человека, когда один раз с ним поссоришься по-настоящему, тогда лишь сможешь судить о его характере!

Твоя Анна

Суббота, 3 октября – среда, 7 октября 1942 г.

Милая Китти, в последнее время мне разрешают брать немного более взрослые книги.
Сейчас я читаю «Юность Евы» Нико Ван Сухтелен.

Ева думала, что дети, как яблоки, растут на деревьях.

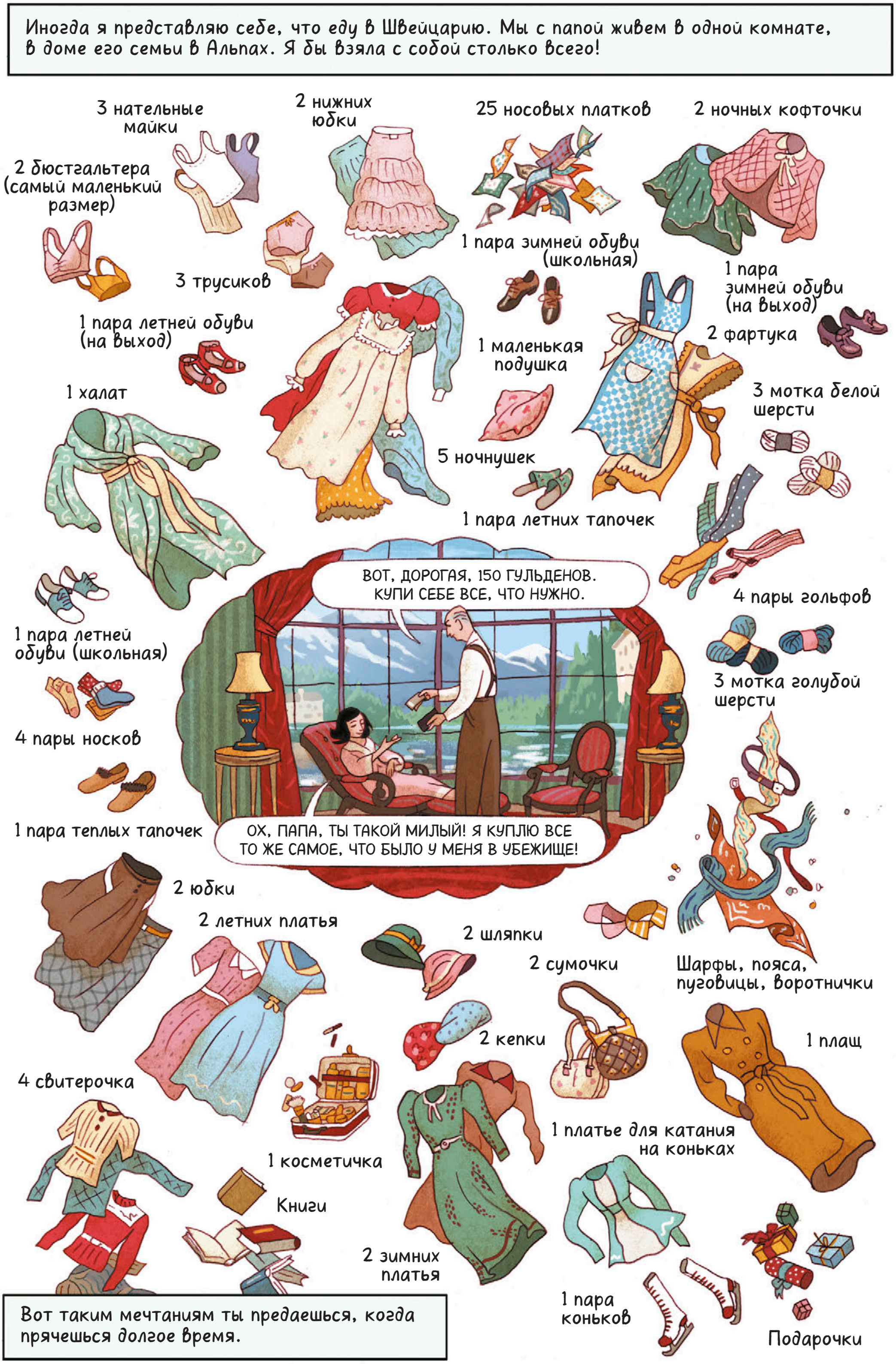
Она думала, что кошка, прямо как курица, откладывает яйца и высиживает их.
Ева тоже хотела малыша.

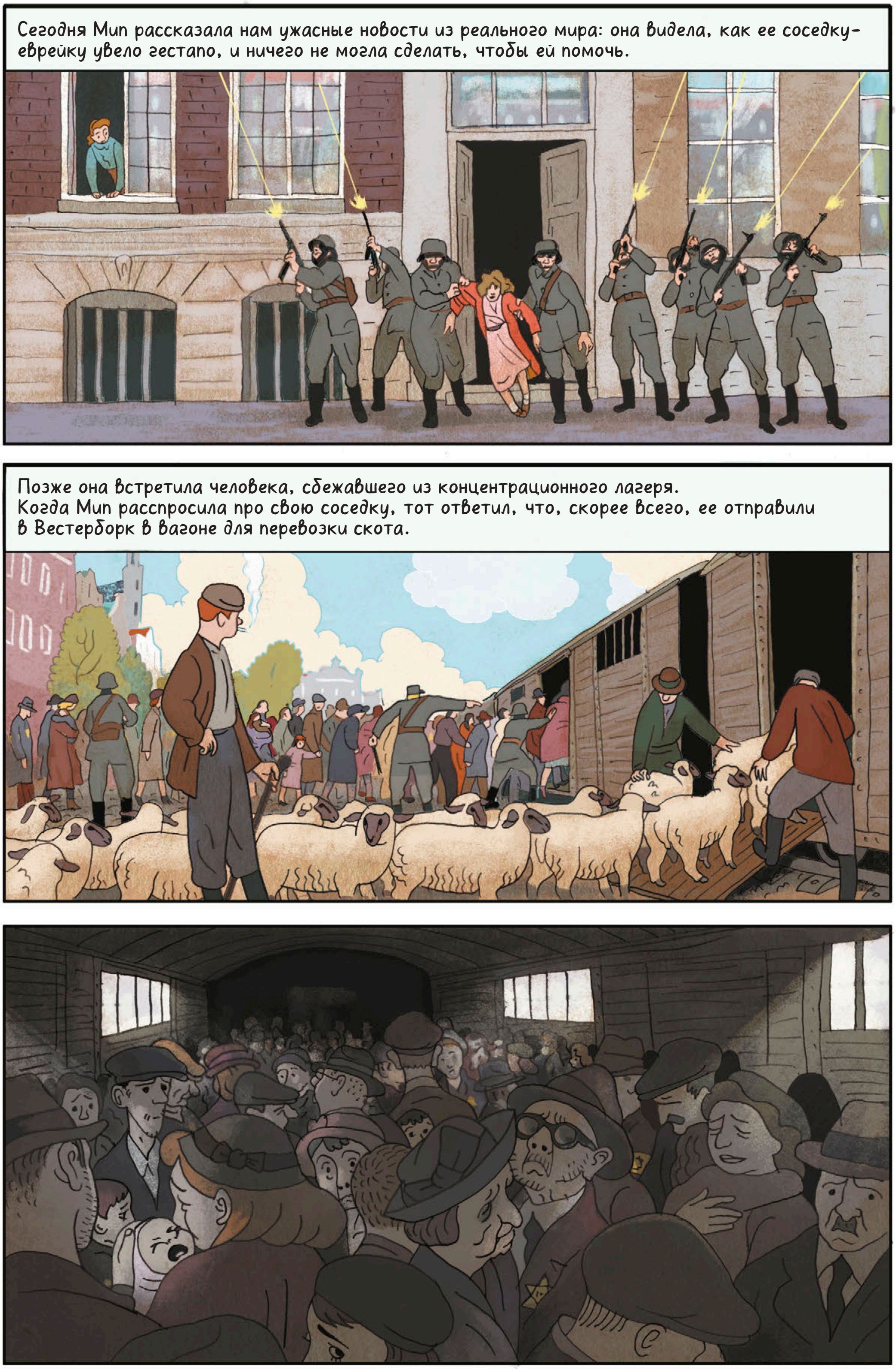
Она взяла шерстяной шарф и положила его на пол, чтобы яйцо выпало на него.
Потом она села на корточки и начала тужиться. При этом она закудахтала, но яйцо
не появилось. В конце концов, после очень долгого сидения, что-то выскочило — но не яйцо,
а колбаска. Наконец Ева выросла и поняла, что женщины не откладывают яйца.

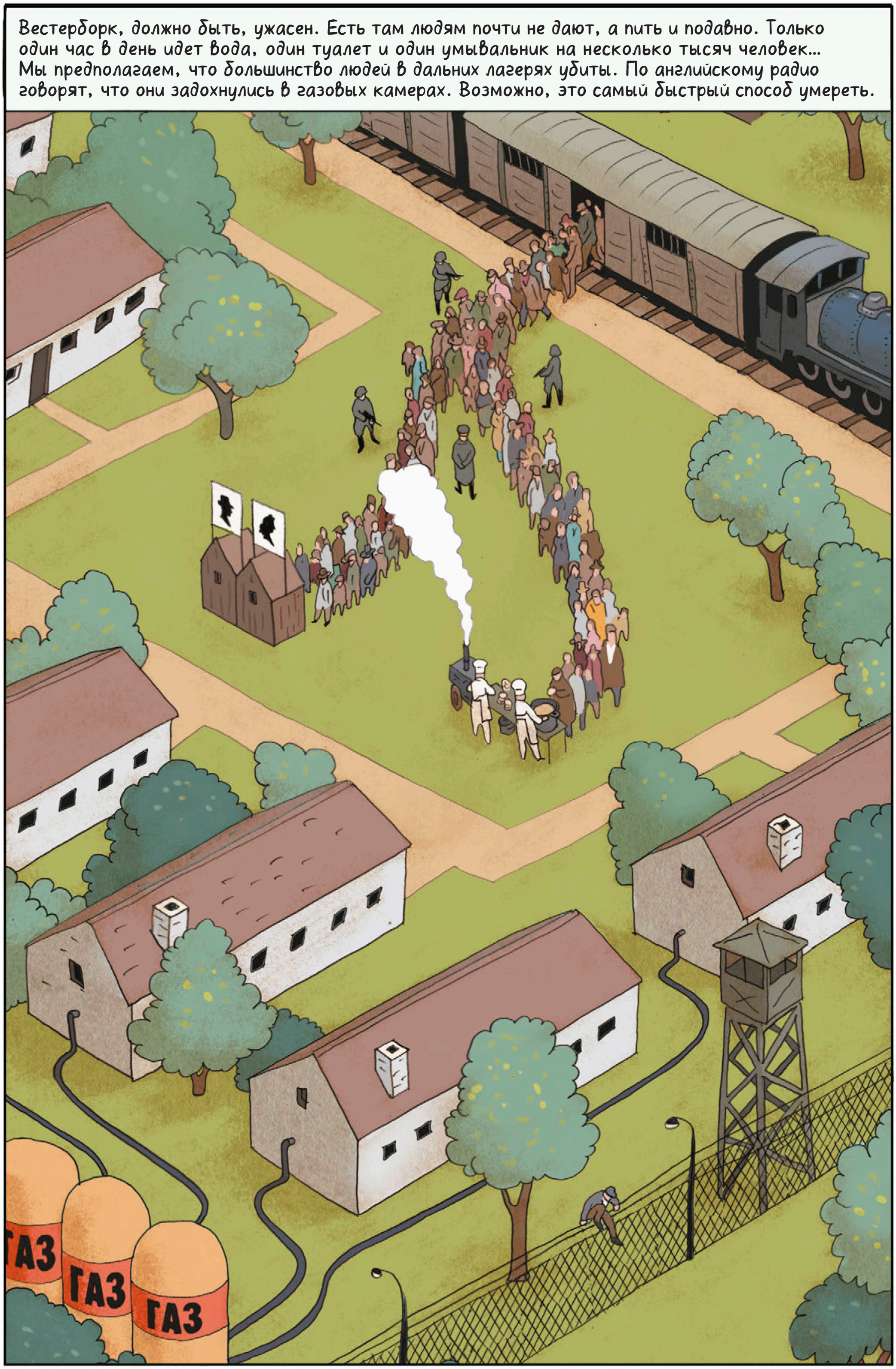

Вообще-то некоторым из них приходится продавать себя на улицах, чтобы заработать денег.

Иногда я представляю себе, что еду в Швейцарию. Мы с папой живем в одной комнате, в доме его семьи в Альпах. Я бы взяла с собой столько всего!
3 нательные майки
2 нижних юбки
25 носовых платков
2 ночных кофточки
2 бюстгальтера (самый маленький размер)
3 трусиков
1 пара зимней обуви (школьная)
1 пара зимней обуви (на выход)
1 пара летней обуви (на выход)
1 маленькая подушка
2 фартука
1 халат
3 мотка белой шерсти
5 ночнушек
1 пара летних тапочек
ВОТ, ДОРОГАЯ, 150 ГУЛЬДЕНОВ. КУПИ СЕБЕ ВСЕ, ЧТО НУЖНО.
4 пары гольфов
1 пара летней обуви (школьная)
3 мотка голубой шерсти
4 пары носков
1 пара теплых тапочек
ОХ, ПАПА, ТЫ ТАКОЙ МИЛЫЙ! Я КУПЛЮ ВСЕ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО БЫЛО У МЕНЯ В УБЕЖИЩЕ!
2 юбки
2 летних платья
2 шляпки
2 сумочки
Шарфы, пояса, пуговицы, воротнички
2 кепки
1 плащ
4 свитерочка
1 платье для катания на коньках
1 косметичка
Книги
2 зимних платья
1 пара коньков
Подарочки
Вот таким мечтаниям ты предаешься, когда прячешься долгое время.

Пятница, 9 октября 1942 г.

Вестерборк, должно быть, ужасен. Есть там людям почти не дают, а пить и подавно. Только один час в день идет вода, один туалет и один умывальник на несколько тысяч человек... Мы предполагаем, что большинство людей в дальних лагерях убиты. По английскому радио говорят, что они задохнулись в газовых камерах. Возможно, это самый быстрый способ умереть.
ГАЗ
ГАЗ
ГАЗ

Понедельник, 9 ноября 1942 г.

*КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ЗДОРОВЬЮ.

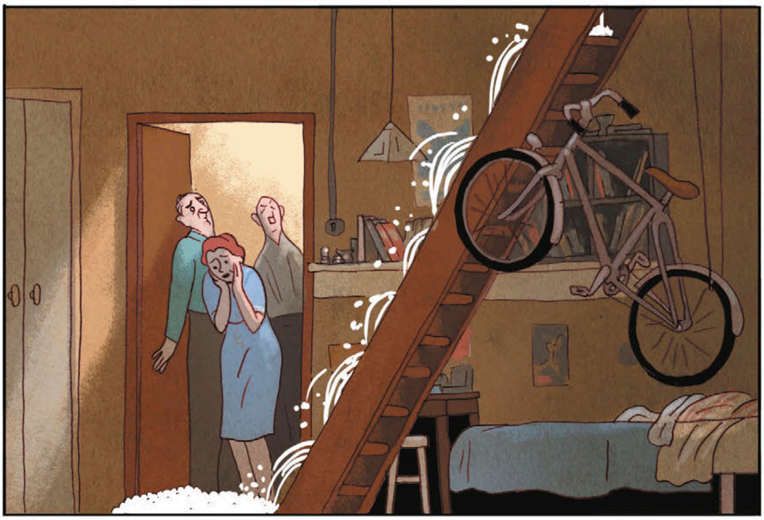

Чтобы вести рассказ в духе нашего Убежища, надо хоть раз написать о том, как нас снабжают продуктами.
Каждый день менеер Клейман тайно встречается с булочником и покупает два батона. Цены растут непрерывно!
Хлеб он, конечно, прячет в секретное отделение и всю остальную сумку забивает консервами.
В Убежище у нас около сотни банок с консервами, но большую часть припасов составляют капуста, мясной рулет и маринованные огурцы.

И есть еще бобы… У нас, наверное, 300 фунтов бобов, расфасованных по мешкам.
ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, СКОЛЬКО ГАЗОВ МОЖЕТ ПРОИЗВЕСТИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НА 300 ФУНТАХ БОБОВ?

Бобы занимали все наше жилое пространство, так что мы решили перенести их на чердак.

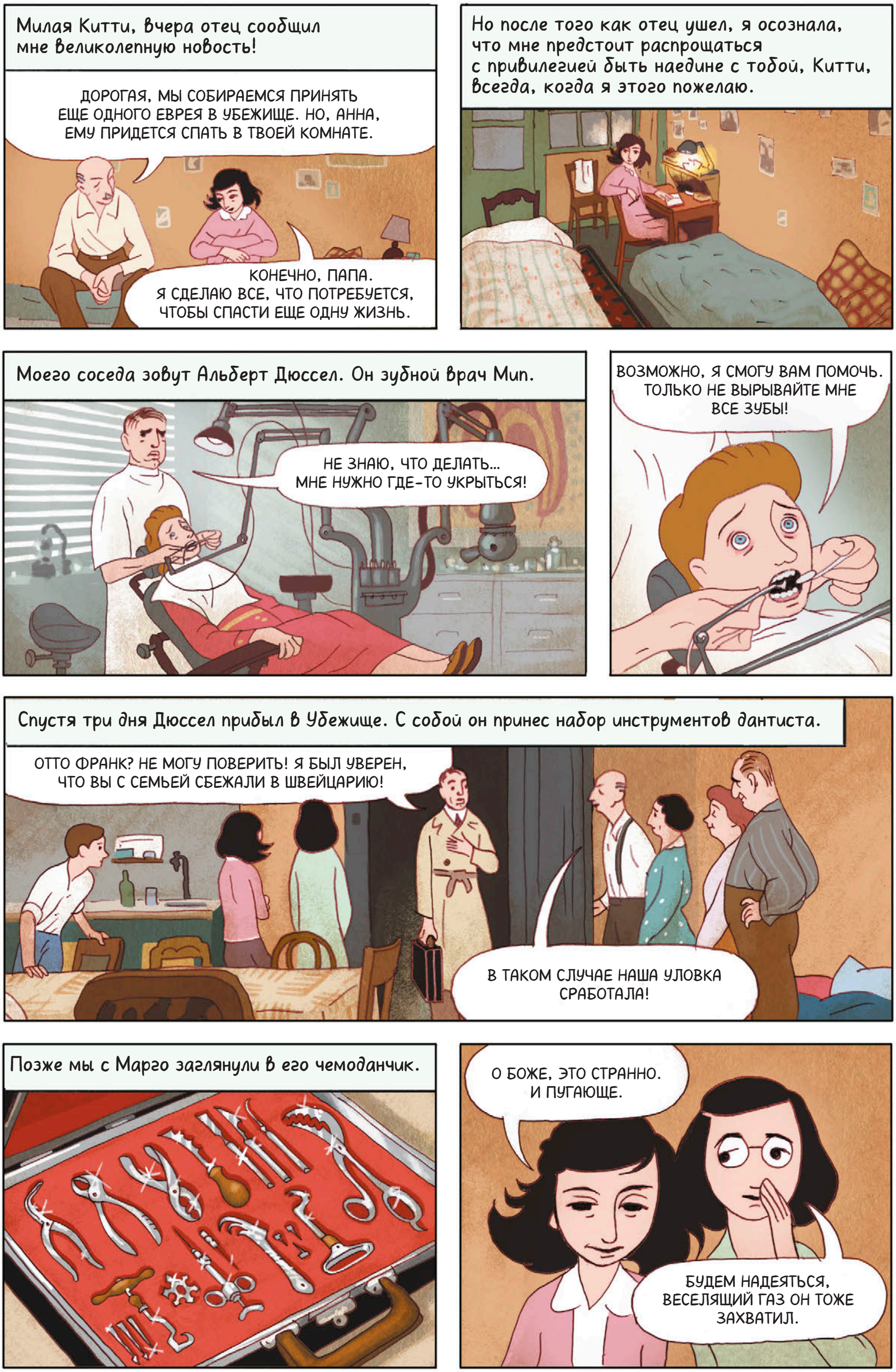
Но один из мешков порвался, и ливень, нет, град бобов обрушился по лестнице вниз! Грохот был, как на Страшном суде. Внизу, наверно, подумали, что старый дом со всем его содержимым валится им на голову.

Нам пришлось собрать все бобы до последнего: никогда не знаешь, как отчаянно ты будешь желать хотя бы горсть еды в будущем.

Вторник, 10 ноября — четверг, 19 ноября 1942 г.

Чтобы объяснить порядки в Убежище, я приготовила для Дюссела путеводитель.
Цена: бесплатно!
Секретное Убежище
Специальное учреждение для временного пребывания евреев и им подобных
Расположение: красивая, тихая, лесистая местность в самом центре Амстердама.
Еда: диета с низким содержанием жиров! Завтрак в 9:00 (во все дни, кроме выходных, принимается в тишине). Обед с 13:15 до 13:45 (во все дни, кроме выходных, принимается в тишине). Ужин: время приема зависит от выпуска новостей.
Собственная радиостанция: строго запрещается слушать немецкие новости.
Алкоголь: исключительно в медицинских целях.
Животные: только на чердаке.
Купание: на ваш страх и риск в ночное время или в выходные.

Дюссел много рассказывал нам о внешнем мире, которого мы уже так давно лишены.
СКОЛЬКО ВЫ ДАДИТЕ ЗА ЕВРЕЙСКУЮ СЕМЬЮ ИЗ ПЯТИ ЧЕЛОВЕК?
15 ГУЛЬДЕНОВ ЗА ГОЛОВУ.

В ДОМЕ № 15, НА ТРЕТЬЕМ ЭТАЖЕ, ЛЕВАЯ ДВЕРЬ. ПЯТЬ ГОЛОВ.

Это похоже на охоту за рабами в старые времена.

По вечерам в темноте я вижу ряды хороших, ни в чем не повинных людей, они идут, с плачущими детьми, все идут и идут, ими командуют несколько эдаких типов, их бьют, мучают до того, что они валятся с ног. Никому нет пощады. Старики, дети, младенцы, беременные женщины, больные — все, все идут вместе на смерть.

Пятница, 20 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Мы все не знаем толком, как нам быть. До сих пор к нам доходило мало сведений о судьбе евреев, и казалось, лучше быть как можно более бодрыми. Когда Мип иногда проговаривалась об ужасной участи кого-то из знакомых, мама и мефрау Ван Даан начинали каждый раз плакать, так что Мип решила, что лучше больше ничего не рассказывать. Но Дюссела тут же засыпали вопросами, и истории, которые он рассказал, были настолько жуткие и варварские, что невозможно их впустить в одно ухо и через другое выпустить.

Все же, когда эти новости немного потускнеют, мы снова будем смеяться и друг друга поддразнивать. Ни нам, ни им там не будет пользы, если мы останемся такими угрюмыми, как сейчас. И какой смысл превращать Задний дом в Меланхолическое Убежище?

Что бы я ни делала, я невольно думаю о тех, кто пропал. Стоит мне над чем-нибудь рассмеяться, как я в ужасе спохватываюсь и говорю сама себе: это позор, что я так веселюсь. Но разве я должна весь день плакать? Нет, не могу я так, и эта угрюмость, наверно, пройдет.

К этим грустным делам у меня еще прибавилась одна проблема личного характера; правда, по сравнению с огромным несчастьем, о котором я только что писала, она кажется мелочью. Все же не могу тебе не рассказать, что в последнее время я чувствую себя такой покинутой, какая-то большая пустота вокруг меня. Раньше я об этом никогда особенно не задумывалась, и развлечения, подруги занимали все мои мысли. Теперь я думаю либо о несчастьях, либо о себе самой. И я наконец пришла к открытию, что папа, какой бы он ни был милый, все же не может заменить мне весь мой прежний мир. А мама и Марго уже давно не занимают места в моей душе.

Но зачем надоедать тебе всеми этими глупостями, я ужасно неблагодарная, Китти, я это знаю, но часто у меня голова идет кругом, когда слишком много сыплется на меня и потом еще надо думать обо всех других кошмарах!

Твоя Анна

Четверг, 10 декабря — Воскресенье, 13 декабря 1942 г.

После возни, пинков и криков дело было сделано. Надо сказать, пациентка продемонстрировала выдающуюся смелость.

Затем мефрау вернулась к работе на кухне, и теперь мы точно знаем: она еще не скоро решится на новый осмотр!

Вчера, пока Марго принимала ванну в кабинете, я подглядывала на улицу сквозь щелку между толстыми занавесями.
НЕ ПОДХОДИ СЛИШКОМ БЛИЗКО К ОКНУ.
Соседские ребятишки такие грязные, что до них и палкой дотронуться было бы противно.
Если бы их переловить на удочку одного за другим, посадить в ванну, перестирать их белье и починить, а потом снова отпустить, тогда...
ОНИ НАЗАВТРА БУДУТ ВЫГЛЯДЕТЬ ТАКИМИ ЖЕ ГРЯЗНЫМИ И ОБОРВАННЫМИ, КАК И ПРЕЖДЕ.

Потом начался дождь, и ничего, кроме моря зонтиков, было не разглядеть. Но мало-помалу я научилась узнавать женщин, раздутых от картофеля, в зеленых или красных пальто, на сбитых каблуках.
А потом случилось нечто экстраординарное: я заметила двух евреев. Я знаю, они живут по соседству.
Казалось, будто я смотрю на какое-то чудо света.
КАКОЕ ИЗ ЧУДЕС СВЕТА ТЫ ОТДАЛА БЫ, ЧТОБЫ СПАСТИ ЕВРЕЕВ?
НАВЕРНОЕ, МАЯК. ПО ВОДЕ НАС ВСЕ РАВНО НЕ СПАСТИ...
Такое странное чувство: как будто я предала этих людей и теперь подглядываю за их несчастьем.

Вторник, 22 декабря 1942 г.

Ах, тут я становлюсь такой разумной! Все надо делать с умом: учиться, слушать, держать язык за зубами, помогать, быть милой, уступать — да мало ли что еще! Боюсь, что мой ум, и так не ахти какой большой, я израсходую слишком быстро, и на послевоенное время ничего не останется.

Суббота, 30 января 1943 г.

Милая Китти!

Я киплю от бешенства, но не должна этого показывать, мне хочется топать ногами, орать, разочек как следует тряхнуть маму, плакать, — не знаю, что бы еще я ей сделала за жестокие слова, насмешливые взгляды, обвинения, которыми она меня осыпает, как стрелами из туго натянутого лука, каждый день заново, и эти стрелы так трудно вытащить из моего тела. Мне хочется крикнуть маме, Марго, Ван Даанам, Дюсселу и папе тоже: «Оставьте меня в покое, дайте мне, в конце концов, одну ночь поспать так, чтобы подушка не становилась мокрой от слез, не резало глаза и голова не трещала. Отпустите меня, я хочу уйти от всех и от всего, лучше всего уйти из мира!»

Но я этого не могу, я не могу показать им мое отчаяние, не могу приоткрыть им раны, которые они мне наносят, я не смогла бы вынести их сочувствие и добродушные насмешки, от этого я бы тоже закричала.

Все считают меня жеманной, стоит мне заговорить, смешной, если я молчу, дерзкой, стоит мне ответить, хитрой, если мне в голову придет хорошая идея, ленивой, если я устану, эгоистичной, стоит мне откусить лишний кусок, глупой, трусливой, расчетливой и т. д. и т. п. Целый день я не слышу ничего иного, кроме как что я невыносимое существо, и хотя я смеюсь над этим и делаю вид, что мне плевать, все же мне это вовсе не безразлично. Я бы хотела попросить Господа Бога сделать меня другой по натуре, чтобы не восстанавливать против себя всех.

Это невозможно, такой я родилась, и не может быть, чтобы я была плохой, я это чувствую. Я стараюсь всем угодить гораздо больше, чем это может прийти им в голову. Я пытаюсь смеяться там, у них наверху, потому что не хочу показывать свои переживания.

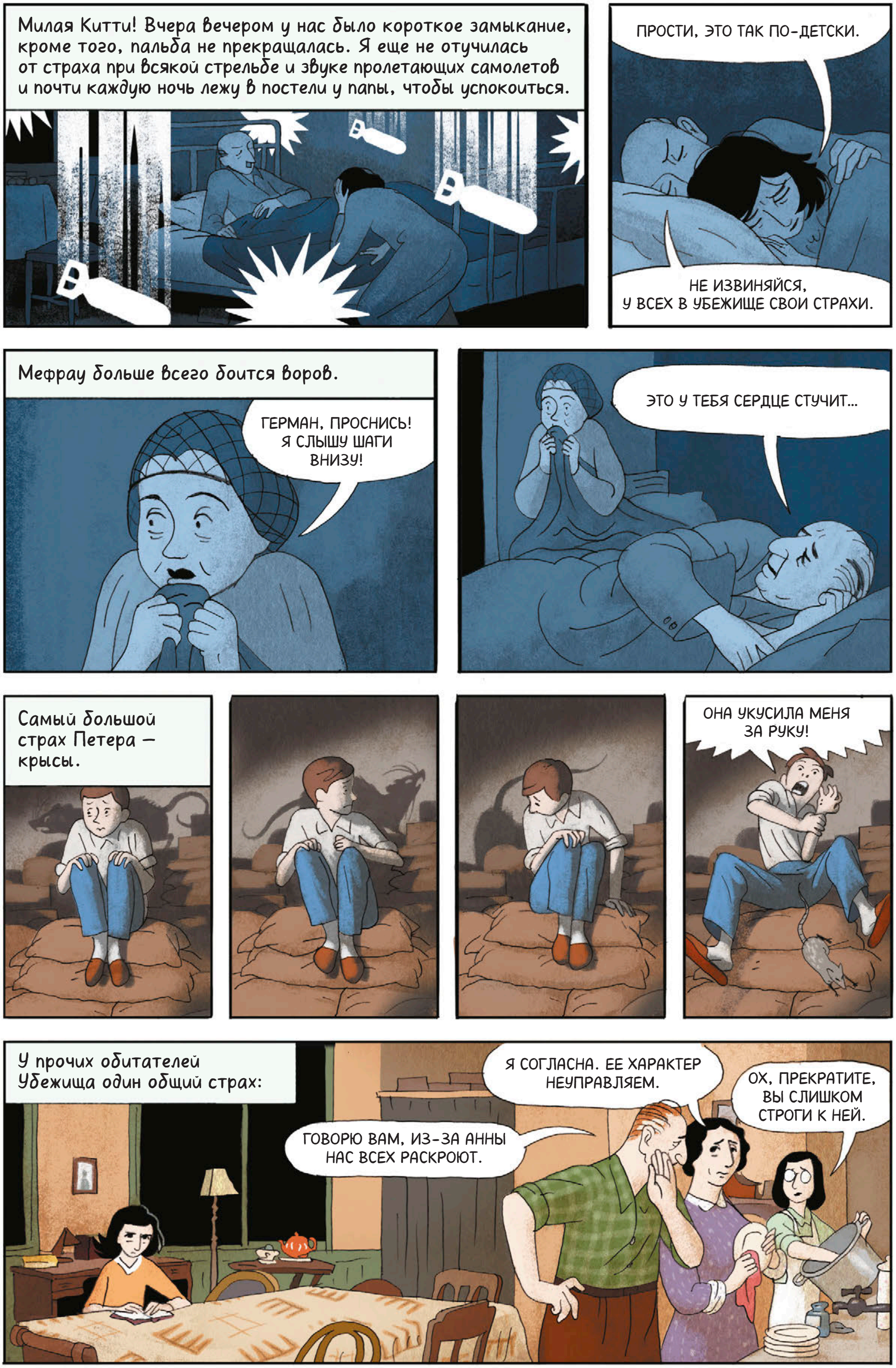
Мне невозможно один день быть миленькой, а на другой день выплескивать им в лицо свою ненависть. Лучше я выберу «золотую середину», хотя ничего «золотого» в ней нет, и буду держать свои мысли при себе, и попробую хоть раз быть с ними такой же пренебрежительной, как и они со мной.
Ах, если б только мне это удалось!

Твоя Анна

ПОЧЕМУ ТЫ ВСЕ ВРЕМЯ РИСУЕШЬСЯ?
ЛУЧШЕ ПОЙДИ И ПОМОЛИСЬ.
МАРГО БЫ ТАК НИКОГДА НЕ ПОСТУПИЛА.
ПОЧЕМУ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВЗЯТЬ ПРИМЕР С СЕСТРЫ?
ТЫ НЕ МОГЛА БЫ ПОМОЧЬ НА КУХНЕ?
РАДИ БОГА, АННА, Я НЕ МОГУ ЗАСНУТЬ!
БЕЗ ПАНИКИ, ЭТО ПРОСТО БОМБЕЖКА...
ПОДУМАЙ, КАК ТЕБЕ ПОВЕЗЛО. ТАМ ДЕТИ УМИРАЮТ НА УЛИЦЕ.

ВОЛОСЫ: АККУРАТНО УБРАННЫЕ
ГЛАЗА: ШИРОКО ОТКРЫТЫ, СМЕЮТСЯ
НОС: ОПУЩЕН ВНИЗ, НЕ ВЫДАЕТ СНОБИЗМА
ГУБЫ: ИЗОГНУТЫ В УЛЫБКЕ
ПОЗА: ИДЕАЛЬНАЯ – ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ И ЭЛЕГАНТНАЯ
ПЛАТЬЕ: ЯРКИЕ ЦВЕТА СИМВОЛИЗИРУЮТ ОПТИМИЗМ

Среда, 10 марта 1943 г.

Пятница, 19 марта 1943 г.

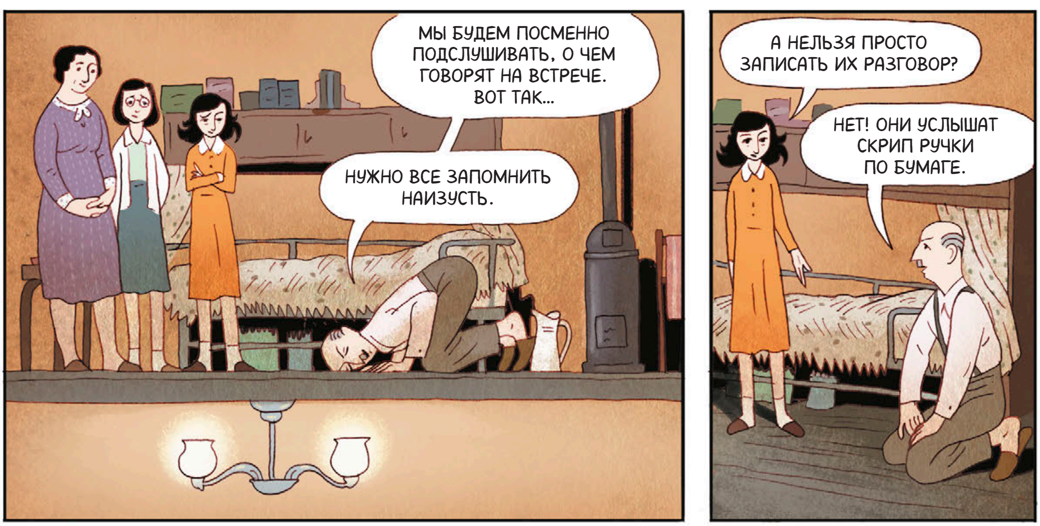

Четверг, 1 апреля 1943 г.

И поскольку все больны, менееру Кюглеру предстоит большой день: его ждет встреча с немецкой делегацией по поводу очень важной поставки.

Первыми на пост заступили мама и папа.
ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬ ЗНАМЕНИТУЮ ФОРМУЛУ ДЖЕМОВОГО ЗАГУСТИТЕЛЯ ОТ КОМПАНИИ «ОПЕКТА»!
Opekta
Потом была наша с Марго очередь.
НЕТ-НЕТ, ЭТО НЕ ФОРМУЛА, ЭТО ПРОСТО ДЖЕМ!
Спустя минуту, как началась наша смена, я заснула...
ПРОСТИТЕ МЕНЯ!
ВСЕ В ПОРЯДКЕ, Я ЗАПОМНИЛА, О ЧЕМ ОНИ ГОВОРИЛИ.
О, МАРГО, ТЫ СНОВА СПАСЛА НАС!
ТОЖЕ МНЕ НОВОСТЬ...

Вторник, 27 апреля 1943 г.

Дорогая Китти, авиаатаки англичан усиливаются с каждым днем. Отель «Карлтон» разрушен. Два английских самолета с большим грузом зажигательных бомб на борту налетели прямо на «Офицерский клуб». Ночью мы больше не знаем покоя.

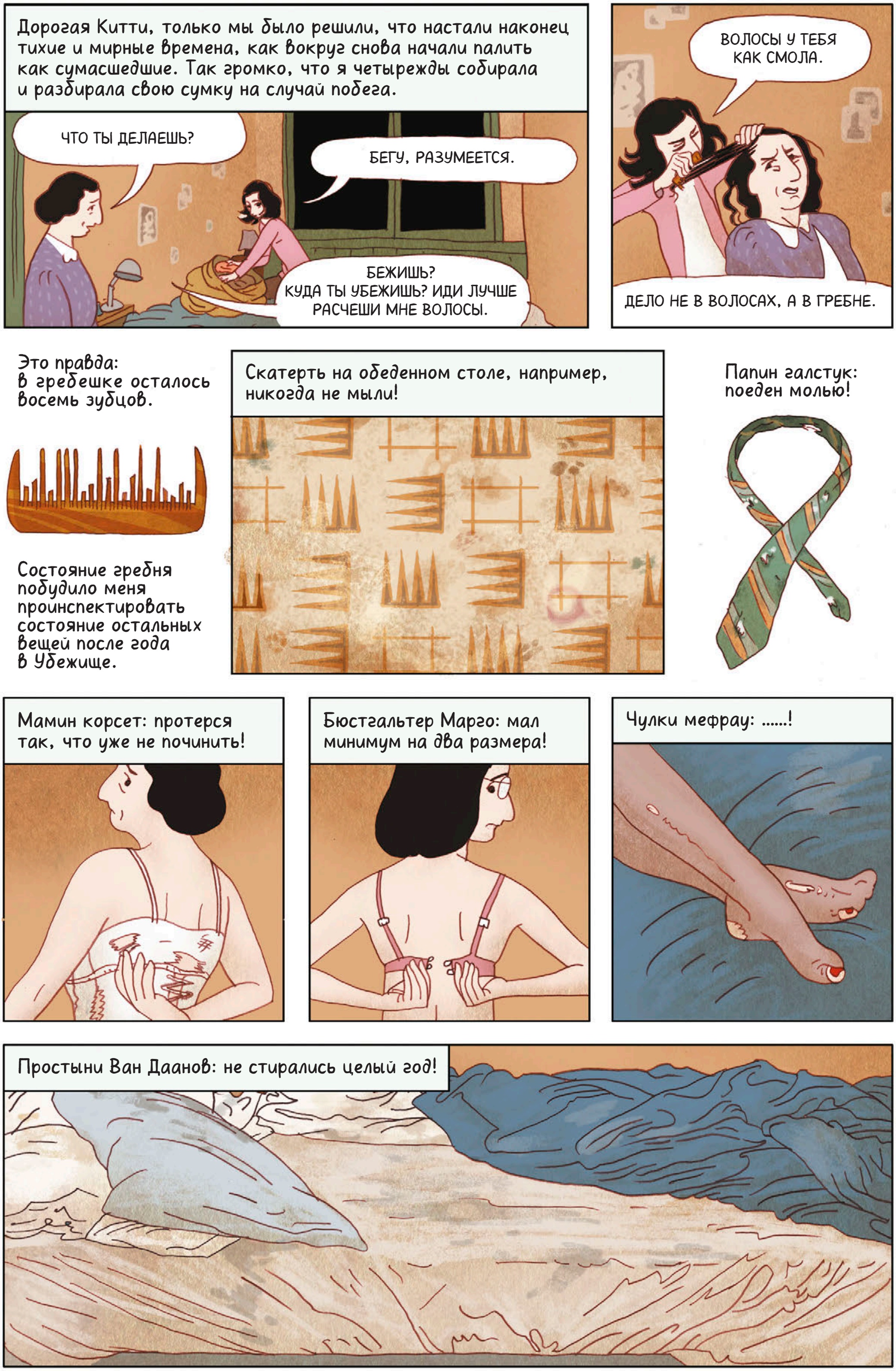
В эти времена комендантского часа и отсутствия поставок от ангелов-хранителей наша еда превратилась в биологический эксперимент.

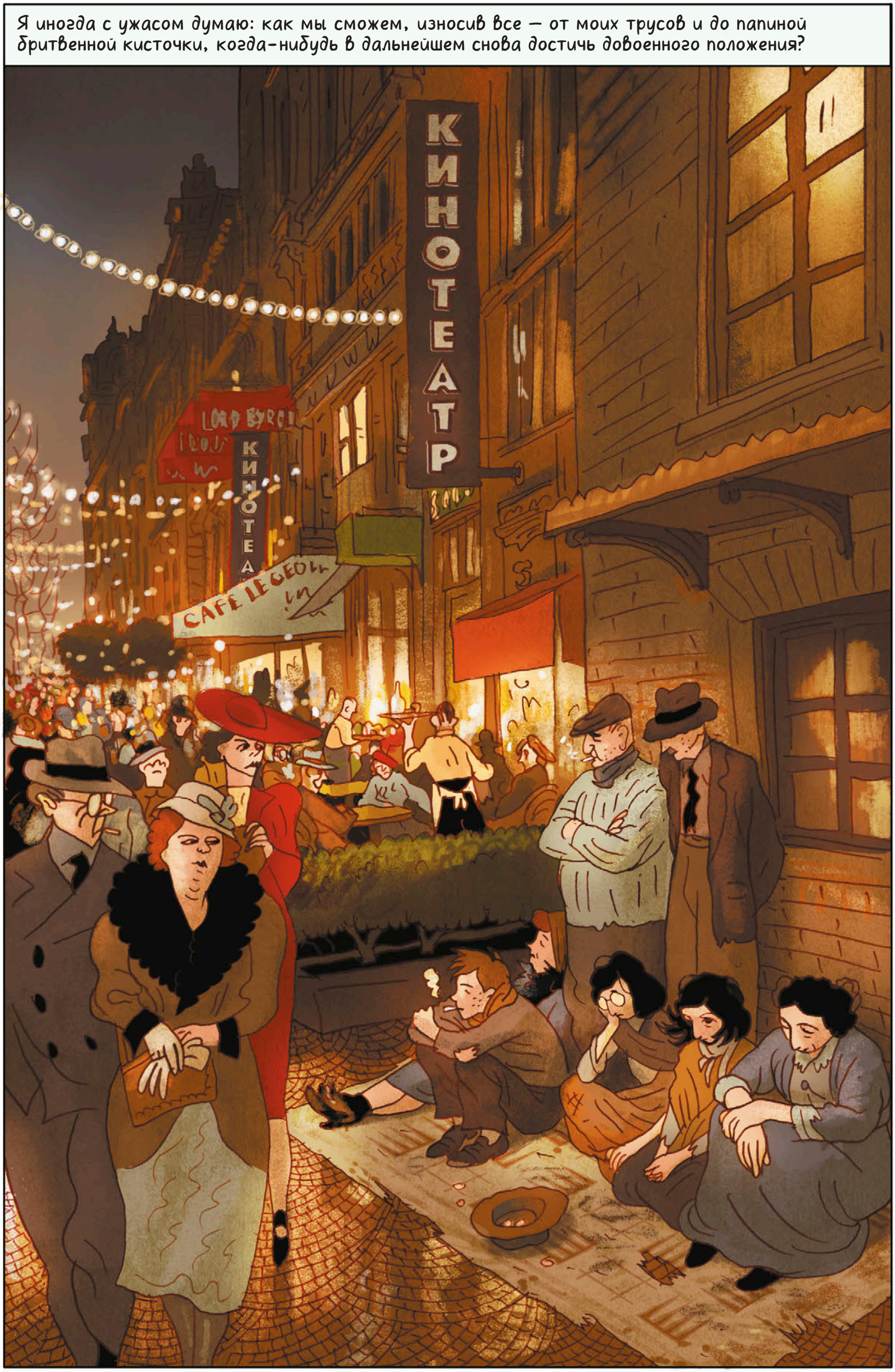

Одно можно сказать точно: если хотите похудеть, Убежище — идеальное место!

Но не все вынуждены соблюдать диету. По ночам Дюссел сидит в одиночестве и поедает вкусности, которые присылает ему его возлюбленная Лотье.

Суббота, 1 мая — воскресенье, 2 мая 1943 г.

Я иногда с ужасом думаю: как мы сможем, износив все — от моих трусов и до папиной бритвенной кисточки, когда-нибудь в дальнейшем снова достичь довоенного положения?
КИНОТЕАТР

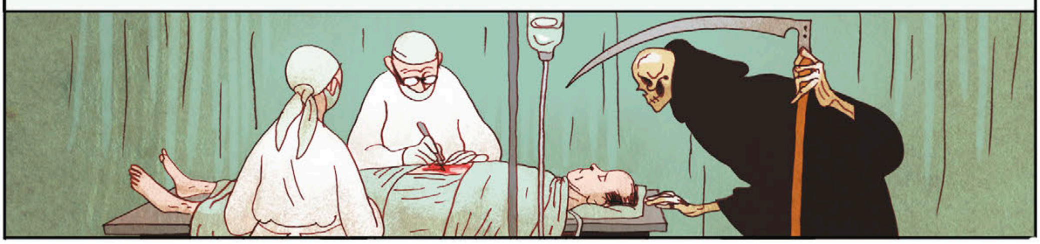
Воскресенье, 13 июня 1943 г.

Дорогая Китти, кто бы мог подумать, что спустя год после переезда в Убежище я все еще буду здесь? Снова я отмечаю свой день рождения. Конечно, с прошлогодним праздником не сравнить, но папа сочинил стихотворение, такое красивое, что я не могу не поделиться с тобой:

Уже не ребенок — и все же всех младше,
И от досады ты чуть не плачешь.
Ведь каждый хочет тебя учить.
«Смотри на меня», «Мы прожили жизнь.
И знаем лучше, что к чему,
Следуй же опыту моему».
Да-да, так длится не день, не год.
Свои недостатки видит ли кто?
В своем глазу не видать бревна.
Соломинка же в чужом видна.
Совсем не легко родителем быть
И справедливо судить и рядить.
Но как избежать тебе нареканий,
Живя бок о бок со стариками?
Во имя мира — нравоученья
Глотай, как таблетки глотаешь, — с мученьем.
Но месяцы здесь не пропали зря,
Сама ты не избегала труда.
В занятиях ты ни на миг не скучала,
Училась много и книги читала.
Но нету труднее для нас вопроса:
Одеждам твоим вышло время сноса.
«Что ни надену, мне все мало,
Совсем разодралось мое белье.
Брюки малы, до пупа рубашка,
Обувь давно уже просит кашки».
Шутка ли? На десять сантиметров
Выросла ты за зиму и лето.

Как если бы мой день рождения не угнетал сам по себе, мы только что узнали, что можем потерять двух наших величайших помощников. Во-первых, менеер Фоскёйл: ему оперировали язву, но доктора обнаружили рак в опасной для жизни форме. Ему осталось совсем недолго. Теперь добрый Фоскёйл не может больше сообщать нам обо всем, что происходит на складе и что там слышно. Он был нашим лучшим помощником и поддержкой.

И второе: наше старое верное радио скоро исчезнет!

За это мы должны «благодарить» нацистские власти, которые не хотят, чтобы гражданские были в курсе новостей с фронта.

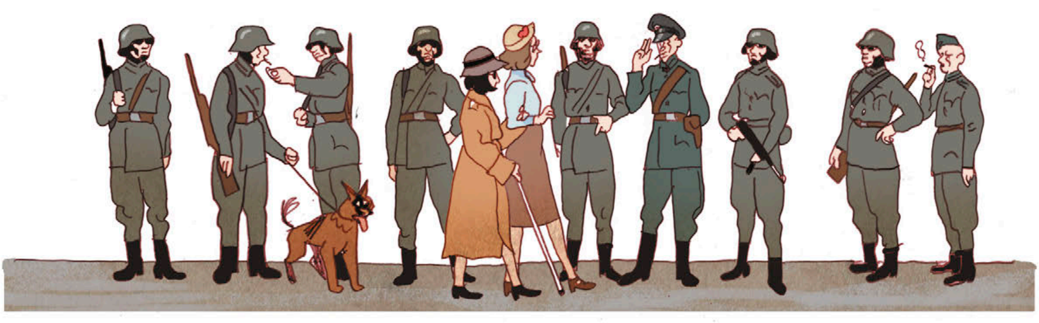

Воскресенье, 11 июля 1943 г.

Дорогая Китти, я обнаружила, что добиваюсь большего, когда чуточку лицемерю, вместо того чтобы по привычке всем напрямик высказывать свое мнение.

Мысль о том, чтобы выйти наружу — пройти по улице! — ошеломила меня. Пожалуй, лучше я ослепну или умру от голода в Убежище.

Пятница, 16 июля 1943 г.

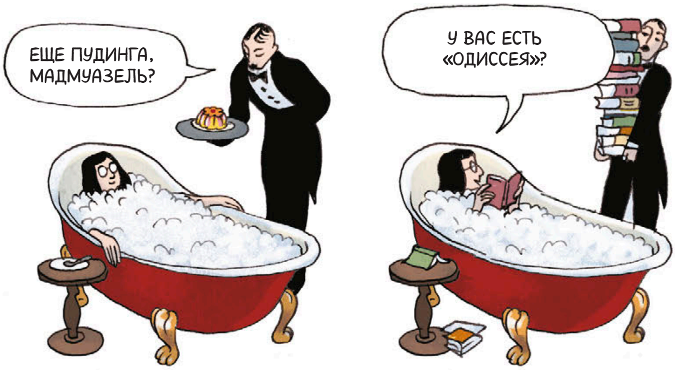

Грабители украли два ящичка с деньгами, там было 40 гульденов, но что гораздо хуже — весь наш запас карточек на сахар, всего на 150 килограммов.

Пятница, 23 июля 1943 г.

Так как ты, Китти, никогда еще не переживала войну и, несмотря на мои письма, все-таки мало знаешь о том, что значит скрываться, я расскажу тебе ради развлечения, какое первое желание у каждого из нас, когда мы вновь окажемся на свободе.

Марго хотела бы пролежать в ванной два дня, не вылезая.

Мама знать ничего не знает, кроме чашки настоящего кофе.

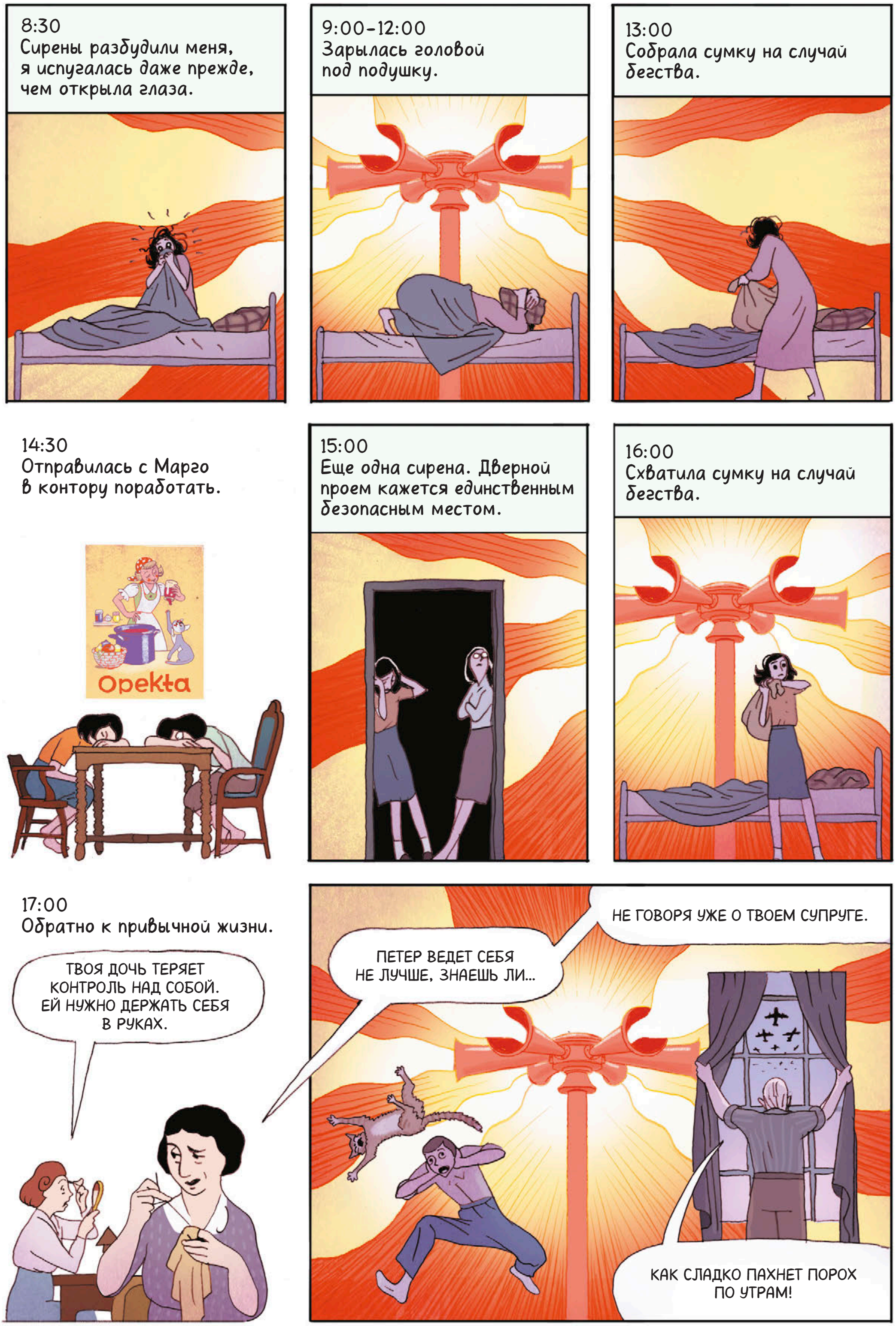
А Дюссел не может думать ни о чем, кроме своей Лотье...

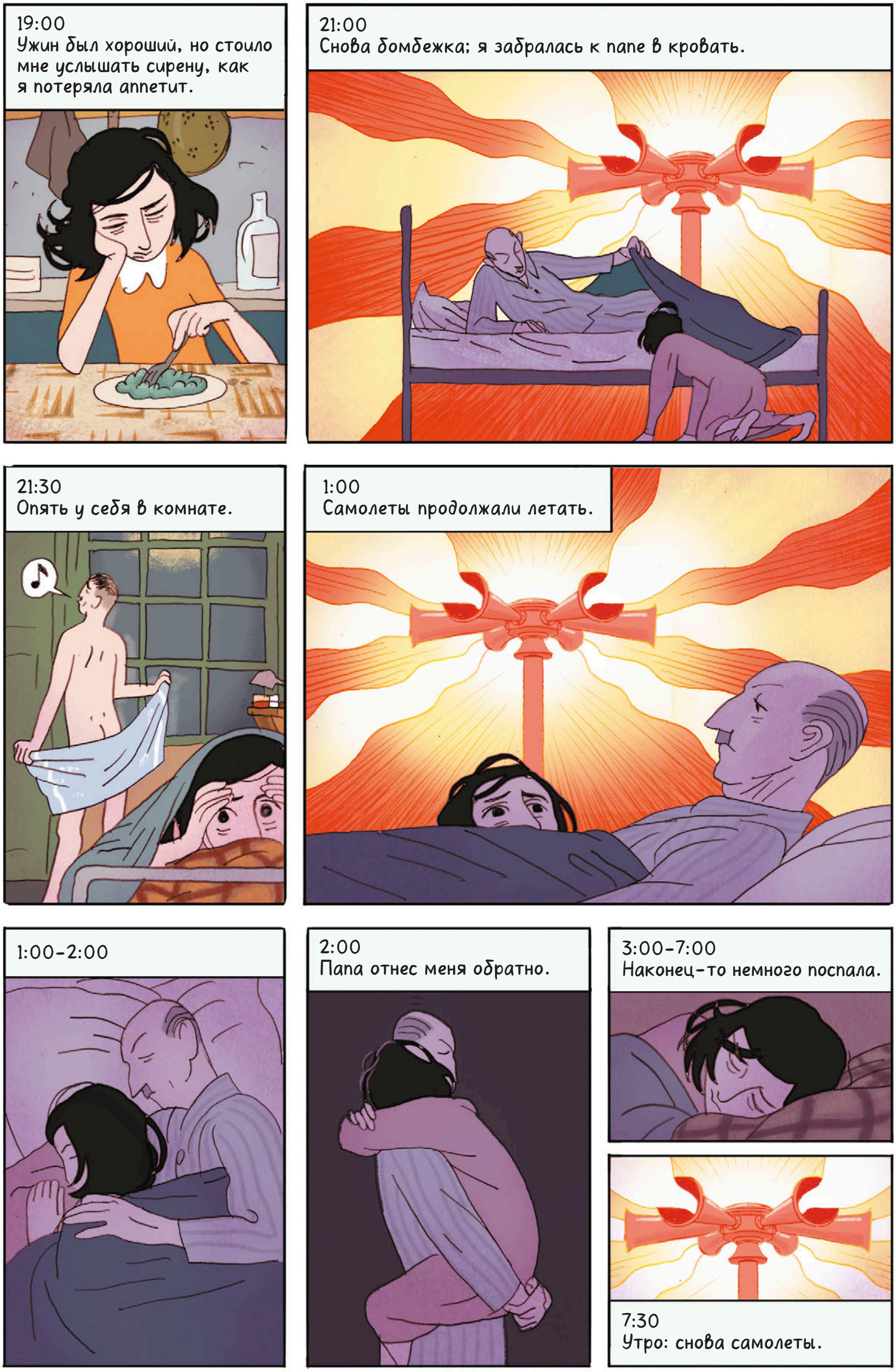

Понедельник, 26 июля 1943 г.

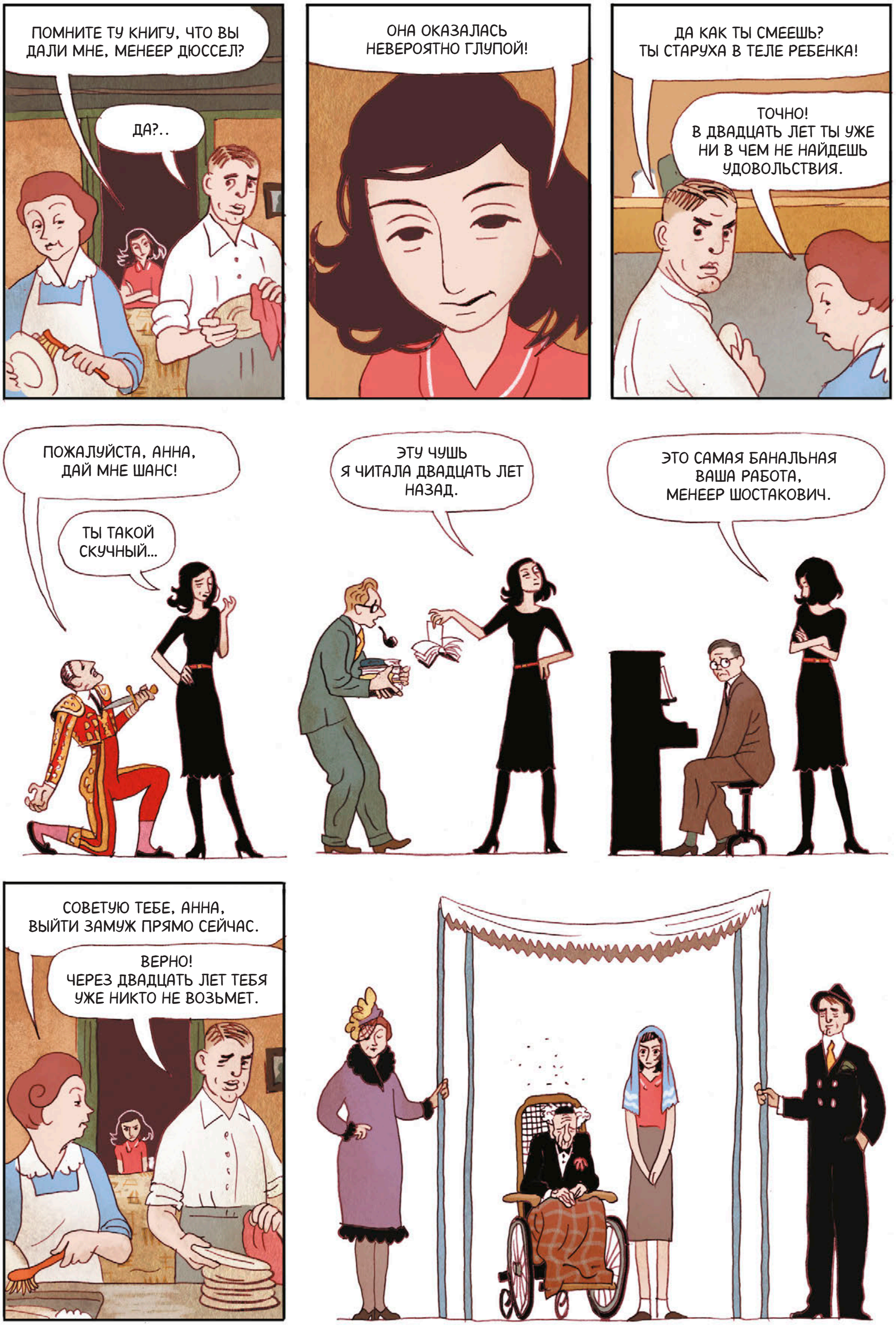
Дорогая Китти, вчера был страшно бурный день.

19:00
Ужин был хороший, но стоило мне услышать сирену, как я потеряла аппетит.
21:00
Снова бомбежка: я забралась к папе в кровать.
21:30
Опять у себя в комнате.
1:00
Самолеты продолжали летать.
1:00–2:00
2:00
Папа отнес меня обратно.
3:00–7:00
Наконец-то немного поспала.
7:30
Утро: снова самолеты.

Четверг, 29 июля 1943 г.

Мы с мефрау Ван Даан и Дюсселом мыли посуду, и я вела себя необыкновенно тихо.

Можешь представить, как я себя чувствовала?
Тогда-то я и решила написать свою книгу. Я назову ее «Мефрау Ван Даан».

Мефрау Ван Даан родилась в Германии много лет назад.

Она выросла и начала интересоваться мальчиками.

Затем она подросла еще и стала невозможной кокеткой. Но только с незнакомцами...

Затем она иммигрировала в Голландию. Папа считает, что именно здесь она стала уродливой.

Мама считает, что именно здесь она стала глупой.

Марго считает, что именно здесь она стала незначительной.

А я считаю, что это еще не все ее недостатки.

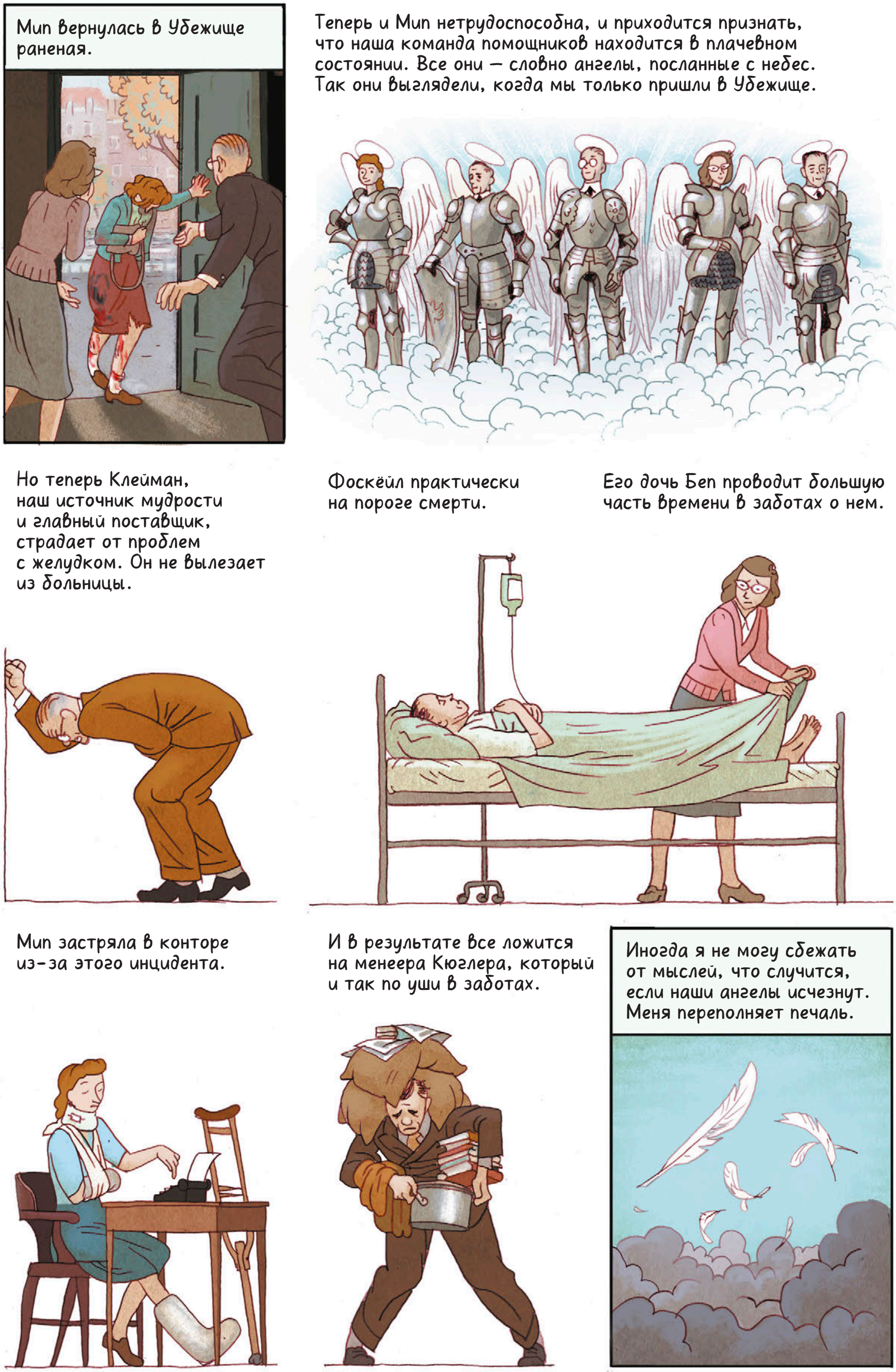
P.S. Может ли адресат принять во внимание, что в то время, когда этот рассказ писался, сочинительница еще не остыла от гнева?

Дорогая Китти, я продолжаю описывать, как устроена жизнь в Убежище. Сегодняшняя тема: ужин.
ДУМАЮ О ТЕХ БЕДНЫХ ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ГОЛОДАЮТ В ВОСТОЧНЫХ ЛАГЕРЯХ.
НЕТ, СПАСИБО, Я НЕ ГОЛОДЕН.
ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СЫТОЙ, ГЛЯДЯ НА ДРУГИХ.
ЗНАЧЕНИЕ ЕДЫ ПРЕУВЕЛИЧИВАЮТ.

ПЕРЕДАЙТЕ МНЕ ЕДУ, ПОЖАЛУЙСТА. Я ЗДЕСЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ЕЩЕ НЕ ЕЛ.
СКУЧНО. СКУЧНО. СКУЧНО. ЛУЧШЕ БЫ Я УМЕРЛА.
КАК ТАК ВЫШЛО, ЧТО Я ТОЛЬКО ПОЕЛ, А УЖЕ СНОВА ГОЛОДЕН?
ЛУЧШЕ Я ПРОПУЩУ УЖИН. ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ВСЕ САМОЕ ВКУСНОЕ СПРЯТАНО У МЕНЯ ПОД КРОВАТЬЮ.

Пятница, 10 сентября 1943 г.

Мип вернулась в Убежище раненая.
Теперь и Мип нетрудоспособна, и приходится признать, что наша команда помощников находится в плачевном состоянии. Все они — словно ангелы, посланные с небес. Так они выглядели, когда мы только пришли в Убежище.
Но теперь Клейман, наш источник мудрости и главный поставщик, страдает от проблем с желудком. Он не вылезает из больницы.
Фоскёйл практически на пороге смерти.
Его дочь Беп проводит большую часть времени в заботах о нем.
Мип застряла в конторе из-за этого инцидента.
И в результате все ложится на менеера Кюглера, который и так по уши в заботах.
Иногда я не могу сбежать от мыслей, что случится, если наши ангелы исчезнут. Меня переполняет печаль.

Четверг, 16 сентября 1943 г.

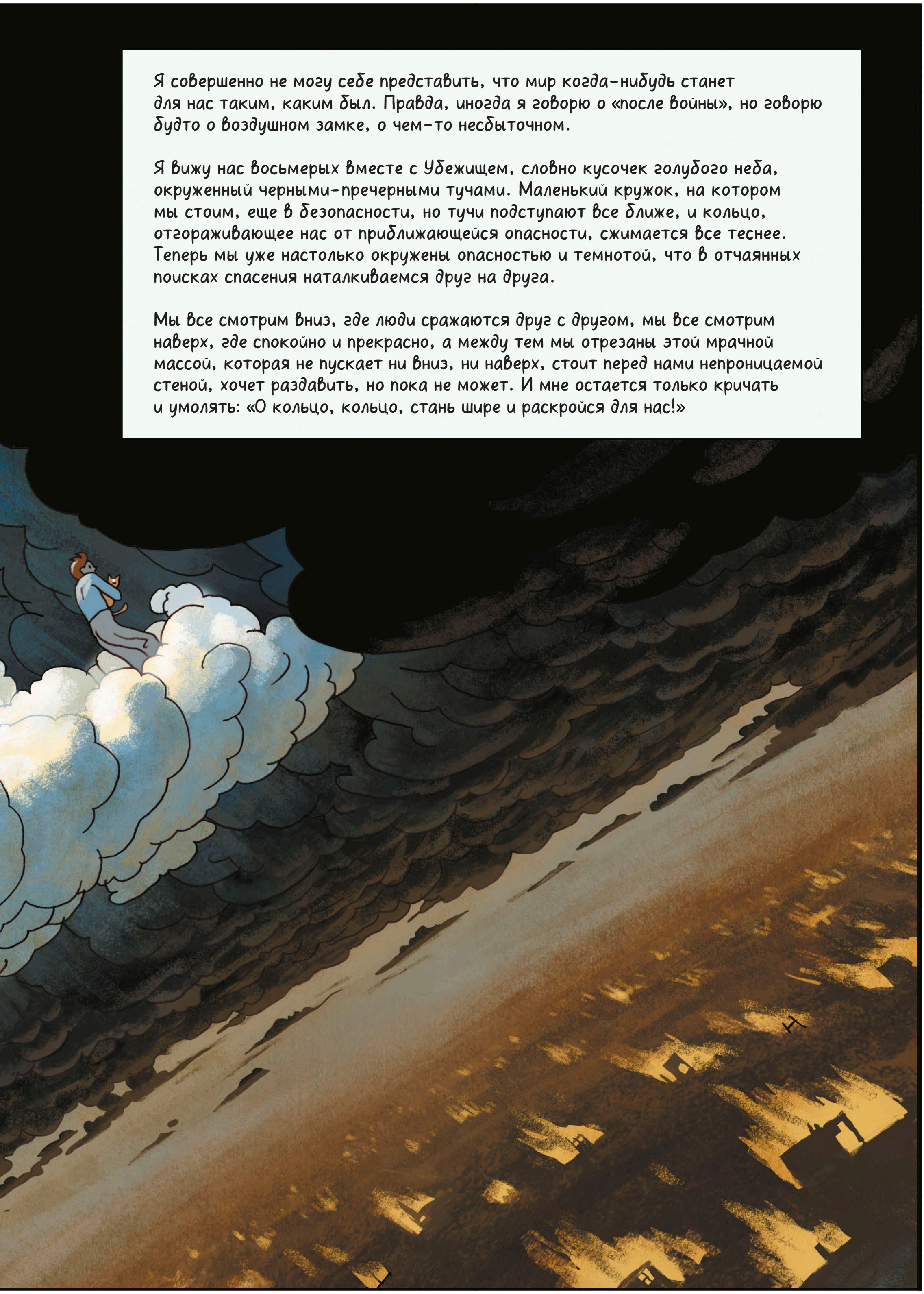
Дорогая Китти, из-за работника склада по имени Ван Маарен я не могу спать по ночам от беспокойства. Он подозрительный, он задает слишком много вопросов, он не дурак, и он жесток.

Как видишь, я сейчас на самом пике депрессии. Я не могу точно сказать, что ее вызвало, но думаю, это из-за моей трусости, с которой я никак не справлюсь.

Я совершенно не могу себе представить, что мир когда-нибудь станет для нас таким, каким был. Правда, иногда я говорю о «после войны», но говорю будто о воздушном замке, о чем-то несбыточном.

Я вижу нас восьмерых вместе с Убежищем, словно кусочек голубого неба, окруженный черными-пречерными тучами. Маленький кружок, на котором мы стоим, еще в безопасности, но тучи подступают все ближе, и кольцо, отгораживающее нас от приближающейся опасности, сжимается все теснее. Теперь мы уже настолько окружены опасностью и темнотой, что в отчаянных поисках спасения наталкиваемся друг на друга.

Мы все смотрим вниз, где люди сражаются друг с другом, мы все смотрим наверх, где спокойно и прекрасно, а между тем мы отрезаны этой мрачной массой, которая не пускает ни вниз, ни наверх, стоит перед нами непроницаемой стеной, хочет раздавить, но пока не может. И мне остается только кричать и умолять: «О кольцо, кольцо, стань шире и раскройся для нас!»

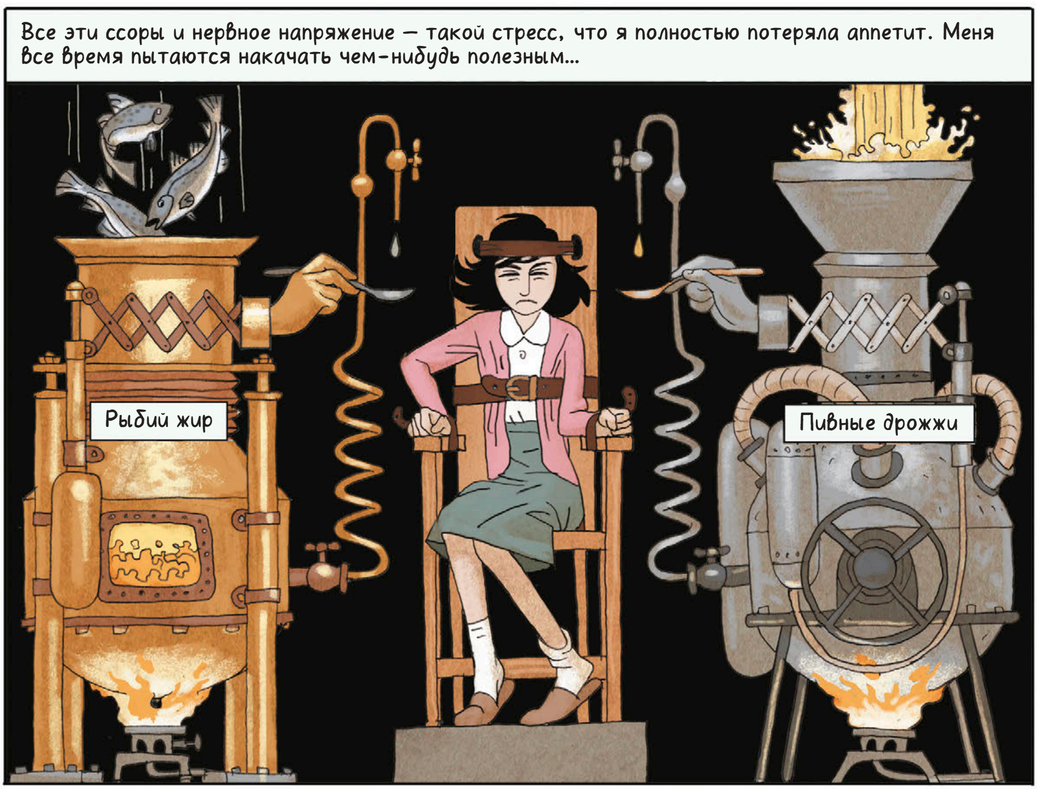
Воскресенье, 17 октября 1943 г.

ВОТ ЭТО ДА,
НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ!
325 ГУЛЬДЕНОВ!

ТЫ УБИЛ ЛЕДИ ВО МНЕ!
ЭТО МОЯ КОМПЕНСАЦИЯ!

Все Убежище было взволновано. Нам казалось, что наверху сегодня кого-то прикончат.
ПОРА НЕСТИ АПТЕЧКУ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ!

Все эти ссоры и нервное напряжение — такой стресс, что я полностью потеряла аппетит. Меня все время пытаются накачать чем-нибудь полезным...
Рыбий жир
Пивные дрожжи

Суббота, 30 октября 1943 г.

Не то чтобы я люблю только отца. Маму и Марго я тоже люблю, но я люблю их просто как маму и Марго, а как на людей мне на них чихать. Как по мне, так они могут пойти и утопиться в озере. Папа — другое дело. Когда он отдает предпочтение Марго, одобряет все, что она делает, поощряет ее и нежен с ней, у меня внутри что-то ноет, потому что папа для меня — все на свете! Он для меня во всем пример, и никого другого во всем свете я не люблю, кроме папы. Он сам не сознает, что обращается с Марго не так, как со мной. Ведь Марго

Но ведь я тоже имею право на серьезное отношение.

В семье я всегда была клоуном и шалуньей, и мне всегда за все поступки приходилось платить вдвойне: один раз — попреками, а второй раз — отчаянием во мне самой. Меня больше не удовлетворяют ни поверхностные проявления нежности, ни так называемые серьезные разговоры. Я жажду от отца чего-то, что он мне дать не в состоянии. Я не ревную его к Марго, никогда этого не было.

Не надо мне ни ее красоты, ни ее ума, я хочу только, чтобы отец любил меня по-настоящему, не только как своего ребенка, но как Анну, какая я есть. Я цепляюсь за папу, потому что с каждым днем все пренебрежительнее отношусь к маме, и он один еще поддерживает во мне последние остатки любви к семье. Он не понимает, что мне необходимо иногда высказать все про маму. Он не хочет говорить, избегает всяческих разговоров о маминых недостатках.

А ведь мама со всеми ее недостатками доставляет мне больше всего переживаний. Я не знаю, как себя держать, не могу вслух высказать свою обиду на ее небрежность, сарказм или жестокость, но и за собой не всегда чувствую вину. Я во всем полная противоположность маме, оттого у нас сами собой происходят стычки. Не берусь судить о ее характере, тут я не судья, я смотрю на нее только как на мать. Но для меня мама — не такая мать, какая мне нужна. Мне приходится быть матерью самой себе.

Я от них отделилась, нахожу с трудом свой путь, а уж потом будет видно, куда он меня заведет. Это происходит прежде всего оттого, что я вообразила себе идеал, какой должна быть мать и жена, но в той, кого я должна называть матерью, я не вижу ни малейшего сходства с этим идеалом. Я постоянно стараюсь не обращать больше внимания на то, в чем мама подает мне плохой пример, я хочу видеть в ней только хорошие стороны и искать в самой себе то, чего не нахожу в маме.

Но это не удается; и хуже всего, что ни папа, ни мама не осознают, что они не могут мне дать то, что мне нужно, и что я их за это осуждаю. Найдутся ли такие родители, которые вполне могут удовлетворить своих детей? Иногда я думаю, что Бог хочет испытать меня — и сейчас, и в дальнейшем. Мне надо самой становиться лучше, без примеров и без разговоров, тогда в будущем я стану сильной. Кто будет читать когда-нибудь эти письма, кроме меня самой? Кто, кроме меня самой, утешит меня? Потому что я часто нуждаюсь в утешении, не раз я падала духом и больше промахивалась, чем попадала в цель. Я знаю это и снова и снова, каждый день заново, стараюсь исправиться.

Со мной обращаются непоследовательно. Один день Анну считают такой разумной, и ей все можно знать, а на следующий день я снова слышу, что Анна еще маленькая глупая овечка, которая не знает ни о чем и воображает, что на удивление много узнала из книг! Но я уже не ребенок и не баловница, надо всеми поступками которой можно еще и посмеяться. У меня свои идеалы, идеи и планы, но я их еще не умею выразить словами.

Ах, во мне подымается столько сомнений вечерами, когда я одна, а иногда и днем, когда мне приходится терпеть всех этих людей, которые у меня стоят поперек горла и которые всегда неправильно меня воспринимают. Поэтому в конце концов я всегда возвращаюсь к своему дневнику. С этого я начинаю, этим и кончаю, потому что Китти всегда терпелива. Я обещаю ей выдержать до конца, несмотря ни на что, проложить свою дорогу, а слезы проглотить. Только вот как бы мне хотелось увидеть результаты или чтобы любящая рука меня хоть раз поддержала. Не осуждай меня, но пойми, что и у меня иногда терпение лопается!

Твоя Анна

Суббота, 27 ноября 1943 г.

Среда, 22 декабря 1943 г.

Милая Китти, тяжелый грипп помешал мне писать тебе.

Мне приходится кашлять под одеялом, чтобы нацисты не услышали.

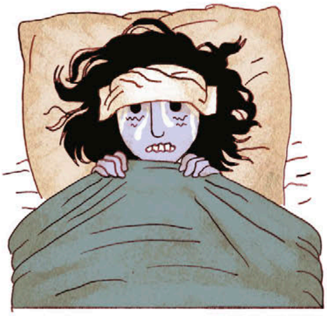
Я пробовала молоко с медом и сырым яйцом.

Пар.

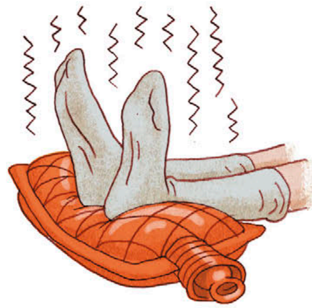
Холодный компресс.

Горячий компресс.

Грелку.

Хуже всего было, когда Дюссел вспомнил, что он вообще-то доктор.

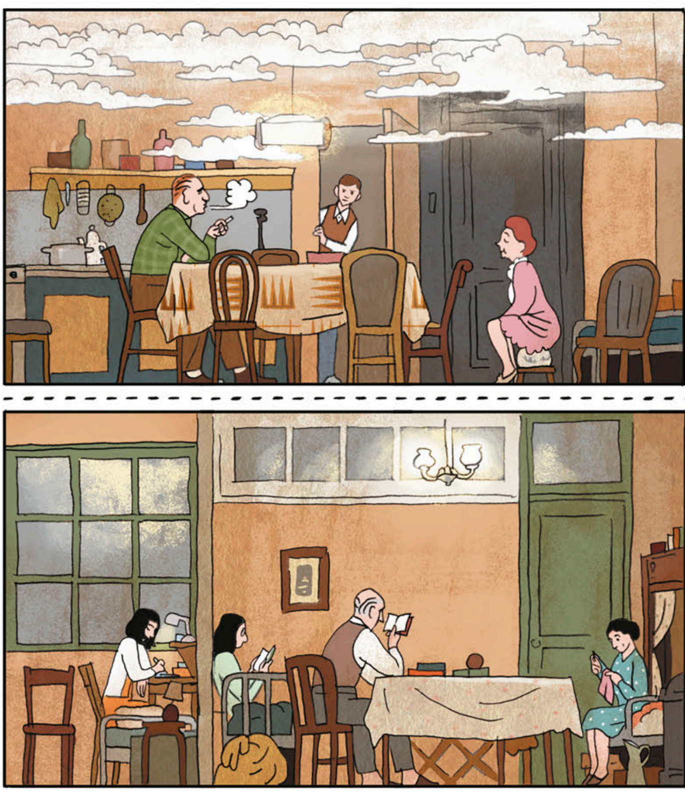

Слава богу, время Хануки и Рождества — двойная радость с кучей подарков от наших спасителей.

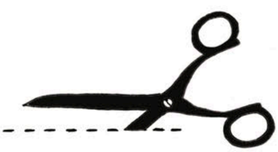

Четверг, 30 декабря 1943 г.

Если бы только мы могли полностью отделиться от Ван Даанов!

Мечты, мечты...

Воскресенье, 2 января 1944 г.

Милая Китти!

Когда мне сегодня утром было нечего делать, я перелистала свой дневник и несколько раз наткнулась на письма, где предмет «мама» рассматривается в таких сильных выражениях, что я пришла в ужас и спрашивала себя: «Анна, это ты говорила о ненависти? О Анна, как ты могла?»

Я осталась сидеть с открытым дневником в руках и думала о том, как же вышло, что я была так переполнена гневом, что мне необходимо было все это поверять тебе. Я попыталась понять Анну, какой она была год назад, и оправдать ее, так как совесть моя нечиста, пока я, обрушив на тебя эти обвинения, не объясню тебе задним числом, откуда это взялось.

Я мучаюсь и мучилась настроениями, которые (в переносном смысле) меня тянули с головой под воду и показывали мне вещи субъективно. Вместо того чтобы спокойно обдумать слова противной стороны, а потом поставить себя на место того, кого я со своим кипучим темпераментом обидела или кому я причинила боль, я спряталась сама в себе, смотрела только в себя саму и все мои радости, издевки и печали не задумываясь заносила в дневник. Этот дневник мне важен, потому что во многом он стал книгой мемуаров, хотя на некоторых страницах я могла бы сделать приписку: «Прошло».

Я злилась на маму (и до сих пор часто злюсь). Она не понимала меня, это верно, но я ее тоже не понимала. Она меня любила, была ласковой со мной, но часто оказывалась из-за меня в неприятных ситуациях и из-за этого и из-за многих других печальных обстоятельств была нервной и раздраженной, потому-то и кричала на меня. Я принимала это слишком всерьез, обижалась, была грубой и противной по отношению к ней, что ее в свою очередь огорчало. В общем, мы по очереди доставляли друг другу взаимные неприятности и огорчения. Удовольствия, во всяком случае, это нам обеим не приносило, но это проходит. А что я этого не хотела видеть и очень сочувствовала сама себе, тоже можно понять.

Слишком резкие предложения — просто выплески злости, которые я в обычной жизни выпустила бы на волю, потопав ногами в комнате, закрытой на ключ, или выругавшись за маминой спиной. Период, когда я в слезах осуждала маму, кончился, я стала мудрее, да и мамины нервы слегка успокоились. Большей частью я помалкиваю, когда раздражаюсь, и она тоже, поэтому дела идут, по-видимому, лучше.

Ведь любить маму по-настоящему, привязчивой любовью ребенка, я не могу. Так что я успокаиваю совесть мыслью, что пусть лучше грубые слова останутся на бумаге, чем если бы маме пришлось носить их в своем сердце.

Твоя Анна

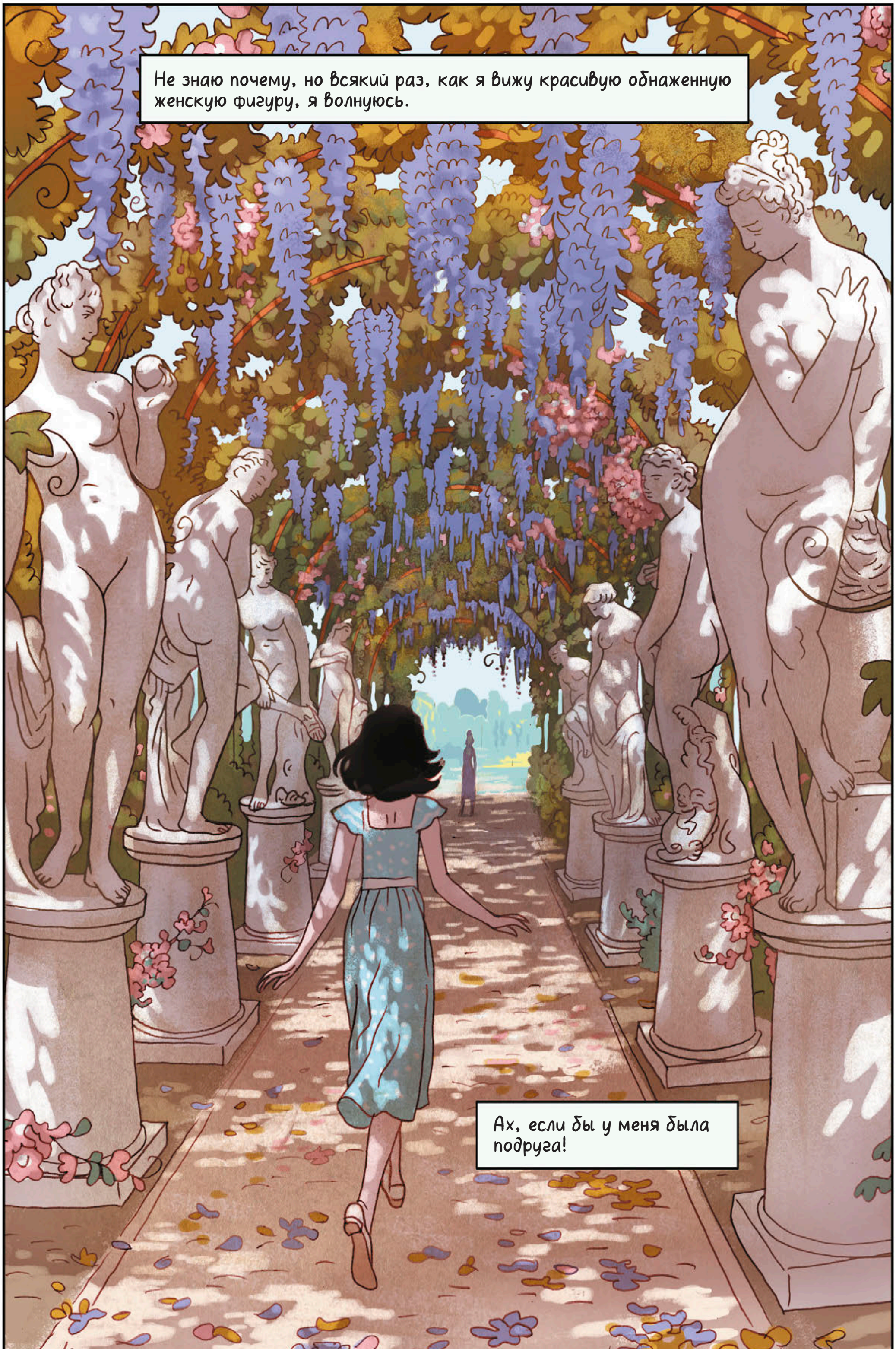

Четверг, 6 января 1944 г.

Всякий раз, когда у меня бывают месячные, возникает чувство, что, несмотря на всю боль, неудобства и грязь, я ношу в себе некую сладостную тайну.

Не знаю почему, но всякий раз, как я вижу красивую обнаженную женскую фигуру, я волнуюсь.
Ах, если бы у меня была подруга!

Желание с кем-нибудь поговорить стало просто непреодолимым.
ПЕТЕР?
ЗАХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА. НЕ ПОМОЖЕШЬ?
ОГО, Я СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ ИСКАЛ ЭТОТ ФРАГМЕНТ!
Я хотела сказать: как так вышло, что я не замечала прежде, какие глубокие и красивые у тебя глаза? Как вышло, что я не замечала, как ты чувствителен и нежен?

Но вместо этого я сказала:
НЕДАВНО Я ЧИТАЛА СТАТЬЮ О ТОМ, ПОЧЕМУ ЛЮДИ КРАСНЕЮТ...
...ЭММ...
...НУ-У-У...
И-И-И... В ОБЩЕМ, СИС ХЕСТЕР ПИШЕТ, ЧТО МУЖЧИНЫ НАЧИНАЮТ КРАСНЕТЬ, КАК ТОЛЬКО ОСОЗНАЮТ ПРОЦЕСС СВОЕГО ВЗРОСЛЕНИЯ И ВСЕ, ЧТО С ЭТИМ СВЯЗАНО...
ХВАЛА БОГАМ, ЮНЫЕ ДЕВУШКИ НЕ КРАСНЕЮТ ВОВСЕ.
Ночью мне снилось, что мы с Петером смотрим на оригинал картины с пазла.
А затем он повернулся ко мне...
Я ОЧЕНЬ СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ, АННА, МОЯ МАЛЫШКА.
Но это не был Петер Ван Даан... Это был Петель — моя единственная любовь. Он приходил навестить меня, напомнить мне, что такое настоящее чувство.

Пятница, 7 января 1944 г.

Китти, ну какая же я дура, как я раньше не подумала о том, что ведь ты ничего не знаешь о моей великой любви.

*КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ЗДОРОВЬЮ.

Понедельник, 24 января 1944 г.

Милая Китти, все, что мне приходилось раньше, дома и в школе, слышать об интимных отношениях между мужчинами и женщинами, либо говорилось по секрету, либо было противным.

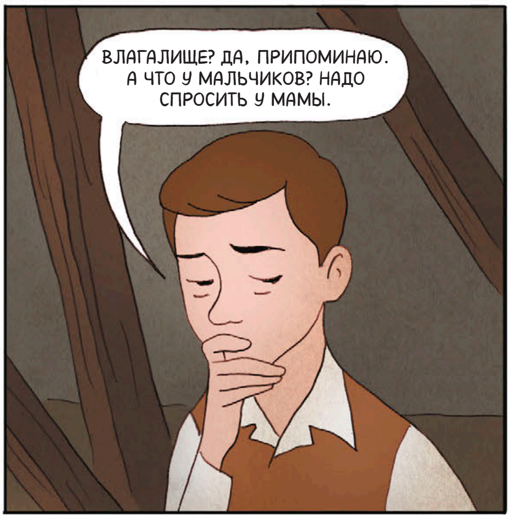

Только во время ужина я осознала: да, это действительно произошло! Такой удивительный разговор с Петером. Я никогда даже с девочками не говорила об этом таким обыденным тоном. И конечно, когда мать предостерегала меня насчет мальчиков, она имела в виду совсем не такую беседу. Но все-таки я целый день была немного не в своей тарелке; вспоминая наш разговор, я все же находила его не совсем обычным. Но мой жизненный опыт пополнился хотя бы одним: оказывается, молодые люди, и даже разных полов, могут разговаривать на эти темы непринужденно и без шуточек.

Пятница, 28 января 1944 г.

Я читаю все рецензии, знаю наизусть сюжеты всех популярных фильмов и весь актерский состав, разумеется. Я люблю соорудить новую прическу, вдохновленную любимыми актрисами.

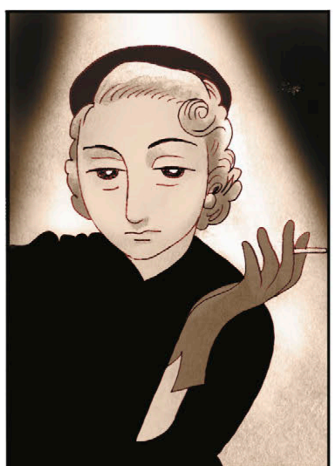

Бетти Дейвис

Джоан Фонтейн

Кэрол Ломбард

Кэтрин Хепберн

Ингрид Бергман

Марлен Дитрих

Я задаюсь вопросом, милая Китти, не чувствуешь ли ты себя коровой, которой приходится все время пережевывать старые новости. Уверена, тебе это невыносимо. У взрослых есть ужасная привычка рассказывать свои истории снова и снова. Это приводит к тому, что стоит одному из восьми открыть рот, как остальные семеро готовы закончить историю за него.

Во всех газетах полно статей о будущей высадке союзников, и читатели, естественно, с ума сходят, когда им попадается, например, такое: «Если англичане, что не исключено, высадятся в Нидерландах, немецкие власти должны будут приложить все усилия, чтобы защитить страну, а в случае необходимости пойдут даже на то, чтобы затопить ее». Прилагаются карты, на которых заштрихованы те части Нидерландов, которые могут быть затоплены. Наш район в их числе. Нам придется плыть.

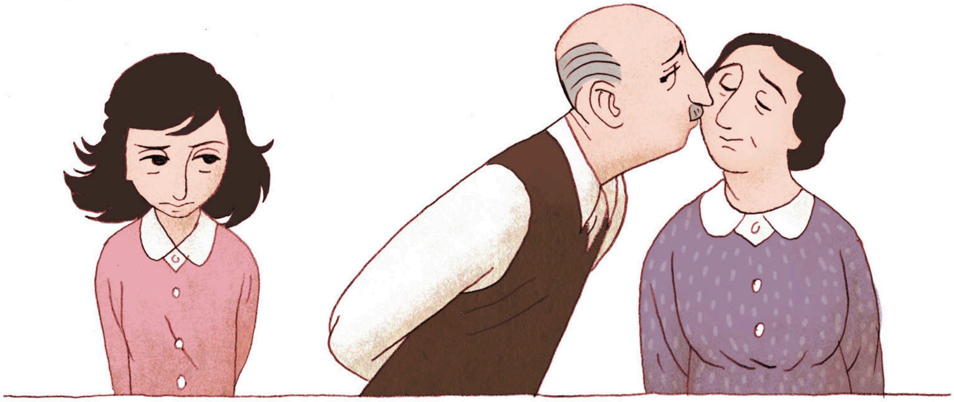
Вторник, 8 февраля 1944 г.

Милая Китти!

Похоже, я переживаю период раздумий, мысли бродят там-сям, и неудивительно, что я задумываюсь и о браке папы и мамы. Мне всегда давали понять, что это идеальный брак. Никаких ссор, сердитых лиц, полная гармония и все такое.

Я знаю кое-что о папином прошлом, а чего не знаю, домысливаю. Мне кажется, папа женился на маме, потому что чувствовал: она будет подходящей женой. Признаюсь, меня восхищает, как мама приняла роль его жены, и то, что она никогда, насколько мне известно, не жаловалась и не ревновала. Ведь для любящей жены очень нелегко знать, что она никогда не станет для своего мужа самым любимым человеком, а мама это хорошо знала. Папа, конечно же, был в полном восторге от маминого отношения к нему и считал, что у нее прекрасный характер. Так зачем искать другую жену? Его идеалы рухнули, юность прошла. Каким же оказался их брак?

Они не ссорятся, у них близкие взгляды, но все же вряд ли его можно назвать идеальным. Папа относится к маме с уважением, он ее любит — но совсем не так, как, по моему представлению, муж должен любить жену. Папа принимает маму такой, какая она есть, он часто раздражается, но старается молчать, потому что знает, на какие жертвы ей приходится идти.

Папа не всегда спрашивает ее мнение — о делах, о чем-нибудь еще, о людях, обо всем. И рассказывает ей не все: он знает, что она слишком эмоциональна, слишком склонна критиковать и часто бывает пристрастной. Папа не влюблен. Он и целует маму так же, как нас. И никогда не ставит ее в пример, просто не может. Смотрит он на маму как бы поддразнивая или насмехаясь, но без любви. Может быть, именно мамина жертва ожесточила ее, сделала суровой к окружающим, но одно точно — она увела маму еще дальше от любви, лишила способности вызывать восхищение, и в один прекрасный день папа непременно поймет, что, хотя она внешне никогда не требовала от него всепоглощающей любви, внутренне она медленно, но верно погибает. Мама любит его больше всех на свете, и до чего тяжко сознавать, что такая любовь остается безответной.

Так что же, мне следует проявить к маме больше сочувствия? Помочь ей? Помочь папе? Но я не могу. Я все время представляю себе другую маму. Нет, не могу. Да и как? Ведь она мне ничего о себе не рассказывала, а я никогда ее об этом не просила. Что нам известно о мыслях друг друга? Я не могу с ней говорить, не могу смотреть с любовью в эти холодные глаза. Не могу! О, если бы у нее было хоть одно качество чуткой матери: нежность, открытость, терпение, хоть что-то, — я бы изо всех сил старалась стать ей ближе. Но полюбить такое бесчувственное создание, такую насмешницу — с каждым днем это становится все менее и менее возможным!

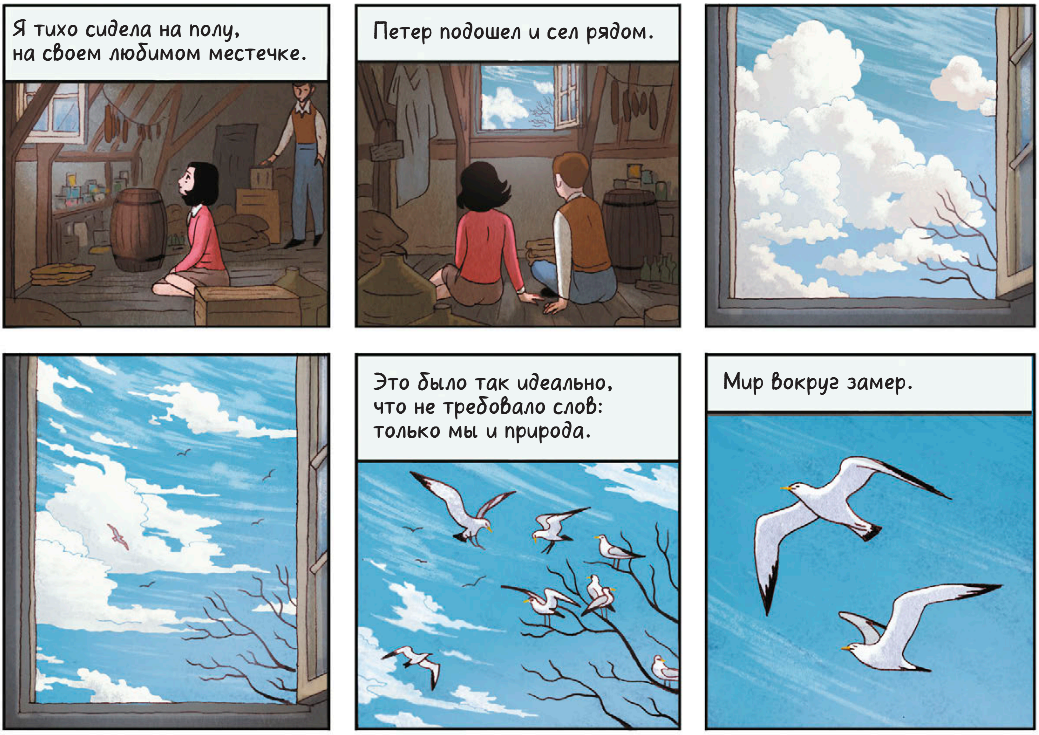
Понедельник, 14 февраля 1944 г.

Еще в воскресенье утром я заметила (честно говоря, с большой радостью), что Петер все время смотрит на меня. Совсем не так, как обычно, но иначе, чувственно.

Среда, 23 февраля 1944 г.

Этим утром я, как обычно, проснулась и отправилась в мансарду к Петеру.

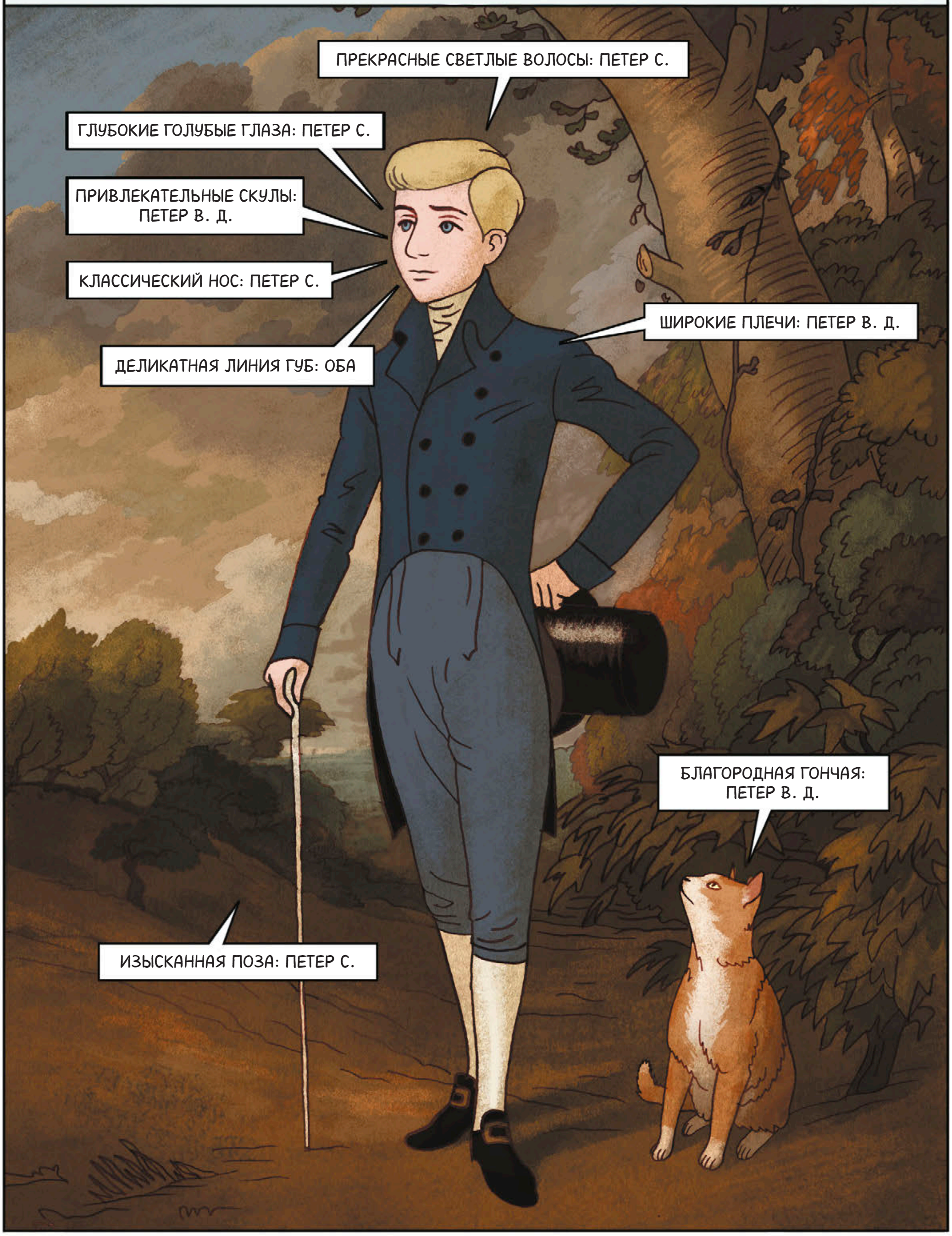
P.S. Мысли (обращение к Петеру):
мы — и я, и ты — лишены здесь многого, очень многого, и уже давно. Я не имею в виду внешнее, в этом смысле у нас здесь как раз всего в достатке. Нет, я имею в виду лишения души. Как и ты, я тоскую по свободе и свежему воздуху, но я думаю, что их отсутствие возмещено нам с лихвой. Возмещено в духовном смысле, внутри нас. Сегодня я сидела и смотрела в окно, я, можно сказать, по-настоящему глубоко созерцала Господа и природу и была счастлива, не могу назвать это иначе — именно счастлива. Знай, Петер, пока у человека есть чувство счастья внутри — счастья от наслаждения природой, от ощущения здоровья и еще от многого другого, пока человек носит в себе это чувство, он всегда будет счастлив.

Богатство, почет — все внешнее можно потерять, но счастье в твоем собственном сердце может лишь временно замутиться, оно вернется, и ты будешь счастлив всю жизнь. Попробуй как-нибудь, когда тебе одиноко, горько и грустно, в такую же чудесную погоду, как сегодня, посмотреть из чердачного окна. Не на дома или крыши, а на небо. Пока ты без страха смотришь в небо, ты можешь быть уверен, что чист душой и обязательно снова будешь счастлив.

Понедельник, 28 февраля 1944 г.

Дорогая моя Китти!
День и ночь я живу как в кошмарном сне, который длится и наяву. Быть с Петером все время, но так к нему и не приблизиться, стараться, чтобы по мне ничего не было заметно, быть «живой» и веселой, хотя внутри у меня сплошной крик отчаяния. Как будто этого недостаточно, Петер Ван Даан и Петер Схифф слились в единого Петера, он добрый и милый, и меня тянет к нему, как магнитом. Я слишком чувствительна, я это знаю. Я в отчаянии, я безрассудна, это я тоже знаю. Помоги же мне!
Твоя Анна М. Франк

Вторник, 7 марта 1944 г.

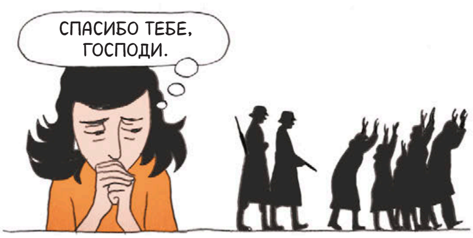

Возгордилась бы я в конце концов от этого всеобщего восхищения? Интересно, что они действительно думали обо мне тогда в школе.

А ведь у меня и в 1942-м не было полного счастья, я нередко чувствовала себя заброшенной, но я с утра до вечера была занята и не успевала задуматься, развлекалась как можно больше, осознанно или нет, всякими забавами заполняла пустоту. После прихода в Убежище у меня ушло больше года на то, чтобы научиться жить без восхищения. Теперь я оглядываюсь на собственную жизнь и вижу, что какой-то период в ней безвозвратно пройден: беззаботные, беспечальные школьные годы не вернутся никогда. Я даже и не тоскую по ним, я выросла из них, уже не могу заниматься исключительно чепухой, какая-то часть моей души всегда сохраняет серьезность.

Открыла также счастье внутри себя и панцирь поверхностности и веселости вокруг себя. Теперь я живу только Петером, от него во многом зависит, что будет со мной дальше. По вечерам, когда я лежу в постели, закончив молитву, я чувствую, как сердце наполняется радостью. Я думаю о Петере и том едва зародившемся и уязвимом, что оба мы пока еще не смеем назвать «любовь», и о будущем счастье, и о прекрасном мире, всем мире, природе, красоте вообще, которая никогда не исчезнет.

Мамин метод борьбы с тоской.

Мой метод борьбы с тоской.

Вот разница между мамой и мною. Она советует тому, кто в тоске: «Подумай обо всех бедах, существующих в этом мире, и радуйся, что они не случились с тобой». А я советую другое: «Поезжай за город, в поля, на природу, на солнышко. Поезжай за город и попытайся возродить в себе чувство счастья; вспомни обо всем прекрасном, что растет у тебя внутри и вокруг тебя, и будь счастлив».

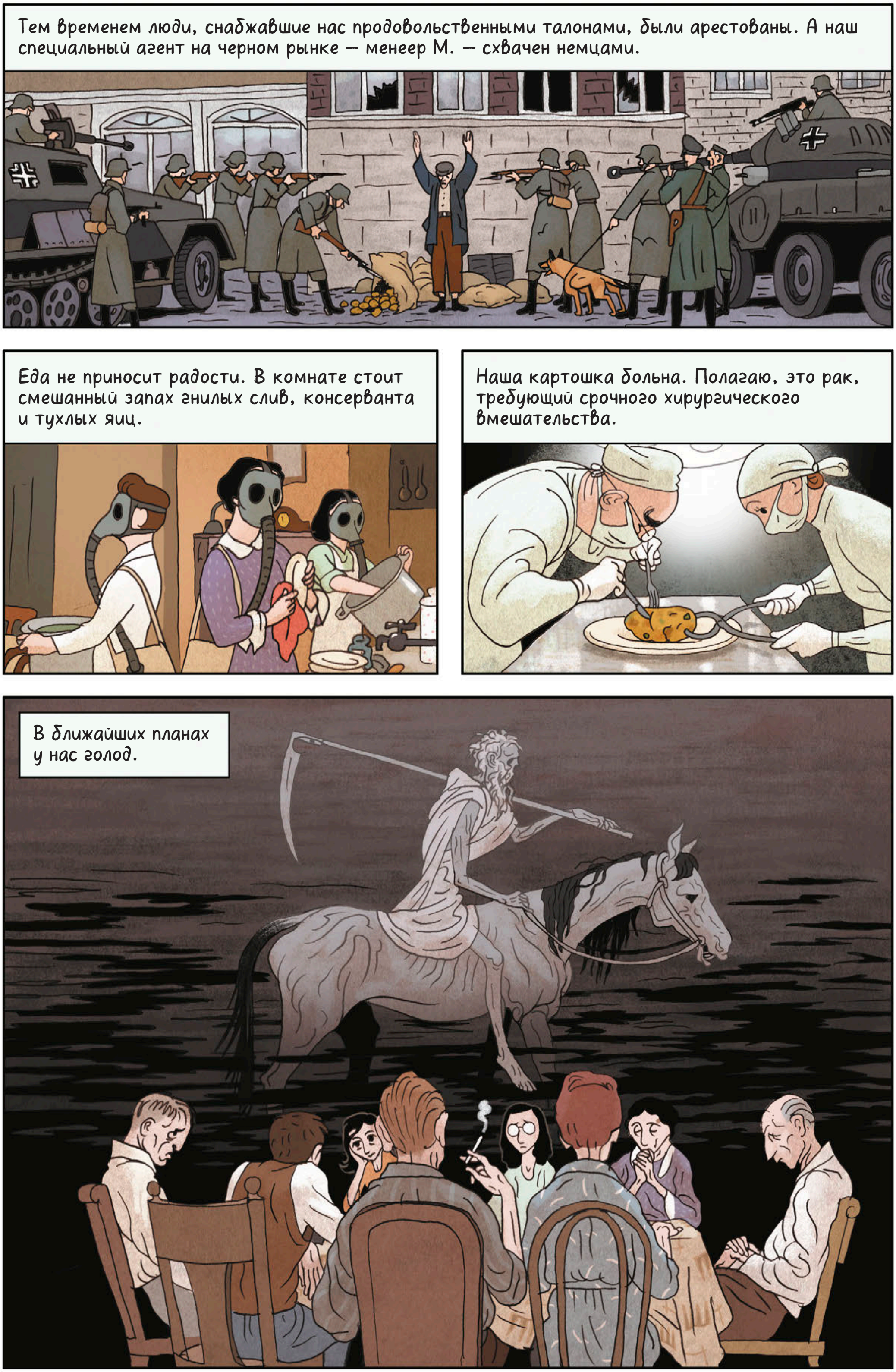
Я считаю мамин совет негодным, ибо что же тогда прикажете делать человеку, на которого и вправду обрушились беды? У него нет никакого выхода. Я же, напротив, утверждаю, что, как бы велико ни было горе, что-то красивое всегда остается, чем больше ты смотришь на эту красоту, тем больше видишь радостное начало, и в тебе самом возрождается гармония. А тот, кто счастлив сам, может сделать счастливым другого, у кого есть мужество и доверие к жизни, тот не пропадет ни при каких бедах.

Твоя Анна М. Франк

Среда, 8 марта 1944 г.

Позавчера ночью мне снилось, что здесь у нас, в Убежище, в большой комнате — искусственный лед, и я в голубом платьице катаюсь на коньках вместе с маленьким мальчиком и его сестренкой-тонконожкой, которых я когда-то видела на катке в Аполло.

Тем временем люди, снабжавшие нас продовольственными талонами, были арестованы. А наш специальный агент на черном рынке — менеер М. — схвачен немцами.
Еда не приносит радости. В комнате стоит смешанный запах гнилых слив, консерванта и тухлых яиц.
Наша картошка больна. Полагаю, это рак, требующий срочного хирургического вмешательства.
В ближайших планах у нас голод.

Понедельник, 20 марта 1944 г.

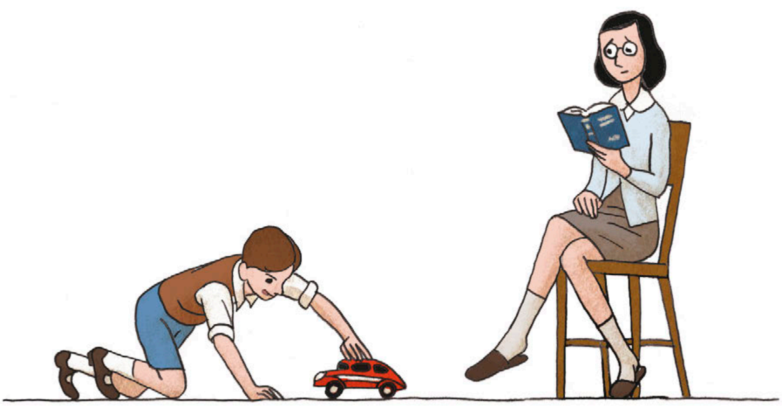
Дорогая Китти!

В последнее время счастье мое омрачилось. Я давно предполагала, что Петер нравится Марго.
Не знаю, в какой мере она к нему неравнодушна, но мне это очень неприятно. Теперь всякий раз, когда я встречаюсь с Петером, я как будто нарочно причиняю ей боль, а она почти не показывает виду. Я бы на ее месте была в отчаянии от ревности, а Марго только говорит, мол, ты не должна меня жалеть.
— Мне очень неприятно, что ты оказалась третьей лишней, — сказала я.
— К этому я привыкла, — ответила она не без горечи.

Но затем я получила доказательство доброты Марго. Эта записка пришла спустя несколько часов после нашей беседы:

Анна! Когда я вчера сказала тебе, что не ревную, я была искренней только наполовину. Постараюсь объяснить, как обстоит дело. Я действительно не ревную ни тебя, ни Петера. Мне просто немного грустно, что я пока не нашла и в ближайшее время наверняка не найду человека, с которым могла бы делиться своими мыслями и чувствами. Но это еще не причина, чтобы я завидовала вашим доверительным отношениям. И так уж ты лишена здесь многого, что есть у других и что они принимают как должное и даже не ценят.
К тому же я знаю, что у меня отношения с Петером никогда не зашли бы так далеко, ведь для того, чтобы мне захотелось обсуждать с человеком все или почти все, мне нужна большая близость. Нужна уверенность, что, даже если я и не очень много говорю, он прекрасно понимает меня. Но для этого я должна чувствовать, что он духовно выше меня, а о Петере я так совсем не думаю. Но могу себе представить, что у тебя с Петером так и есть. Стало быть, ты вовсе не должна считать меня обделенной и угрызаться, что отняла у меня нечто причитающееся мне, — ничего такого нет и в помине. А вы с Петером оба от общения друг с другом можете только выиграть.

Мой ответ:

Дорогая Марго!

Твое письмо просто исключительно милое, но все же оно не до конца успокоило меня, я и не смогу никогда до конца успокоиться. О том доверии, какое ты имеешь в виду, у нас с Петером пока еще нет и речи, но в темноте у открытого окна можно сказать больше, чем при ярком солнечном свете. И свои чувства легче выразить шепотом, чем громогласно раструбить о них. Я думаю, у тебя к Петеру нечто вроде сестринской привязанности и ты хочешь ему помочь не меньше, чем этого хочу я. Возможно, тебе еще когда-нибудь представится случай это сделать, хотя и без доверия в том смысле, какой мы обе вкладываем в это слово. Я думаю, что доверительность должна быть обоюдной. Если захочешь что-то добавить, пожалуйста, напиши, я тоже письменно гораздо лучше умею выразить свои мысли, чем устно.
Ты не представляешь, как я восхищаюсь тобой, мне остается только надеяться, что и я сумею когда-нибудь обрести частичку доброты, которая присуща отцу и тебе, а вы с ним, теперь я в этом убедилась, одинаково добрые.

Твоя Анна

Вот что ответила Марго:

Дорогая Анна!

После твоего вчерашнего письма у меня осталось неприятное чувство, что тебя мучит совесть, когда ты идешь к Петеру позаниматься или поговорить; честное слово, для этого нет никаких причин. Во мне живет образ человека, который имеет право на мое взаимное доверие, и я пока еще не позволила бы Петеру занять его место. Однако же ты права, когда пишешь, что Петер для меня что-то вроде брата, но... младшего брата, и мы как бы протягиваем щупальца, чтобы узнать друг друга, и, возможно, позже это приведет (а возможно, не приведет никогда) к привязанности брата и сестры, но пока еще до этого далеко. Так что не надо меня жалеть. Наслаждайся как можешь общением, которое ты нашла.

Твоя Марго

Четверг, 23 марта 1944 г.

Пятница, 24 марта 1944 г.

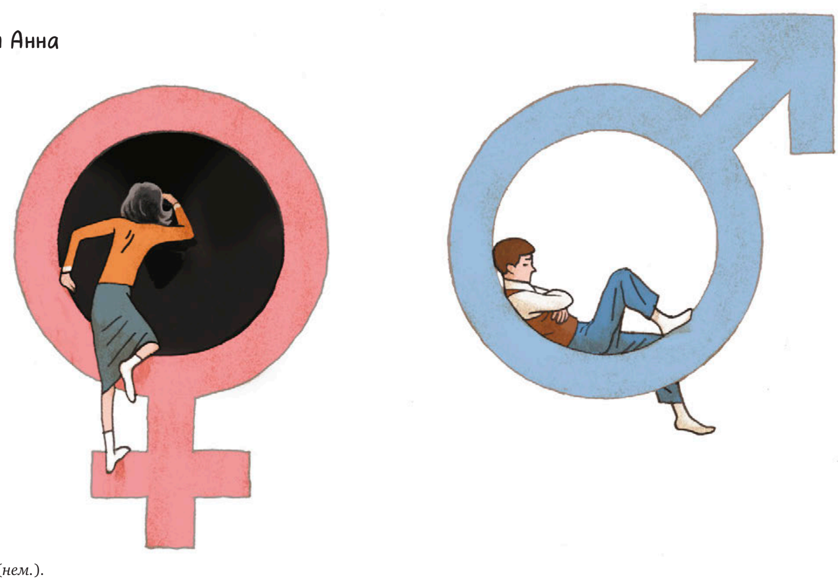
Я хочу спросить Петера, знает ли он, что и как расположено у девочки в том месте. По-моему, мальчик там, внизу, устроен не так сложно, как девочка. Ведь на фотографиях или изображениях обнаженных мужчин отлично видно, что там у них, а у женщин — нет. У женщин половые органы, или как там это называется, больше спрятаны между ног. Петер, скорее всего, никогда еще не видел девочку совсем вблизи; я, честно говоря, тоже нет. И в самом деле, у мальчиков все проще. Ума не приложу, как мне объяснить ему наше строение. А он его не знает, это мне стало ясно из его слов. Он мне рассказывал про Muttermund[1], но ведь это находится внутри, его увидеть невозможно. У нас, надо признать, все очень хитро устроено. Только в 11 или в 12 лет я узнала, что у нас внутри есть еще одни срамные губы, их совсем нельзя увидеть. И в довершение всего я еще считала, что моча течет из клитора. Однажды я спросила у мамы, а для чего у меня эта штучка, она ответила, что не знает, — ха, как же глупо она себя всегда ведет!

Ну ладно, возвращаюсь к делу. Как же мне без всяких рисунков объяснить ему, что находится внутри у женщины? Сейчас я попробую изложить это здесь, в дневнике.

Итак, я начинаю.

Когда стоишь, спереди не видно ничего, кроме волос. Между ног — что-то вроде подушечек, мягких-мягких, тоже покрытых волосами, когда стоишь, они прилегают друг к другу, и того, что находится между ними, не видно. Но когда садишься, они расцепляются, и между ними открывается что-то ярко-красное, безобразное, похожее на сырое мясо. В верхней части, между большими срамными губами, на самом верху, находится кожная складочка, если присмотреться, вроде пузырька, — это клитор. Дальше идут маленькие срамные губы, они тоже прижаты друг к другу, их тоже можно принять за складочку кожи. Если они раскроются, между ними можно будет увидеть мясистый отросточек, не больше подушечки моего большого пальца. Его верхняя половина пористая, в ней много дырочек, и из них течет моча. Нижняя часть выглядит так, как будто состоит из одной кожи, но на самом деле именно там находится влагалище. Складочки кожи полностью закрывают его, так что его почти невозможно увидеть. Дырочка, находящаяся под кожей, такая малюсенькая, что почти невозможно себе представить, как может войти туда мужчина, а как может выйти целый ребенок — и подавно. В эту дырочку вставить указательный палец и то трудно. Только и всего, но она играет такую огромную роль.

Твоя Анна

[1] Зев матки (*нем.*).

Вторник, 28 марта 1944 г.

Я не понимаю этого: и зачем только взрослые суют нос в наши дела? Они не понимают, что влечет нас друг к другу! Хорошо, что я научилась таить от всех свой внутренний мир, и мне отлично удается скрывать, как сильно я в него влюблена.

Когда он лежит, руки под головой, закрыв глаза, видно, что он еще ребенок.

Когда он играет или говорит с Муши, видно, как нежно он способен любить.

Когда он несет картошку или другие тяжелые вещи, видно, какой он сильный.

Он такой смелый, когда смотрит на стрельбу...

...или в темноте идет проверить, нет ли воров.

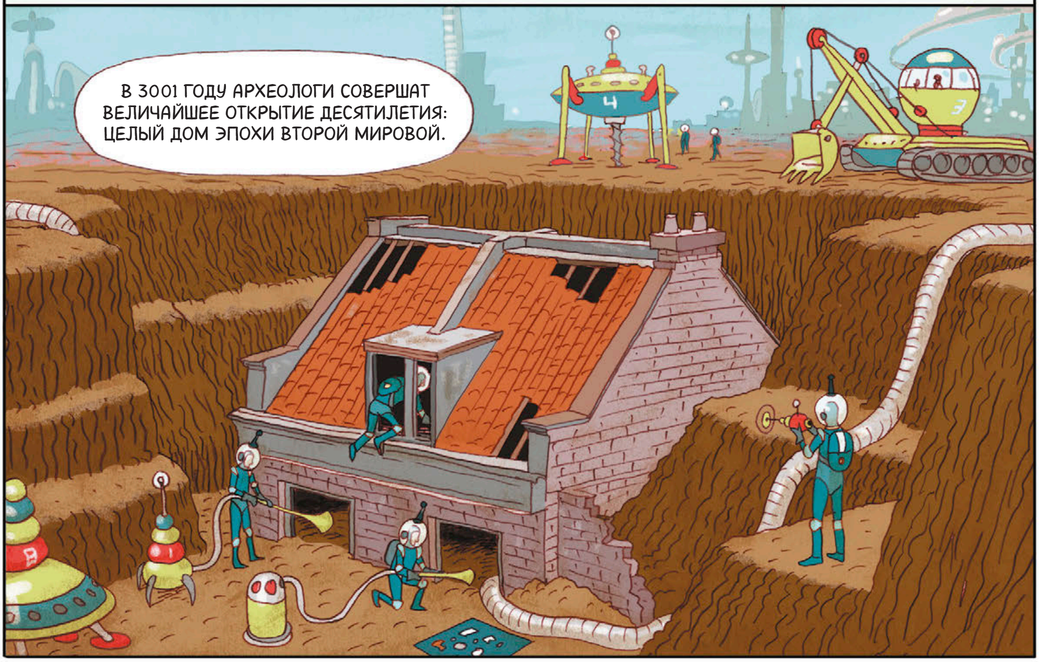
А когда он бывает беспомощным и неловким, он как раз милее всего.

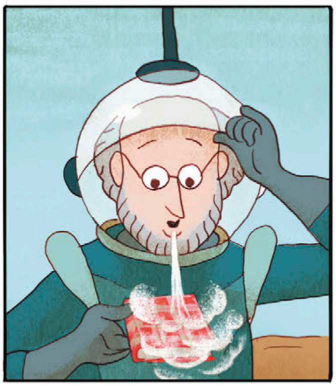

Среда, 29 марта 1944 г.

Милая Китти! Вчера по радиостанции «Оранье» выступал министр Болкестейн и сказал, что после победы будет организован сбор свидетельств об этой войне — писем и дневников. Конечно, все в Убежище тут же наперебой заговорили о моем дневнике. Представляешь, как будет интересно, если я издам роман об Убежище.

Они узнают, как умирали от страха наши дамы во время бомбежек.

Они узнают, как сотрясаются дома, когда 350 английских самолетов сбрасывают полмиллиона килограммов бомб в день.

Они узнают, какие здесь свирепствуют эпидемии.

Они будут в шоке, узнав, сколько стоит одна картофелина.

Врачи не могут посещать больных, потому что у них то и дело воруют средства передвижения. Воруют маленькие дети от восьми лет.

На каждом углу продают краденое.

Запас продуктов на две недели заканчивается в один день. Все истощены.

Только сапожникам и хорошо: починить обувь нынче стоит два грамма чистого золота!

Но нет худа без добра: чем хуже становится еда и чем суровее меры, которые применяют власти, тем сильнее сопротивление.

Понедельник, 3 апреля 1944 г.

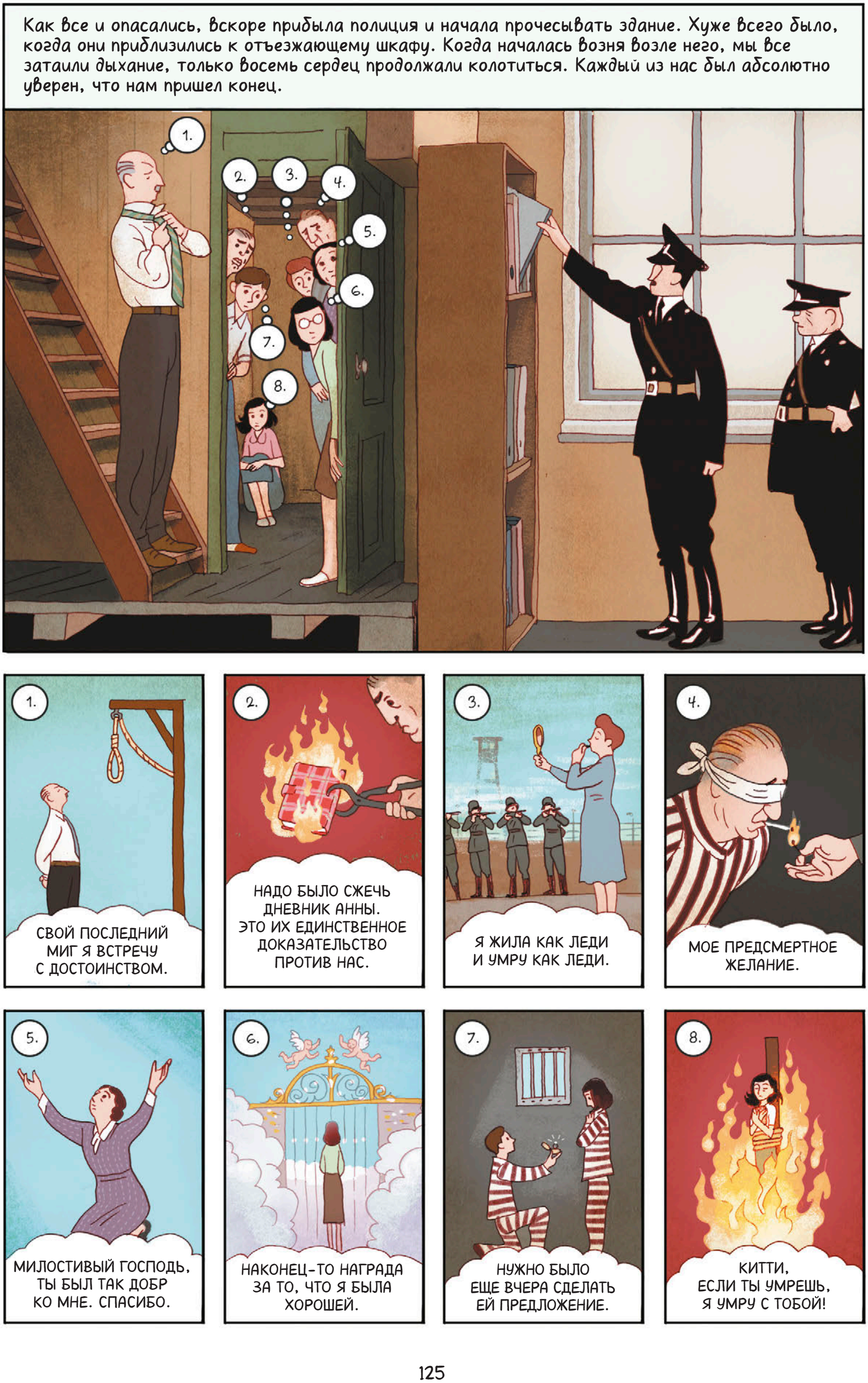
Дорогая моя Китти!
Полностью вопреки своему обыкновению я подробно напишу тебе сегодня о еде, ведь не только в Убежище, но и во всей стране, во всей Европе, да и за ее пределами еда стала очень важной и трудной проблемой. За 21 месяц нашей жизни в Убежище мы пережили несколько «столовых периодов», когда мы постоянно едим одно и то же кушанье или один и тот же вид овощей.

Сейчас у нас Бобовый апрель. Бобы в моем теле, в моих мыслях, в моей душе. Представь, если бы весь мир питался бобами.
ПРРРДК
ФРРРРР
ПУК-ПУК
ФШШШ
ТРРРР
ПРРР
ТРРР
ПЫЫЫР
ФУУУ
ПУК

Вторник, 11 апреля 1944 г.

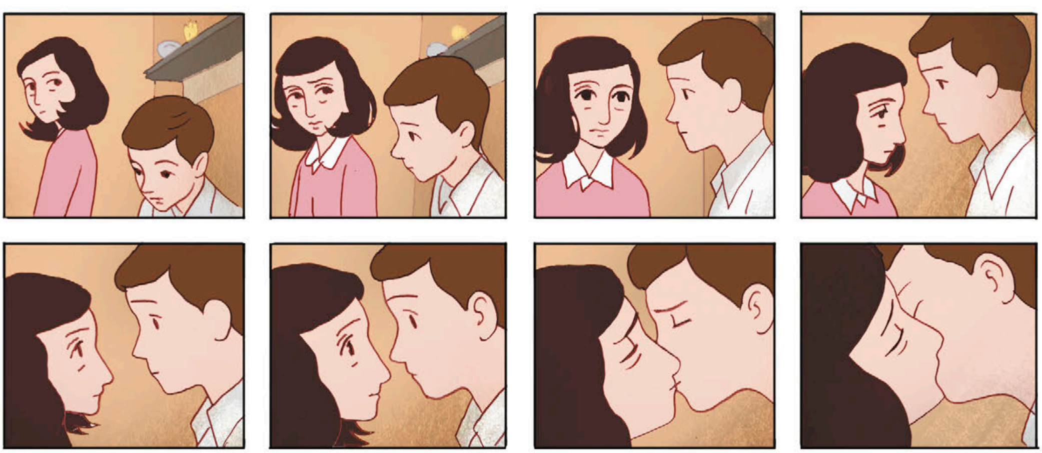

Как все и опасались, вскоре прибыла полиция и начала прочесывать здание. Хуже всего было, когда они приблизились к отъезжающему шкафу. Когда началась возня возле него, мы все затаили дыхание, только восемь сердец продолжали колотиться. Каждый из нас был абсолютно уверен, что нам пришел конец.
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
1.
СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ МИГ Я ВСТРЕЧУ С ДОСТОИНСТВОМ.
2.
НАДО БЫЛО СЖЕЧЬ ДНЕВНИК АННЫ. ЭТО ИХ ЕДИНСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ НАС.
3.
Я ЖИЛА КАК ЛЕДИ И УМРУ КАК ЛЕДИ.
4.
МОЕ ПРЕДСМЕРТНОЕ ЖЕЛАНИЕ.
5.
МИЛОСТИВЫЙ ГОСПОДЬ, ТЫ БЫЛ ТАК ДОБР КО МНЕ. СПАСИБО.
6.
НАКОНЕЦ-ТО НАГРАДА ЗА ТО, ЧТО Я БЫЛА ХОРОШЕЙ.
7.
НУЖНО БЫЛО ЕЩЕ ВЧЕРА СДЕЛАТЬ ЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.
8.
КИТТИ, ЕСЛИ ТЫ УМРЕШЬ, Я УМРУ С ТОБОЙ!

Воскресенье, 16 апреля 1944 г.

Милая Китти, запомни вчерашний день, это очень важный день в моей жизни. Ведь правда, для каждой девочки важное событие — первый поцелуй? Ну вот и для меня оно наступило.

И затем... я отвернулась влево, он повернулся вправо, а потом мы внезапно повернулись в другую сторону... и это случилось!

Пятница, 28 апреля 1944 г.

Дорогая Китти!

Нечто невероятное случилось со мной вчера: я впервые осознала, что Анны Франк вообще-то не одна, а две. Петер и я, как обычно, сидели на диване, и тут вдруг обычная Анна исчезла, и ее место заняла другая Анна, совсем не похожая на первую — насмешливую и дерзкую, другая Анна, у которой одно желание — любить и быть кроткой и нежной.

Кроткая, нежная Анна является слишком редко и потому не поддается, когда я пытаюсь тут же выставить ее за дверь.

Вторник, 2 мая – пятница, 5 мая 1944 г.

Милая Китти! В субботу вечером я спросила у Петера, считает ли он, что я должна рассказать папе про нас; он помялся, но потом сказал, что да. Я обрадовалась: это говорит о том, что чувство у него чистое.

Затем последовали комментарии:

НЕ ПОДНИМАТЬСЯ К НЕМУ СЛИШКОМ ЧАСТО

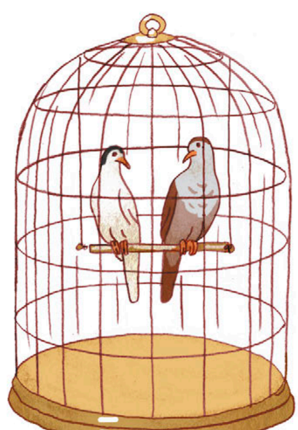
НЕ ПООЩРЯТЬ ЧРЕЗМЕРНО

В ТАКИХ ДЕЛАХ АКТИВНОЙ СТОРОНОЙ ВСЕГДА БЫВАЕТ МУЖЧИНА, А ЖЕНЩИНА ЕГО СДЕРЖИВАЕТ

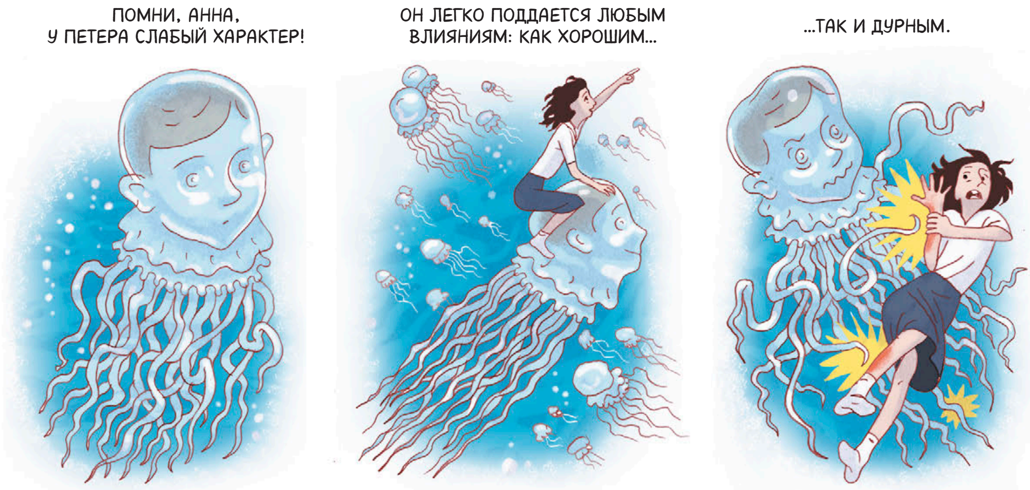
ДРУГИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ – ОНИ МОГУТ ВЫЙТИ НА УЛИЦУ...

НО ТЫ? НО ОН? ВЫ ЗАПЕРТЫ В КЛЕТКЕ!

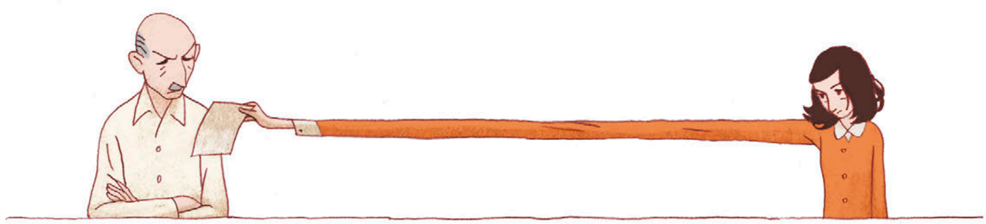

ВООБЩЕ-ТО, АННА, ОН МОЖЕТ СЕБЕ НАВРЕДИТЬ...

Папа мною недоволен, он думал, что после нашего разговора в воскресенье я по собственному почину перестану каждый вечер ходить наверх. Он сказал, чтобы я больше не смела ходить «обжиматься». Это слово больно резануло меня, и так уж весь разговор был мне неприятен, зачем же ему понадобилось делать его еще неприятнее? Сегодня я с ним поговорю. Марго дала мне добрые советы, вот примерно что я скажу:

Папа, мне кажется, ты ждешь от меня объяснения, и вот я тебе его даю. Ты разочаровался во мне, ты ожидал от меня больше сдержанности, наверно, ты хочешь видеть меня такой, какой подобает быть четырнадцатилетней девочке, но в этом ты ошибся!

С тех пор как мы очутились здесь, с июля 1942 года и вплоть до последних недель, мне приходилось очень нелегко. Если бы ты знал, сколько вечеров я проплакала, в каком я была отчаянии, какой несчастной и одинокой я себя чувствовала, то тебе, наверно, было бы понятно, почему меня так тянет пойти наверх. Не день и не два шла во мне внутренняя работа, которая привела в конце концов к тому, что я могу жить совсем без матери и вообще без чьей бы то ни было поддержки. Я знаю, что я отдельный человек, что я сама по себе, и не чувствую ни на грош ответственности перед родителями. Я рассказала тебе про нас с Петером, чтобы ты не считал, что я делаю все это исподтишка, но за свои поступки я отвечаю только перед самой собой. Когда мне было трудно, вы — ты тоже — закрывали глаза и затыкали уши, ты мне не помог, наоборот, меня только одергивали, чтобы я не шумела. Я шумела лишь для того, чтобы не чувствовать себя беспрестанно несчастной, я дерзила, чтобы хоть на время заглушить внутренний голос. И теперь, когда я выплыла, когда я знаю, что одержала победу, я и дальше пойду своим путем одна, пойду тем путем, который сама выбрала. Не считай меня четырнадцатилетней, мои невзгоды сделали меня старше; я не раскаюсь в своих поступках, я буду делать то, что сама считаю правильным.

Твоя Анна

Дорогая Китти, как ты, вероятно, догадываешься, здесь у нас часто кто-нибудь в отчаянии вопрошает: «Зачем, ну зачем нужна война, почему люди не могут жить в мире, кому нужно это опустошение?»

Человеку присуща тяга к разрушению, тяга к убийству, ему хочется буйствовать и сеять смерть, и пока все человечество без исключения коренным образом не изменится, будут свирепствовать эти войны и снова и снова будет сметаться с лица земли и уничтожаться все, что построено и выращено или выросло само, чтобы потом опять все началось сначала.

Я часто бываю в унынии, но никогда — в отчаянии, на то, что мы прячемся, я смотрю как на опасное приключение, романтичное и интересное. Наши лишения я рассматриваю как развлечение. Ведь я намереваюсь жить не так, как другие девочки, а в будущем — не так, как обычные домашние хозяйки. Наше заточение в Убежище — хорошее начало интересной жизни, и поэтому, только поэтому я должна в самые опасные минуты смеяться над комичной ситуацией.

Понедельник, 8 мая 1944 г.

Рассказывала ли я тебе когда-нибудь о нашей семье? Насколько я помню, нет, и потому сделаю это сейчас. Мой папа родился во Франкфурте-на-Майне в сказочно богатой семье.

Мип выпила десять рюмок и выкурила три сигареты: нечего сказать, хороша наша поборница трезвости! Если уж Мип так много выпила, могу себе представить, сколько заглотил ее супруг.

Если бы Мип взяла нас с собой на эту помолвку, другим гостям не досталось бы ни одного печеньица. Будь мы на этом празднике, мы расхватали бы все, даже мебель не оставили бы на своих местах. Представляешь, мы впитывали в себя каждое слово Мип, мы так обступили ее, как будто никогда в жизни не слышали о вкусной еде и шикарных людях! Странные все же вещи порой происходят в мире!

Твоя Анна М. Франк

Четверг, 11 мая 1944 г.

Дорогая Китти, я сейчас ужасно занята, как странно это ни покажется, у меня не хватает времени, чтобы провернуть всю эту гору работы.

На этой неделе: закончить 250 страниц биографии Галилео Галилея.

На следующей неделе: вторая часть биографии Галилея.

На этой неделе: закончить первый том биографии Карла V.

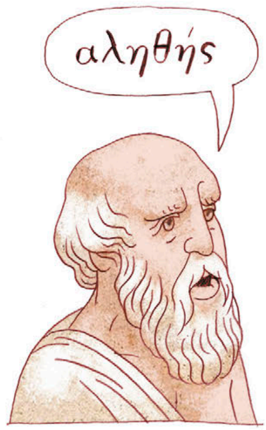
Привести в порядок записи о генеалогии Карла V.

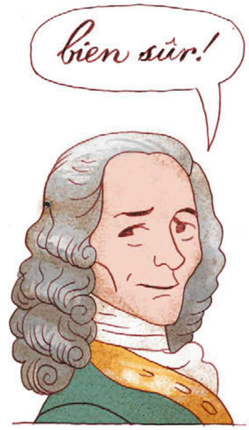
Закончить изучение Семилетней войны.

На следующей неделе: Девятилетняя война.

Выучить наизусть 50 греческих слов.

Выучить наизусть 50 французских слов.

Мои греки — Тесей, Эдип, Пелей, Орфей, Ясон и Геракл — требуют внимания.

Следующая неделя — мои любимые кинозвезды: кто и когда получил какие награды.

Теперь о другом. Ты уже давно знаешь, что я больше всего хочу стать когда-нибудь журналисткой, а потом знаменитой писательницей. Осуществится ли моя великая мечта (или мания величия), покажет будущее, но замыслов у меня уже сейчас накопилось достаточно. Во всяком случае, хочу издать после войны книгу под названием «Убежище». Меж тем я тренируюсь на коротких рассказах. Один из них — «Жизнь Кэди» — как раз только закончила.

Кэди по-прежнему в санатории, страдает из-за разлуки с Хансом.

Когда она выходит из санатория, то узнает, что Ханс стал нацистом.

Кэди вынуждена расстаться с Хансом.

Чтобы как-то отвлечься, она становится медсестрой.

Спустя годы Кэди случайно встречает Ханса на озере Комо.

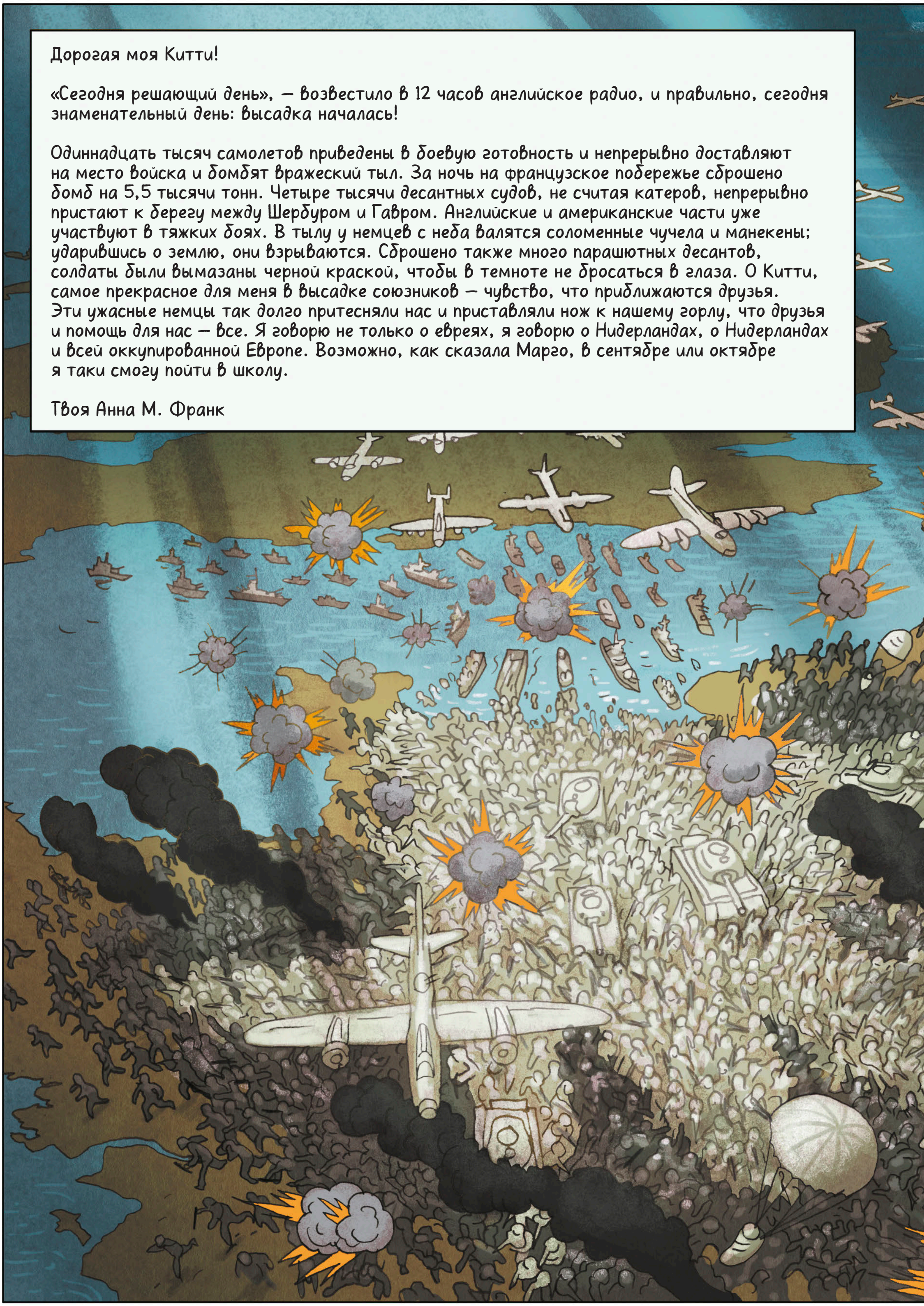

Кэди вышла замуж за состоятельного человека по имени Симон. Со временем она крепко полюбила его, но все же не так, как Ханса. Ханс всегда присутствовал где-то на заднем плане в ее мыслях.

P.S. Это вовсе не сентиментальная чушь, в основу рассказа положен роман моего папы. Он женился на первой встречной после того, как любовь всей его жизни покинула его.

Вторник, 6 июня 1944 г.

Вторник, 13 июня 1944 г.

Милая Китти, Англия наконец-то засучила рукава. Некоторые все твердят, что, мол, английская оккупация нам здесь ни к чему, но эти люди не осознают, до чего несправедливы их рассуждения. В общем, ход мысли у них примерно следующий. Пусть Англия сражается, бьется и приносит в жертву своих сыновей за Нидерланды и другие оккупированные страны. Оставаться в Нидерландах англичане не имеют права: пусть покорнейше принесут свои извинения всем оккупированным странам, возвратят Индонезию прежнему хозяину и, обескровленные и бедные, вернутся к себе в Англию. Что за жалкие болваны! Всех голландцев, кто смотрит на англичан свысока, поносит Англию и ее «правительство старцев» и называет англичан трусами, но все же ненавидит немцев, надо бы как-нибудь перетряхнуть, как мы перетряхиваем подушку. Может, тогда у них мозги, которые теперь набекрень, встанут на свое место!

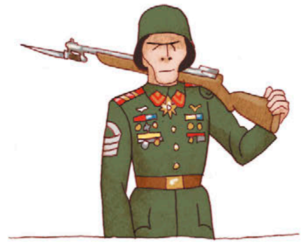

Один из многих вопросов, над которыми я уже давно бьюсь, — почему женщина раньше занимала, да и теперь часто у многих народов занимает не такое почетное место, как мужчина. Каждый скажет, что это несправедливо, но мне этого мало, я очень хочу узнать причину такой ужасной несправедливости!

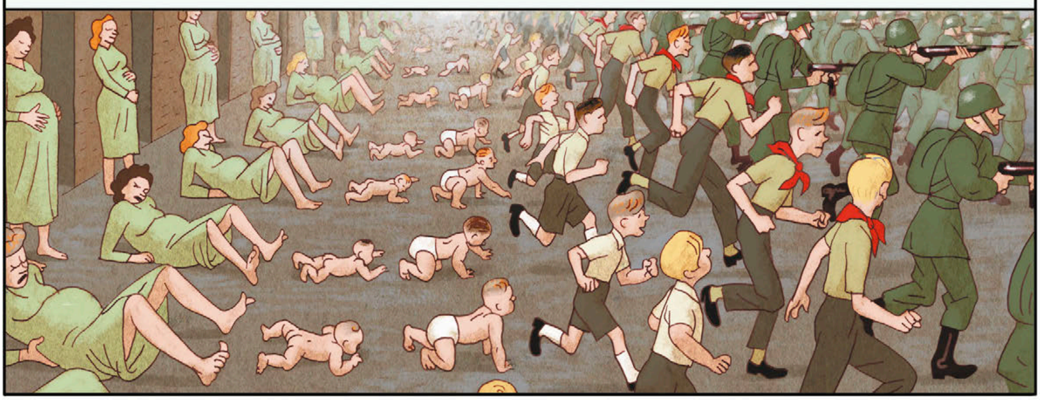
Наверно, дело в том, что мужчина физически сильнее, потому-то он с самого начала подчинил себе женщину. Достаточно глупо, что женщины до недавнего времени мирились с этим.

Солдат и героев войны прославляют и чествуют, изобретателям достается бессмертная слава, перед мучениками благоговеют...

Но многие ли в мире понимают, что женщина — тот же солдат? Женщины сражаются и выносят муки ради продолжения человеческого рода, они более храбрые и стойкие солдаты, чем многие борцы за свободу с их хвастовством! Мужчинам легко говорить, им не приходится и никогда не придется нести тяготы, выпавшие на долю женщин!

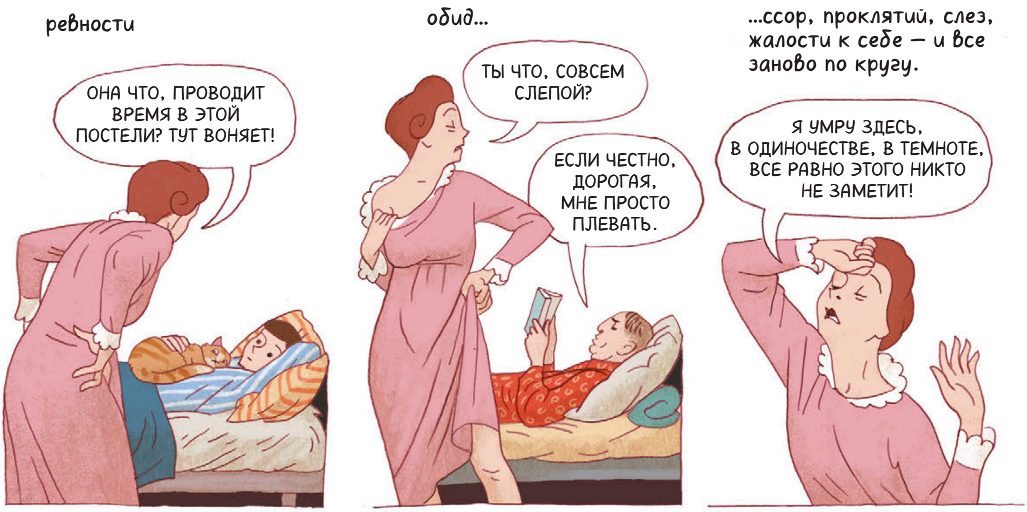
К счастью, когда женщины начали учиться в школе, работать, развивать свой ум, у них немного приоткрылись глаза. Во многих странах женщины получили равные права с мужчинами; много людей — прежде всего женщины, но и мужчины тоже — поняли, каким неправильным долгое время было распределение ролей в мире, и современные женщины хотят иметь права на полную независимость!

Пятница, 16 июня 1944 г.

Милая Китти, новые проблемы: мефрау Ван Д. и ее отчаяние. Все ее разговоры состоят из:

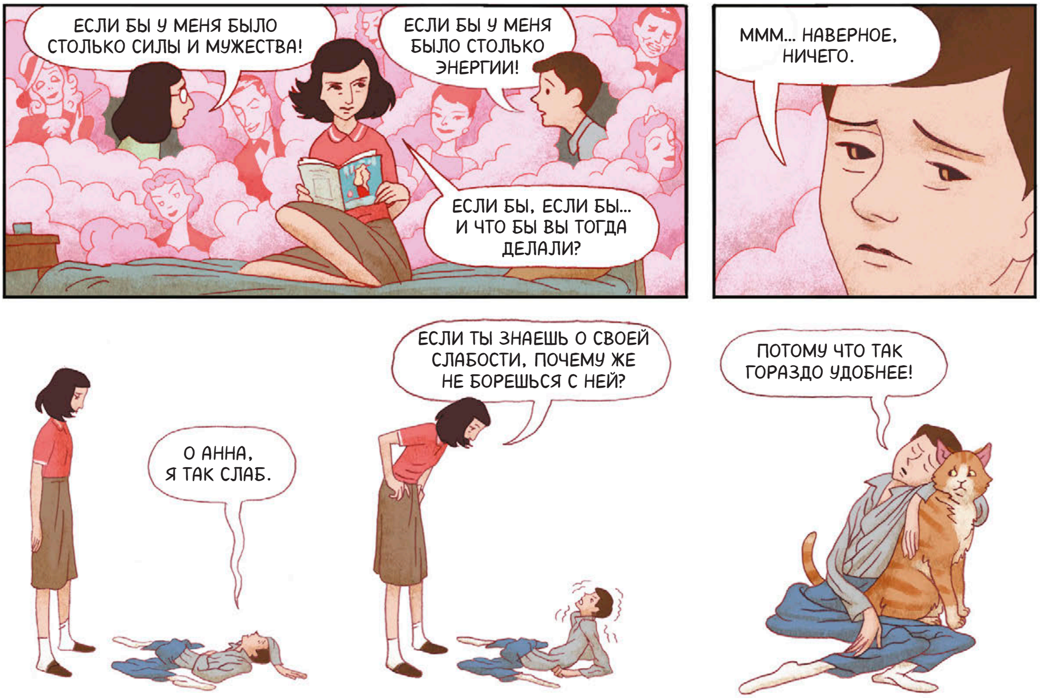

Она всех заставляет себя чувствовать хуже, чем мы и так себя чувствуем.

Четверг, 6 июля 1944 г.

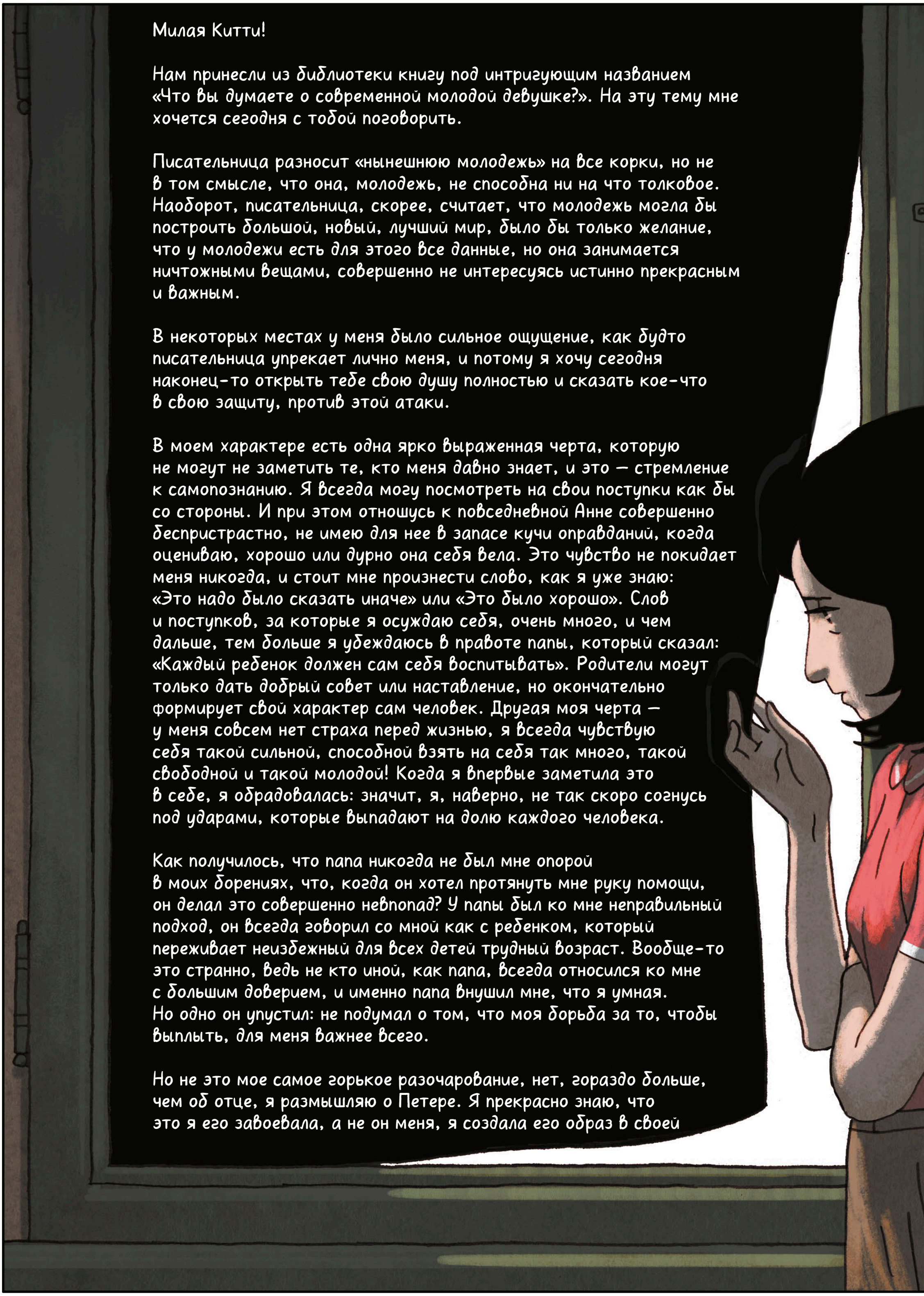
Мне становится страшно, когда Петер говорит, что потом он, возможно, станет преступником или спекулянтом. Мне кажется, он сам боится собственной бесхарактерности, и в этом он не одинок.

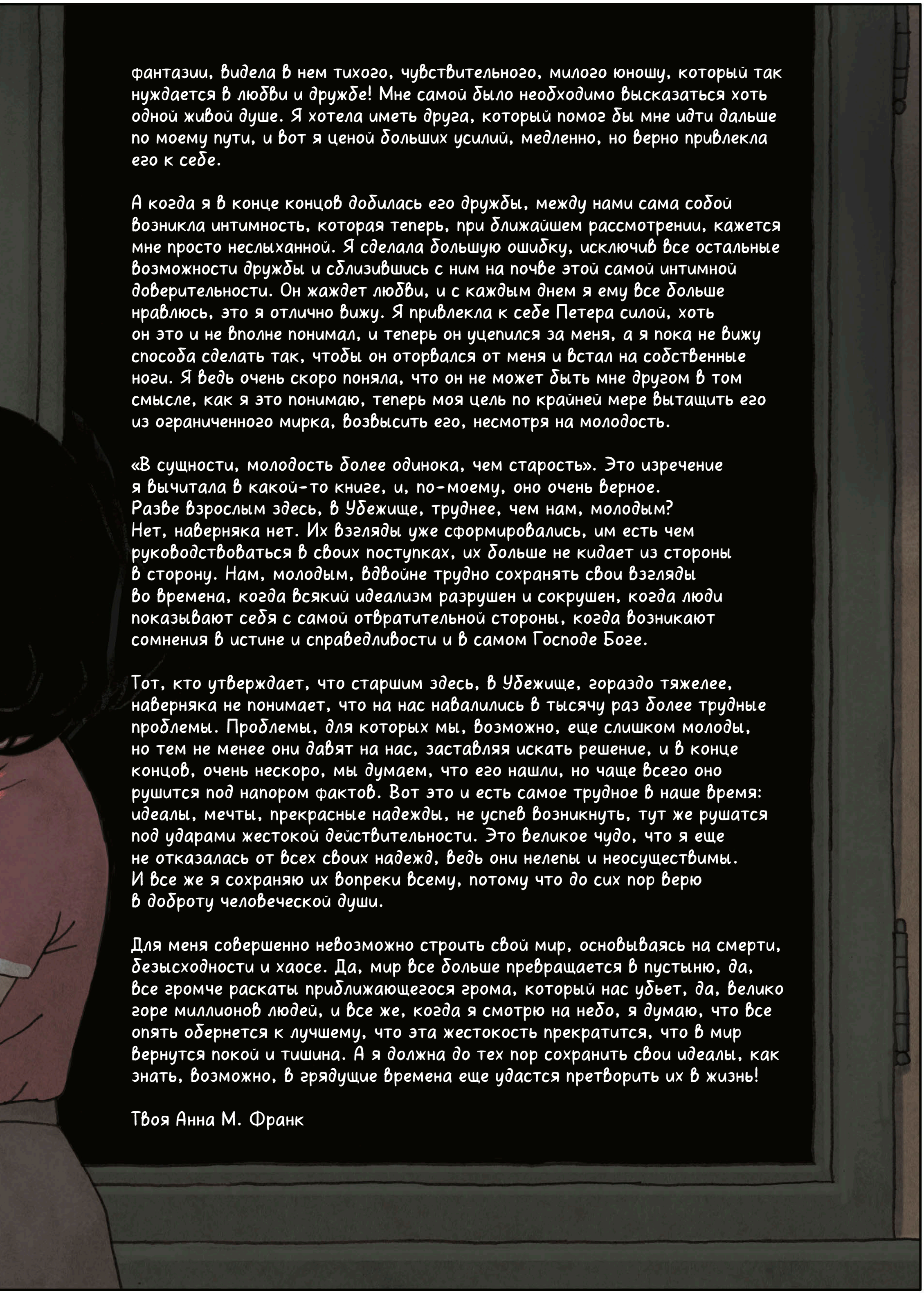

Петер начинает в какой-то мере опираться на меня, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Я все хожу вокруг да около, ищу уже не один день, ищу решительное, верное оружие против омерзительного словца «удобно». Как мне объяснить ему, что это мнимое удобство и красивая жизнь на самом деле затянут его на дно, на дно — где у него больше не будет ни друзей, ни опоры и больше не будет ничего красивого, на дно, всплыть с которого почти невозможно?

Суббота, 15 июля 1944 г.

фантазии, видела в нем тихого, чувствительного, милого юношу, который так нуждается в любви и дружбе! Мне самой было необходимо высказаться хоть одной живой душе. Я хотела иметь друга, который помог бы мне идти дальше по моему пути, и вот я ценой больших усилий, медленно, но верно привлекла его к себе.
А когда я в конце концов добилась его дружбы, между нами сама собой возникла интимность, которая теперь, при ближайшем рассмотрении, кажется мне просто неслыханной. Я сделала большую ошибку, исключив все остальные возможности дружбы и сблизившись с ним на почве этой самой интимной доверительности. Он жаждет любви, и с каждым днем я ему все больше нравлюсь, это я отлично вижу. Я привлекла к себе Петера силой, хоть он это и не вполне понимал, и теперь он уцепился за меня, а я пока не вижу способа сделать так, чтобы он оторвался от меня и встал на собственные ноги. Я ведь очень скоро поняла, что он не может быть мне другом в том смысле, как я это понимаю, теперь моя цель по крайней мере вытащить его из ограниченного мирка, возвысить его, несмотря на молодость.
«В сущности, молодость более одинока, чем старость». Это изречение я вычитала в какой-то книге, и, по-моему, оно очень верное. Разве взрослым здесь, в Убежище, труднее, чем нам, молодым? Нет, наверняка нет. Их взгляды уже сформировались, им есть чем руководствоваться в своих поступках, их больше не кидает из стороны в сторону. Нам, молодым, вдвойне трудно сохранять свои взгляды во времена, когда всякий идеализм разрушен и сокрушен, когда люди показывают себя с самой отвратительной стороны, когда возникают сомнения в истине и справедливости и в самом Господе Боге.
Тот, кто утверждает, что старшим здесь, в Убежище, гораздо тяжелее, наверняка не понимает, что на нас навалились в тысячу раз более трудные проблемы. Проблемы, для которых мы, возможно, еще слишком молоды, но тем не менее они давят на нас, заставляя искать решение, и в конце концов, очень нескоро, мы думаем, что его нашли, но чаще всего оно рушится под напором фактов. Вот это и есть самое трудное в наше время: идеалы, мечты, прекрасные надежды, не успев возникнуть, тут же рушатся под ударами жестокой действительности. Это великое чудо, что я еще не отказалась от всех своих надежд, ведь они нелепы и неосуществимы. И все же я сохраняю их вопреки всему, потому что до сих пор верю в доброту человеческой души.
Для меня совершенно невозможно строить свой мир, основываясь на смерти, безысходности и хаосе. Да, мир все больше превращается в пустыню, да, все громче раскаты приближающегося грома, который нас убьет, да, велико горе миллионов людей, и все же, когда я смотрю на небо, я думаю, что все опять обернется к лучшему, что эта жестокость прекратится, что в мир вернутся покой и тишина. А я должна до тех пор сохранить свои идеалы, как знать, возможно, в грядущие времена еще удастся претворить их в жизнь!
Твоя Анна М. Франк

Пятница, 21 июля 1944 г.

Милая Китти! Вот теперь я полна надежд, вот теперь наконец все хорошо! Да, представь себе, все хорошо! Новости просто потрясающие! На Гитлера было совершено покушение.

«Божественное провидение» спасло жизнь фюрера, он, к сожалению, отделался парой царапин и ожогов. Несколько офицеров и генералов из его ближайшего окружения убиты или ранены. Главный виновник расстрелян. Но это лучшее доказательство того, что у многих офицеров и генералов война сидит в печенках и они рады были бы увидеть Гитлера в гробу.

Вторник, 1 августа 1944 г.

Милая Китти!

«Клубок противоречий» — это последние слова моего прошлого письма и первые слова сегодняшнего. «Клубок противоречий» — можешь ты мне точно объяснить, что это значит? Что такое противоречие? Как и многие другие, это слово имеет два значения: «противоречить другим» и «иметь внутренние противоречия». Первое означает просто не соглашаться с чужим мнением, считать, что знаешь все лучше других, хотеть, чтобы за тобой осталось последнее слово, — короче говоря, все неприятные качества, которыми я славлюсь; второго никто обо мне не знает, это моя тайна.

Я тебе уже не раз говорила, что моя душа словно расщеплена надвое. В одной половине помещаются моя необузданная веселость, насмешливость, жизнерадостность, а главное, способность все воспринимать со светлой стороны. В том смысле, что я не вижу ничего плохого в кокетстве, поцелуе, объятии, неприличном анекдоте. Да, конечно, я, как клоун, могу кого-то позабавить часок-другой, но после этого человек бывает сыт мною по горло целый месяц. Это, в сущности, то же самое, что для мыслящего человека любовный кинофильм: его смотрят, просто чтобы отвлечься, как забаву на один раз, и тут же забывают; не сказать, что он плох, но уж, во всяком случае, и не хорош.

Я очень боюсь, как бы все, кто знает меня такой, какая я всегда, не обнаружили, что во мне есть и другая, более красивая, лучшая сторона. Я боюсь, что они начнут подшучивать надо мной, сочтут меня смешной, сентиментальной, не примут всерьез.

Так и получается, что эта милая Анна еще никогда, ни разу не появилась в обществе, но в уединении почти всегда именно она задает тон. Я точно знаю, какой я хочу быть, да я такая и есть... в душе, но, увы, такой меня никто не видит, кроме меня самой. И возможно — да нет, не возможно, а наверняка — именно по этой причине я сама считаю, что нахожу счастье внутри себя самой, а другие считают меня общительной. Веселая Анна всего лишь посмеется над этим, дерзко огрызнется в ответ, безразлично пожмет плечами, сделает вид, что ей наплевать, — но совсем, совсем не так относится к этому тихая Анна. Уж если быть совсем честной, признаюсь тебе, что меня это ужасно огорчает, что я прилагаю неописуемо много стараний стать другой, но всякий раз оказывается, что я опять сражаюсь с превосходящими силами противника.

В душе я плачу и говорю себе: «Вот видишь, к чему ты пришла: люди о тебе плохого мнения, вокруг насмешливые или сердитые лица, ты вызываешь антипатию, и все это лишь потому, что ты не слушаешься добрых советов твоей собственной лучшей половины».

Ах, как бы мне самой хотелось их послушаться, но ничего не получается: стоит мне притихнуть и стать серьезной, как все подумают, что я разыгрываю какую-то новую комедию, мне остается только выйти из положения с помощью шутки; я уж не говорю о собственном семействе, те-то определенно решат, что я заболела, заставят глотать таблетки от головной боли или успокоительное, будут смотреть мне горло и щупать лоб, нет ли жара, спросят, как насчет желудка, прочтут нотацию за то, что я хандрю, и уж таких приставаний я не выдержу, вспылю, мне станет грустно, и в конце концов мое сердце снова перевернется, повернется плохой стороной наружу, хорошей вовнутрь, и опять я буду беспрестанно искать средство, как мне стать такой, какой мне бы очень хотелось быть и какой бы я могла быть, если бы... в мире не было других людей.

Твоя Анна М. Франк

Здесь кончается дневник Анны.

4 августа 1944 года, утром между десятью и половиной одиннадцатого, перед домом № 263 на набережной Принсенграхт остановилась машина. Из нее вышел обершарфюрер СС Карл Йозеф Зильберберг, в форме, сопровождаемый тремя голландскими подручными из Зеленой полиции; они были в штатском, но при оружии. Нет сомнения, что на людей, скрывавшихся в доме, кто-то донес.

Зеленая полиция арестовала восьмерых нелегалов, а также помогавших им Виктора Кюглера и Йоханнеса Клеймана — но не тронула Мип Хис и Элизабет (Беп) Фоскёйл — и забрала все ценные вещи, а также оставшиеся деньги.

После ареста Кюглер и Клейман в тот же день были доставлены в следственную тюрьму в Амстердаме. 11 сентября 1944 года их без суда отправили в полицейский пересыльный лагерь Амерсфорт. 18 сентября 1944 года Клейман был освобожден по состоянию здоровья. Он скончался в 1959 году в Амстердаме.

Кюглеру удалось бежать только в 1945-м, незадолго перед отправкой на работы в Германию. В 1955 году он эмигрировал в Канаду и скончался в 1989 году в Торонто.

Элизабет (Беп) Вейк-Фоскёйл скончалась в 1984 году в Амстердаме.

Мип Хис-Сантрушиц умерла в Голландии 11 января 2010 года в возрасте ста лет. Ее муж Ян скончался в 1993 году.

Восемь арестованных жителей Убежища сначала были отправлены в тюрьму в Амстердаме, потом их перевели в нидерландский пересыльный лагерь для евреев Вестерборк. Они были депортированы 3 сентября 1944 года с последней партией, отправленной оттуда в концлагеря на востоке, и через три дня прибыли в Освенцим в Польше.

Герман Ван Пельс (Ван Даан), по сведениям Отто Франка, был удушен в газовой камере в октябре или ноябре 1944-го, незадолго до того, как удушения евреев в газовых камерах были прекращены.

Августа Ван Пельс (Ван Даан), побывав в Освенциме, Берген-Бельзене и Бухенвальде, 9 апреля 1945 года оказалась в лагере Терезин, откуда, по-видимому, тоже была депортирована. Она погибла, но дата ее смерти неизвестна.

Петер Ван Пельс (Ван Даан) 16 января 1945 года прошел «маршем смерти» из Освенцима в Маутхаузен (Австрия), где и умер 5 мая 1945 года, всего за три дня до освобождения.

Эдит Франк умерла в Освенциме 6 января 1945 года от голода и истощения.

Марго и Анна в конце октября так называемым эвакуационным транспортом были депортированы в концлагерь Берген-Бельзен на Люнебургской пустоши. Вследствие чудовищной антисанитарии зимой 1944–1945 годов там вспыхнула эпидемия тифа, от которой погибли тысячи заключенных; в их числе умерла Марго, а через несколько дней — Анна. Это произошло в конце февраля или начале марта. Тела обеих девушек захоронены, по всей видимости, в братских могилах Берген-Бельзена. Концлагерь был освобожден английскими войсками 12 апреля 1945 года. Фриц Пфеффер (Дюссел) скончался 20 декабря 1944 года в концлагере Нойенгамме, куда был переведен либо из Бухенвальда, либо из Заксенхаузена.

Отто Франк единственный из восьми нелегалов пережил концлагеря. После освобождения Освенцима русскими войсками он через Одессу добрался до Марселя. 3 июня 1945 года он вернулся в Амстердам и жил там до 1953 года; потом он переселился в Швейцарию, в Базель, где жили его сестра с семьей и брат. Он женился на Эльфриде Гайрингер, урожденной Маркович, из Вены, которая, так же как и он, пережила Освенцим и потеряла мужа и сына в Маутхаузене. Отто Франк посвятил себя международной публикации дневника Анны, все доходы от чего использовал в благотворительных и образовательных целях. В 1963 году он основал Фонд Анны Франк (AFF), который в качестве всеобщего наследника Отто Франка унаследовал также авторские права его дочери. Фонд Анны Франк возглавлялся кузеном Анны Бадди Элиасом с 1996 года до его смерти в 2015-м. Будучи обладателем прав на семейные архивы, Фонд несет ответственность за публикацию «Дневника Анны Франк». До наших дней Фонд верен традициям Отто Франка. Вплоть до своей смерти 19 августа 1980 года Отто Франк жил в Бирсфельдене под Базелем и посвятил себя публикации дневника своей дочери Анны и распространению содержащегося в нем завета. Он и его вторая жена похоронены в Бирсфельдене.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АРИ ФОЛЬМАНА

В своей книге «Конец холокоста» выдающийся историк Элвин Розенфельд утверждает, что «люди знакомятся с эрой нацизма через фигуру Анны Франк чаще, чем через кого бы то ни было еще, исключая разве что Адольфа Гитлера». Розенфельд приводит множество факторов, которые сделали Анну Франк символом, значение которого не уменьшается даже спустя 70 лет. Возможно, поэтому, когда Фонд Анны Франк в Базеле связался со мной и предложил создать эту книгу, я погряз в сомнениях. Меня заставляла медлить преимущественно сама идея графического романа. Читать «Дневник», будучи взрослым, более того, отцом почти взрослых детей, было и оглушительным, и завораживающим опытом: мне казалось непостижимым, как двенадцатилетняя девочка могла обладать таким зрелым, поэтичным, лиричным взглядом на мир вокруг нее и переводить то, что она видит, в краткие глубокие записи, полные сострадания, юмора и рефлексии такой степени, которую я редко наблюдаю во взрослых, не говоря уже о детях. Этот текст культовый и уникальный, и потому визуальная версия столкнулась с серьезным вызовом: если мы хотим перевести весь текст в графическую форму, не пропустив ни слова, отдавая дань уважения каждой букве, которую написала Анна, нам придется нарисовать около 3500 страниц, что займет больше пяти лет. Более того, это слабо коррелирует с основной современной проблемой — пугающим уменьшением числа детей, которые читают книги: ведь большинство загипнотизировано экраном. Таким образом, самой сложной задачей было использовать лишь часть оригинального «Дневника Анны», оставаясь при этом верным ее записям настолько, насколько возможно.

Каждые 30 страниц оригинального дневника стали десятью страницами графической версии. К тому же многие записи были объединены в одну. В первые восемь дней после того, как Анна начала вести дневник, она сделала четыре записи, которые в графической версии стали одной десятистраничной заметкой, охватывающей весь этот период. Идея объединения записей, таким образом, была направлена на то, чтобы раскрыть все темы, затронутые Анной. Поначалу она описывает свою жизнь популярной девочки, обожаемой мальчишками в классе. Затем медленно окунает нас в чудовищные законы нацистской Германии, оккупировавшей Нидерланды. Так заметки самых разных сортов становятся одной связанной историей.

Другой пример: вечная и неразрешимая проблема Анны, страдающей из-за сравнений с ее «идеальной» сестрой Марго, конденсируется на единственной странице, визуализирующей их различия.

Разумеется, в оригинальном дневнике такого сжатого конспекта сестринских отношений нет, однако Анна периодически возвращается к этой волнующей ее теме.

Ни в коем случае мы не пытались вообразить, как нарисовала бы свой дневник Анна, будь она иллюстратором, а не писателем. Вместо этого мы старались передать ее замечательное чувство юмора, ее сарказм (в основном в отношении мефрау Ван Даан, персонажа, который очень нравится и мне, и Дэвиду) и ее навязчивую озабоченность едой, к которой постоянно обращается графический дневник с целью продемонстрировать, что невозможно сжиться с извечным голодом.

В большинстве случаев периоды депрессии Анны мы предпочитали изображать в виде фантастических сцен (например, евреи, перестраивающие пирамиды под властью нацистов) или раскрывать через сны.

По мере ведения дневника заметно растет и писательский талант Анны, и к 1944 году, когда она отчаянно влюбляется в Петера, ее тексты эволюционируют из сентиментальных в не по годам мудрые. Было совершенно невыносимо отказываться от них в пользу иллюстраций, поэтому мы решили оставить целые страницы ее дневника нетронутыми.

От имени Дэвида Полонски и своего собственного я хотел бы заявить, что мы были деликатны и сознательны в том, что касается принятых нами обязательств, и старались принимать максимально взвешенные решения в каждом отдельном случае. Мы взялись за этот проект с намерением передать истинные воспоминания Анны. Нашей целью было сохранить дух Анны Франк в каждом кадре. Дэвид и я также хотели бы поблагодарить Йони Гудмана за раскадровку, Яэля Нахлиэли за колеровку, Джессику Коэн за финальную редактуру текста и особенно Ива Кюгельмана из Фонда Анны Франк, без которого эта книга никогда бы не была опубликована.

Ари Фольман

УДК 087.5:82-34
ББК 83.3:84-45
Ф75

Эта книга публикуется с одобрения Фонда Анны Франк. Как единственный выживший член семьи и единственный наследник своей дочери Анны, Отто Франк в 1963 году организовал в Базеле (Швейцария) Фонд Анны Франк (AFF), назначив его своим наследником. С момента смерти Отто Франка в 1980 году AFF действует как исполнитель его воли, защищая права на книгу его дочери. Дневник находится под защитой программы ЮНЕСКО «Память мира».
Фонд Анны Франк – благотворительная организация, действующая по швейцарским законам. Попечительский совет под руководством кузена Анны Бадди Элиаса трудится безвозмездно. Цель Фонда – поддержка благотворительной деятельности в память об Анне и Отто Франках. Желанием Отто Франка было, чтобы Фонд способствовал достижению взаимопонимания между представителями разных культур и религий и помогал молодым людям всей планеты налаживать связи во имя мира.
Для получения дополнительной информации посетите сайт *www.annefrank.ch*.

Перевод графической версии с английского *Марии Скаф*
Перевод оригинального текста с нидерландского *С. Белокриницкой* и *М. Новиковой*

Издано с разрешения Anne Frank Fonds

Перевод выполнен с оригинального текста ANNE FRANK: THE GRAPHIC DIARY

Графическая версия «Дневника» на русском языке публикуется впервые. Перевод частей оригинального дневника публикуется по изданию: Дневник Анны Франк. М.: Текст, 2016.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 12+

Фольман, Ари
Ф75 **Дневник Анны Франк: графическая версия** / Фольман Ари, Полонски Дэвид, Франк Анна ; пер. с англ. Марии Скаф, с нидерл. С. Белокриницкой и М. Новиковой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 152 с. : ил.

ISBN 978-5-00117-432-5

Дневник Анны Франк – один из самых известных документальных артефактов Второй мировой войны и одновременно проникновенная и искренняя история девочки-подростка. Анна получила тетрадку в подарок от отца на тринадцатилетие и вела дневник три года, пока вместе с семьей (немецкими евреями) пряталась в убежище от нацистов. В дневнике она рассказывает о происходящем вокруг: о домашних неурядицах, о своих переживаниях, о семье и друзьях, и все это на фоне войны.

Графический роман создан Ари Фольманом и Дэвидом Полонски – сценаристом и художником номинированного на «Оскар» и получившего «Золотой глобус» мультфильма «Вальс с Баширом». Адаптацию одобрил Фонд Анны Франк, который курирует издания по всему миру.

Графический роман понравится читателям старше 12 лет.

ISBN 978-5-00117-432-5

Литературно-художественное издание
Для широкого круга читателей

Ари **Фольман**,
Дэвид **Полонски,** Анна **Франк**

ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК. ГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Главный редактор *Артем Степанов*
Ответственный редактор *Анна Дружинец*
Шрифт *Виктор Романовский*
Дизайн обложки *Сергей Хозин*
Верстка, леттеринг *Виктория Сидоренко*
Корректоры *Елена Пинчукова, Ирина Тимохина, Дарья Балтрушайтис*

Дневник Анны Франк — один из самых известных документальных артефактов Второй мировой войны и одновременно проникновенная и искренняя история девочки-подростка.

Анна получила тетрадку в подарок от отца на тринадцатилетие и вела дневник три года, пока вместе с семьей (немецкими евреями) пряталась в убежище от нацистов. В дневнике она рассказывает о происходящем вокруг — о домашних неурядицах, о своих переживаниях, о семье и друзьях — и все это на фоне катастрофы войны.

Графический роман создан Ари Фольманом и Дэвидом Полонски — сценаристом и художником номинированного на «Оскар» и получившего «Золотой глобус» мультфильма «Вальс с Баширом». Адаптацию одобрил Фонд Анны Франк, который курирует издания по всему миру.

издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

vk.com/mifcomics
instagram.com/mifcomics
telegram.me/mifcomics

ISBN 978-5-00117-432-5

9 785001 174325 >

#мифкомиксы
#дневниканныфранк